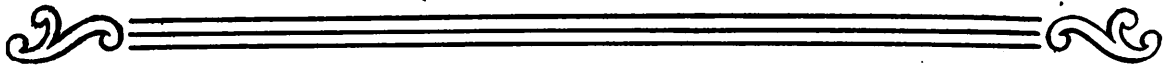

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА

**Т Р У Д Ы
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭРМИТАЖА**

ТОМ
IV

Издательство
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
Ленинград · 1961

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

НУМИЗМАТИКА

2

Издательство
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
Ленинград · 1961

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа*

Под редакцией
А. А. БЫКОВА

Настоящий том «Трудов Государственного Эрмитажа» составлен из работ сотрудников Отдела нумизматики. Предшествующий сборник подобного рода был осуществлен в 1945 г.¹ Он представлял научное лицо коллектива Отдела накануне Великой Отечественной войны, но одновременно являлся и свидетельством тяжелых утрат, понесенных Отделом во время войны, — большинство имен авторов окружено в сборнике траурными рамками.

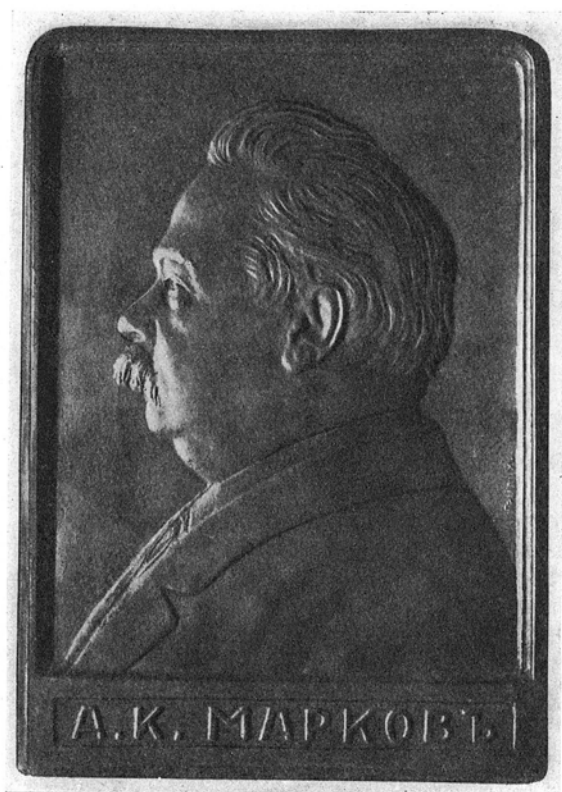
За последние 15 лет было опубликовано значительное количество работ сотрудников Отдела, но вместе, как единый научный коллектив, в печати они не выступали. Между тем, в Отделе произошли большие перемены. В работу постепенно включились многие молодые специалисты, получившие научную подготовку в аспирантуре или на практической работе под руководством немногочисленных представителей старшего поколения, — и выпуск настоящего тома как бы подводит итог этой большой и для минувших лет наиболее неотложной и ответственной работе.

Нумизматика в настоящее время достигла того уровня, когда всеобъемлющее знание всех ее областей стало невозможным для одного человека. К тому же, опираясь на свой специфический материал и совершенствуя свою методику, нумизматика все последовательнее переключается на разработку больших исторических проблем. Происходит процесс специализации и определенной перестройки интересов исследователей, который находит соответствие как в изменении интересов читателей, так и в значительном расширении их круга.

Универсальные сборники нумизматических исследований, объединяющие в себе любые, порою очень далекие друг от друга темы, отходят в прошлое. При подготовке настоящего тома редакцией была поставлена задача подобрать статьи, относящиеся к одной широкой проблеме — истории русского денежного обращения. Таким подбором статей мы отметили памятные для Отдела нумизматики Эрмитажа даты: столетие со дня рождения двух бывших руководителей отдела — А. К. Маркова (1858—1920) и А. А. Ильина (1858—1942) — и семидесятилетие со дня рождения бывшего хранителя восточных монет Р. Р. Фасмера (1888—1938).

Алексей Константинович Марков принадлежал к последнему поколению нумизматов разносторонних интересов. Получив образование в Париже в Ecole des langues orientales под руководством Ленормана и в Петербургском Археологическом институте, он начал работать в Отделе нумизматики Эрмитажа в 1888 г., а с 1900 г. стал во главе его как старший хранитель. А. К. Марков имеет огромные заслуги в значительном и определенным образом направленном обогащении коллекций Отдела. Будучи связанным с Археологической комиссией, членом-корреспондентом которой он был избран в 1907 г., А. К. Марков неутомимо пополнял собрание новыми находками и систематически осуществлял крупные закупки недостающих монет у многих зарубежных фирм. Только его энергии и настойчивости наша

¹ Труды Отдела нумизматики, т. I, Л., 1945.

Алексей Константинович Марков
Плакета работы А. А. Грилихеса

наука обязана спасением для нее знаменитого клада Киево-Печерской лавры, продажа которого за границу уже казалась решенным делом для церковного начальства. Вечным памятником работы Алексея Константиновича в Эрмитаже является и превосходная нумизматическая библиотека Отдела, для комплектования которой он не щадил сил.

С именем Маркова связана впервые осуществленная в нашей стране планомерная подготовка специалистов нумизматов; он читал курс античной, а потом и русской нумизматики в Археологическом институте и является учителем ряда русских нумизматов. Преподавшая им методика использования нумизматического материала ощутима в трудах многих из его учеников.

Огромная эрудиция, широкие и разнообразные интересы А. К. Маркова нашли отражение в его научном наследии. Свой первый труд, написанный в 19-летнем возрасте, Алексей Константинович посвятил нумизматике эллинистического Востока. Занятия историей русского денежного обращения привлекли его внимание к византийской и еще больше к западноевропейской нумизматике, в которой он был достойным преемником Б. В. Кёне, издав описания нескольких кладов средневековых западных монет. Но наиболее близкой ему областью нумизматики были все же восточные монеты, и им Алексей Константи-

нович посвятил большинство своих работ. Появление изданного им на рубеже прошлого века «Инвентарного каталога мусульманских монет Эрмитажа» явилось крупным событием в нумизматике того времени, включившим в научный обиход одно из богатейших собраний восточных монет. Несмотря на изменившиеся научные требования, этот труд до сих пор сохраняет свое значение. Такой же незаменимой работой является составленная А. К. Марковым «Топография кладов восточных монет» (СПб., 1910), без которой невозможно изучение и кладов куфических монет и русского денежного обращения.

До конца своей жизни А. К. Марков был связан с Академией истории материальной культуры, после Великой Октябрьской революции принявшей на себя функции бывшей Археологической комиссии. До последних дней он неутомимо накапливал новые материалы о находках куфических монет в нашей стране.

Научные интересы Алексея Алексеевича Ильина определились еще в молодости: под влиянием Х. Х. Гиля он обратился к русской нумизматике. Многие годы он искренне считал себя только любителем, но постепенно, как прежде его учитель, стал главой и наставником многочисленных русских собирателей, к деятельности которых сохранил сочувственный интерес до конца жизни. Известные таблицы русских монет, издававшиеся им в соавторстве с Х. Х. Гилем, И. И. Толстым и самостоятельно, будут долго служить ценным руководством для собирателей и для музеев.

Имя А. А. Ильина стоит только на шести опубликованных им до 1920 г. работах, но мы знаем, что многотомное издание «Русских монет» вел. кн. Георгия Михайловича, выходя-

шее по 1914 г., полнотой, безупречным подбором и систематизацией монетного материала обязано главным образом А. А. Ильину, так же как в археографической части — М. Г. Деммени.

В Эрмитаж Алексей Алексеевич пришел в 1920 г., возглавив Отдел нумизматики после смерти А. К. Маркова, и с этого времени стал нумизматом-профессионалом, не прекратив работу и в области любимой им картографии. Как руководитель Отдела он имеет большие заслуги в протекавшей в те годы коренной перестройке работы Эрмитажа, которая принесла в частности такие плоды, как открытие постоянной выставки Отдела нумизматики и создание в нем большого дружного коллектива высококвалифицированных специалистов.

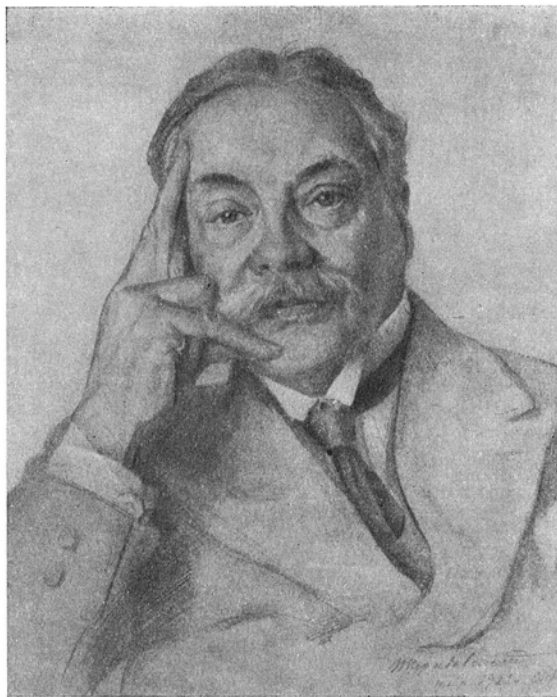
Обладая глубокими познаниями и блестящей интуицией, А. А. Ильин как хранитель русских монет и медалей выполнил поразжающий до настоящего времени объем работ по изучению и введению в собрание Эрмитажа богатейших пополнений, которые непрерывным потоком поступали в 20-х и 30-х годах. На первом месте среди них должно быть поставлено хорошо известное Алексею Алексеевичу великолепное собрание монет его друга И. И. Толстого, принесенное в дар Эрмитажу еще в 1917 г. Собственное собрание монет А. А. Ильина тоже вошло в эрмитажную коллекцию. Рукою этого внешне спокойного и неторопливого человека написаны десятки томов новых каталогов русских монет и медалей, охватывающие все собрание их в Эрмитаже. Заинтересованно и любовно работал Алексей Алексеевич с пришедшими в Отдел молодыми сотрудниками.

Исследовательская работа А. А. Ильина органически слилась с хранительской работой в Эрмитаже, получив вместе с тем новое направление. Он стал одним из наиболее активных работников возглавленной им Секции нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры, в изданиях которой опубликованы его наиболее значительные и актуальные исследования, опиравшиеся на материал Эрмитажа и посвященные проблеме древнерусского денежного обращения. В 1928 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Последние годы жизни ушедший от административной работы А. А. Ильин целиком посвятил исследованию монет XIV—XV вв. и в 1940 г. увидел опубликованный Эрмитажем первый выпуск задуманного им обширного труда.

Во время Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда Алексей Алексеевич не захотел покинуть любимый им город, перешел жить и работать в опустевший после эвакуации Эрмитаж, и в его стенах скончался летом 1942 г., сохраняя до последнего дыхания глубокую уверенность в победе правого дела советского народа. Обаятельный облик А. А. Ильина в последние месяцы его жизни сохранил для нас очерк Веры Инбер «Чистое золото».

Роман Романович Фасмер приступил к работе в Отделе нумизматики Эрмитажа в 1910 г., непосредственно после окончания Петербургского университета. Работая под руководством А. К. Маркова, свою деятельность в Эрмитаже Р. Р. Фасмер начал с каталогизации

Алексей Алексеевич Ильин

Рисунок П. И. Нерадовского

Роман Романович Фасмер

обширного собрания куфических монет. Осенью 1920 г. Р. Р. Фасмер заменил скончавшегося А. К. Маркова в должности хранителя восточных монет. К тому времени им было составлено 8 томов научного каталога, включающих монеты почти всех ближневосточных мусульманских династий предмонгольского времени, а также мусульманские экзагии, гири и клейма. В связи с огромным наплывом новых пополнений Р. Р. Фасмер с 1925 г. приступил к инвентаризации поступавших восточных монет. Однако в первой половине 1920-х годов основной работой Романа Романовича была подготовка к экспозиции монет Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и европейских колоний на Востоке для первой в нашей стране и в Эрмитаже выставки монет и медалей, открытой в 1925 г. Все следующие годы, продолжая инвентаризацию новых поступлений, Р. Р. Фасмер посвятил главным образом научно-исследовательской работе, которой раньше мог уделять сравнительно немного времени. В различных советских и зарубежных изданиях им опубликовано более пятидесяти статей, посвященных ряду монографических тем по нумизматике древнего и средневекового Востока и описанию кладов куфических монет.

В конце 1919 г. Р. Р. Фасмер был зачислен в Академию истории материальной культуры научным сотрудником Постоянной комиссии (потом секции) нумизматики и глиптики. Избранный вскоре ее секретарем, он оставался в этой должности до расформирования секции в 1929 г., составив протоколы почти 500 научных заседаний. Эти протоколы представляют богатейший научный материал, своего рода летопись нумизматики в СССР за указанные годы. Помимо многочисленных сообщений и докладов, работа Р. Р. Фасмера выразилась в собирании материалов для новой топографии находок куфических монет. Ценнейшие данные, собранные Романом Романовичем и пополняемые им в последующие годы, подлежат теперь обработке и изданию.

Заслуги Р. Р. Фасмера в области исследования куфических кладов особенно существенны. Большинство изданных им описаний кладов, как известно, отличается совершенно новой, не практиковавшейся раньше методикой исследования. Сравнение кладов по их составу позволило Роману Романовичу создать периодизацию обращения куфических монет в Восточной Европе и установить четкие признаки, характерные для каждой группы кладов. Основы периодизации и наиболее существенные выводы изложены Р. Р. Фасмером в краткой, но исключительно содержательной статье «Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе»¹.

Работы Р. Р. Фасмера по исследованию куфических кладов — лучшее из созданного им. Они надолго останутся незаменимыми при изучении не только куфических монет и кладов, но и денежного обращения русского средневековья.

¹ «Известия Академии наук СССР», 1933, 4-я серия, № 6—7, стр. 473—484.

В настоящее время в Эрмитаже продолжается разработка проблем древнерусского денежного обращения. Труды А. К. Маркова и Р. Р. Фасмера получают дальнейшее развитие в работах по изучению многочисленных кладов восточных, византийских и западноевропейских монет, обнаруженных на территории СССР. Изданию таких кладов посвящены публикуемые здесь работы А. А. Быкова, Т. Н. Минасян, В. М. Потина и И. В. Соколовой, а также дочери А. К. Маркова — старшей сотрудницы отдела, хранителя западноевропейских монет А. А. Марковой, которая в 1959 г. оставила работу в Отделе.

Разработка собственно русской нумизматической тематики представлена исследованием М. П. Сотниковой, продолжающей труды А. А. Ильина и Н. П. Бауера по изучению древнерусских платежных слитков, и работами И. Г. Спасского и Л. С. Пискуновой, посвященными исследованию донативных золотых монет русской чеканки XV—XVII вв. и возникновению русских воинских наградных медалей.

Таким образом, в создании тома участвуют оба поколения сотрудников Отдела: ученики названных выше ученых и ученики их учеников. Вопросы нумизматики и истории денежного обращения античного мира, Востока и Западной Европы найдут отражение в следующем нумизматическом томе «Трудов Государственного Эрмитажа».

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ КЛАДА ВЕЛЛА

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже часть монетного клада, найденного в 1903 г. в казенном имении Велла (современное с. Вылла, район Пярну, Эстонская ССР), представляет большой интерес для византийской нумизматики.

Серебряные византийские монеты X—XI вв. часто встречаются в кладах западноевропейских и восточных монет, но вкраплены в них обычно лишь несколькими экземплярами. Ареал этих кладов лежит исключительно за пределами Византии, поэтому такие клады в целом, освещая главным образом некоторые стороны экономической жизни Европы, свидетельствуют только о внешних связях Византии и не могут характеризовать ее внутреннее денежное обращение. Лишь наличие в них больших групп милиарисиев позволило бы широко изучать византийский серебряный чекан и тем самым монетное дело империи.

К сожалению, клады со значительным количеством серебряных византийских монет представляют большую редкость. Из нескольких десятков опубликованных кладов лишь пять насчитывают по двадцать и более милиарисиев: клад Велла, часть которого, поступившая в Археологическую комиссию, содержала около 130—140 милиарисиев второй половины X — начала XI в.,¹ и 4 клада, найденные на острове Готланд: в Оксарве (Oxarve, 104 экз.²), в Сигсарве (Sigsarve, в 1918 г. — 21 экз.,³ в 1950 г. — 24 экз.⁴) и в Висбю (Visby, 20 экз.⁵).

Как видно из приведенного, клад Велла выделяется наибольшим количеством византийских монет. Имеются сведения, что в момент находки он содержал около 900 восточных, западноевропейских и византийских монет, среди которых, якобы, был двойной милиарисий Василия II и Константина VIII, но в Археологическую комиссию поступило всего 300 с лишним экземпляров,⁶ которые были разделены между Эрмитажем и Университетом. В 1903 и 1904 гг. из Археологической комиссии в Эрмитаж были переданы 16 византийских и восточных монет, остальные в количестве 298 западноевропейских, восточных и византийских — в музей Санкт-Петербургского университета,⁷ откуда в 1932 г. поступили в Эрмитаж. В комплексе монет клада Велла уже в момент передачи из музея Университета отсутст-

¹ N. L. Rasmussen. Kungl. Munkabinettet, Stockholm, 1949. Nordisk Numismatisk Aarsskrift, 1950, стр. 160; S. Mosser. A bibliography of byzantine coin hoards. NNM. № 67, New York, 1935, стр. 96; Вауег. ZfN, XXXIX, стр. 38, № 64; А. К. Марков. Лифляндский клад. ИАК, № 17, 1905, стр. 136—137.

² S. Mosser. Ук. соч., стр. 63.

³ S. Mosser. Ук. соч., стр. 79.

⁴ R N, 5 сер., т. 17, 1955, стр. 302—303.

⁵ S. Mosser. Стр. 95; А. К. Марков. Стр. 82, № 185.

⁶ N. Вауег. ZfN, стр. 38, № 64.

⁷ Архив Отдела нумизматики, «Книга для записывания различных приобретений по отделению монет. № 8», дело № 78 за 1903 г. и № 91 за 1904 г.; также ОАК за 1903 г., стр. 209; ИАК, № 17, стр. 136—137.

вовали 21 восточная и одна византийская монеты. Из остальных 276 монет утратили паспорт и не могут быть опознаны еще 5 византийских, а все восточные (18 экз.), по-видимому, растворились в собрании. Монеты, поступившие в Эрмитаж в 1903 и 1904 гг., в свое время были включены в основное собрание и тоже как часть клада невозстановимы. В настоящее время в Эрмитаже хранятся в виде кладового комплекса 253 монеты, из которых 136 западноевропейских и 117 византийских.⁸

Принадлежащая Университету часть клада в 1905 г. была опубликована А. К. Марковым,⁹ который составил полный перечень всех восточных монет, кратко сообщил о западноевропейских и указал количество византийских монет с разбивкой их по правлениям, сделав о монетах Василия II и Константина VIII несколько замечаний, к которым мы обратимся ниже.

подавляющее большинство сохранившихся византийских монет клада, за исключением одной монеты Никифора Фоки и одной — Иоанна Цимисхия, составляют милиарисии Василия II и Константина VIII. Кроме того, имеется одна монета — подражание типу последних. На нее А. К. Марков, по-видимому, не обратил внимания, не отметив в своей публикации. Важно его упоминание о ныне отсутствующей монете Константина VII и Романа II.

Милиарисии Василия II и Константина VIII подразделяются на две основные группы по диаметру монетного кружка. Тип тех и других одинаков и хорошо известен: на лицевой стороне помещен крест на Голгофе из четырех ступеней, по сторонам которого — погрудные изображения императоров и надпись: $\epsilon\pi\tau\omicron\nu\tau\omega\nu\pi\iota\alpha\tau\omicron\upsilon - \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\sigma\omega\nu\sigma\tau$. На оборотной стороне пятистрочная надпись: $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\sigma\omega\nu\sigma\tau\alpha\nu\tau\omicron\nu\pi\omicron\rho\epsilon\nu\rho\omicron\varsigma\prime\pi\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\sigma\omega\nu\sigma\tau$, а в поле над нею и внизу — по розетке. На части экземпляров надпись на оборотной стороне имеет незначительное отличие: в слове $\pi\iota\sigma\tau\omicron\upsilon$ дифтонг oi заменяется гласной „v“, а вместо „с“ ($\kappa\alpha\iota$) стоит „s“.

А. К. Марков, классифицируя милиарисии Василия II и Константина VIII, разделил их на 8 вариантов соответственно форме розеток на оборотной стороне, выделив в первом и четвертом вариантах подгруппы «обрезанных» и «необрезанных» монет. Существование обрезанных и необрезанных милиарисиев названных императоров издавна считается общепризнанным,¹⁰ в чем, однако, именно монеты клада Велла заставляют сомневаться.

Размер является не единственным и даже не наиболее важным признаком для подразделения милиарисиев Василия II и Константина VIII на две группы. На всех монетах первой группы, с диаметром 21—22 мм и весом 2,25—2,40 г («обрезанные»), слово $\pi\iota\sigma\tau\omicron\upsilon$ в легенде оборотной стороны написано с дифтонгом. Характерным признаком второй группы («необрезанные» монеты), которую составляют милиарисии с диаметром 24—27 мм и со средним весом 2,90—3,00 г, является замена этого дифтонга буквой „v“, что находит объяснение в явлении итацизма в средневековом греческом языке. На ряде монет той же второй группы нередко пропускается буква „п“ в написании имени Константина (только в легенде оборотной стороны), что также соответствует произношению этого слова греками в средние века. Только на этих монетах „с“ (союз $\kappa\alpha\iota$) заменяется „s“.

Сама по себе замена дифтонга или буквы равноценной им по произношению буквой не является чем-то особенным в среднегреческом языке и довольно широко распространена в византийской нумизматике VIII—X вв.¹¹ Важно отметить, что в надписях на милиарисиях Василия II и Константина VIII наличие итацизма сопутствует метрологической разнице

⁸ В начале двадцатых годов в Эстонии были обнаружены аббасидский дирхем (Багдад, 936 г.), денарий Оттона I, чеканенный в Майнце, и одна византийская монета, вероятно, происходящие из того же клада. (Р. Р. Ф а с м е р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. Сообщения АИМК, I, 1926 г., стр. 293, раздел III, 6).

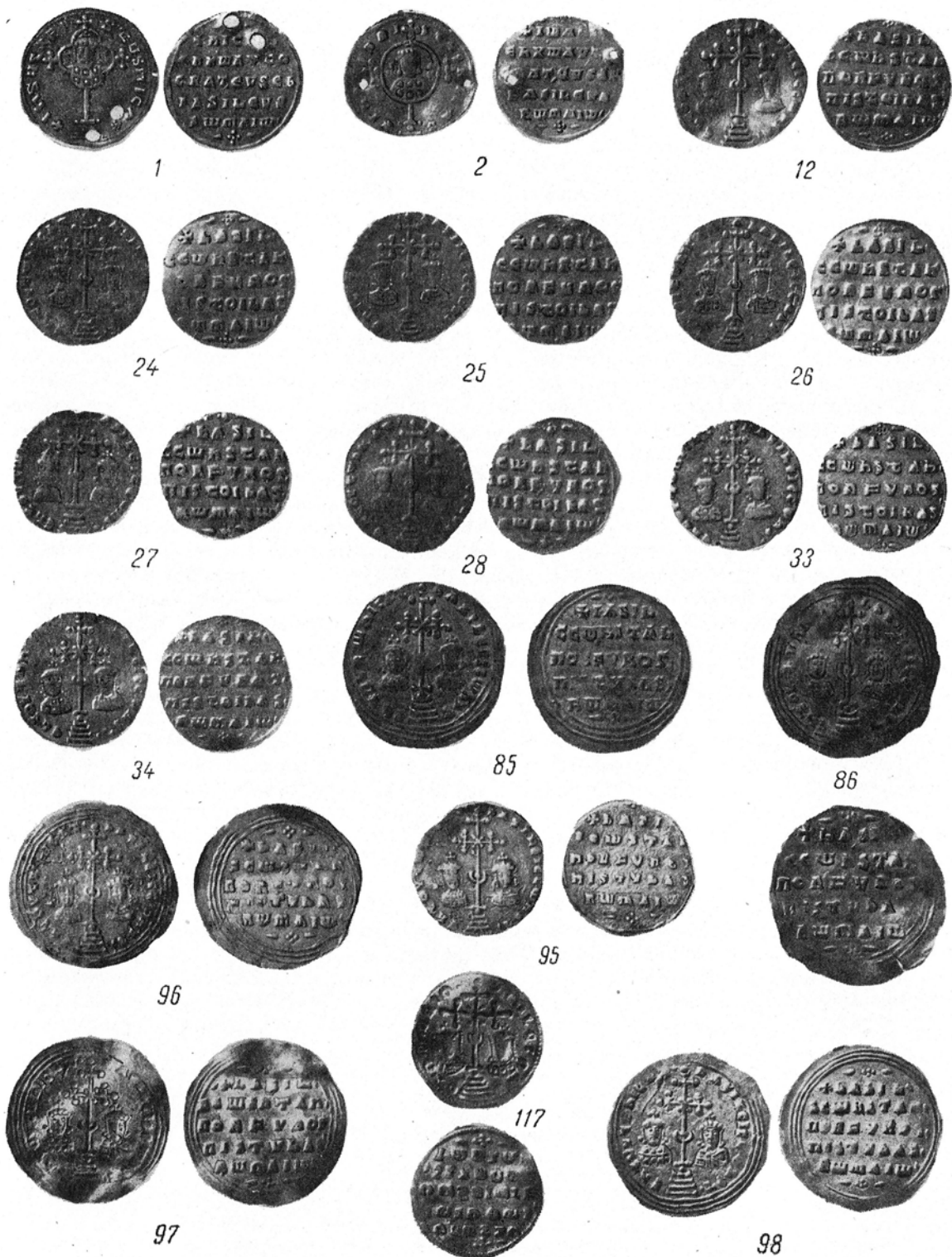
В 1949 г. Стокгольмский королевский милицейский кабинет приобрел группу монет (150 экз.), якобы являющуюся частью клада Велла (N. R a s t u s s o n, ук. соч., стр. 160).

⁹ А. К. М а р к о в. Лифляндский клад. ИАК, № 17, 1905 г., стр. 136—137. Все другие упоминания о кладе в основном информационного характера. Н. П. Бауер уточнил сведения о величине клада, числе монет, поступивших в Археологическую комиссию и переданных в Университет и Эрмитаж, и исправил неточности, допущенные в изданиях Археологической комиссии (В а у е г, Z f N, стр. 38, № 64).

¹⁰ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 143.

¹¹ ВМС. т. II, например, стр. 380, 391, 398, 406, 439, 440.

Таблица 1

Византийские миллиарсии клада Велла.

этих монет. Другими словами, с написанием эпитета $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}\iota$ с υ в подавляющем большинстве случаев сочетается более высокий вес и больший кружок, а написанию того же слова по орфографическим правилам древнегреческого языка соответствует средний вес 2,25—2,40 г. и кружок диаметром в 21—23 мм.

Указанные сочетания не являются случайностью или особенностью клада Велла, а присущи всем серебряным монетам Василия II и Константина VIII, что прослеживается на материале коллекций Государственного Эрмитажа и Британского музея, а также других собраний и случайных находок. Так, из 44 милиарисиев обеих групп, происходящих из различных музеев СССР, на двадцати четырех слово $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}\iota$ написано с дифтонгом, причем диаметр только двух экземпляров превышает 23 мм. Из 20 монет, написанных с υ в слове $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}\iota$, лишь пять имеют диаметр менее 23 мм. и, соответственно, вес, не превышающий 2,10 г. В кладе Велла насчитывается 61 монета первой группы, среди которых лишь у трех диаметр превышает 23 мм, а из 53 монет второй группы имеют диаметр, меньший 23 мм, семь монет. Наличие в отмеченных выше группах определенных, постоянно присущих им признаков исключает всякую возможность рассматривать их как группы обрезанных и необрезанных монет: невозможно представить себе, чтобы при обрезке преднамеренно выбирались монеты с эпитетом $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}\iota$, написанным с дифтонгом.

Тщательное обследование всех малых монет не обнаружило никаких следов ножниц, что изредка наблюдается на больших. Среди группы милиарисиев большего, а также и меньшего размера имеются экземпляры, чеканенные одной парой штемпелей или общим штемпелем какой-либо стороны. Однако нет монет первой группы, имеющих одинаковый штемпель с монетами второй группы, что следует сказать не только о милиарисиях клада, но и обо всех других, изученных нами. Такая разобщенность монет с $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}\iota$ и $\lambda\iota\sigma\tau\acute{o}$ подтверждает правомерность разделения их на две группы.

Вряд ли обе группы представляют чекан разных монетных центров. Наличие итацизма в легендах еще не дает оснований отрицать константинопольское происхождение монет второй группы, так как подобные явления вообще часто встречаются на монетах VIII—X вв. Произведенный спектральный анализ не показал существенных отличий в составе металла обеих групп, что позволяет предполагать происхождение их из одного монетного центра, а не из разных монетных дворов.

Вероятнее, что установленная выше разнородность монет двух групп представляет особое метрологическое явление официального характера, которое может быть прослежено на значительно большем протяжении времени, чем правление Василия II и Константина VIII. В XI в. одновременный выпуск двух видов серебряных монет стал обычным явлением, но еще в предшествующее правлению Василия II и Константина VIII царствование Иоанна Цимисхия (969—976) наряду с обычными милиарисиями появляются серебряные монеты нового типа,¹² имеющие повышенный вес и больший диаметр. Таким образом, устанавливается наличие двух различных, одновременно существовавших групп милиарисиев, которые могут быть сближены с двумя рассматриваемыми группами милиарисиев Василия II и Константина VIII, хотя в первом случае имеют место неопределенные метрологические различия при возникновении новых монетных типов, а во втором эти же неопределенные различия выявляются в одном типе монет. Милиарисии Василия II и Константина VIII, отнесенные к первой группе, как и обычные милиарисии Иоанна Цимисхия, чеканены в традициях милиарисиев всего X в., полностью совпадая с ними по размеру и допуская лишь незначительное понижение в весе (милиарисии Иоанна Цимисхия этого типа имеют диаметр 21—23 мм и вес 2,60—2,80 г; Никифора Фоки — диаметр 22 мм, вес 2,60—2,70 г; Константина VII и Романа II — диаметр 21—23 мм и вес 2,70—2,90 г и т. д.). Милиарисии Василия II и Константина VIII второй группы могут быть сравнены с монетами Иоанна Цимисхия нового типа, имеющими диаметр 26—27 мм и вес около 3 г.

Существование монет меньшего диаметра среди милиарисиев второй группы и большего диаметра в первой группе не опровергает высказанного выше предположения. В отдельных

¹² ВМС, т. II, стр. 476, № 7, табл. LIV, № 14.

случаях меньший диаметр монет второй группы можно объяснить обрезыванием, но вероятно, что в виде исключения монеты чеканились и на кружках „чужой“ группы, что доказывают две монеты (табл. 1, 95 и 96), различные по величине, но одинаковые по надписям оборота. Лицевая сторона их чеканена общим штемпелем. Это можно объяснить лишь тем, что монеты обеих групп чеканились в одном месте и одновременно; это делало возможным случайное смешение кружков различного размера.

В связи с предположением о существовании миллиарисиев двух метрологических групп следует обратить внимание на упомянутый в каталоге Британского музея миллиарсий удвоенного веса (4,32 г), с *plottó* в легенде оборотной стороны. В. Рос рассматривает его как особый номинал.¹³

Чекан обоих видов монет Василия II и Константина VIII производился, по-видимому, с первых лет их правления. В пользу такого мнения говорит установленная А. К. Марковым дата зарытия клада, которую он относит к концу X или началу XI в.¹⁴

Восточные монеты клада, о которых в настоящее время можно судить только по публикации А. К. Маркова, являются наиболее ранними в клады. А. К. Марков перечисляет монеты Аббасидов, эмиров ал-Умара, Марванидов, Хамданидов, Окайлидов, Саманидов, Бувайхидов и, наконец, эмиров Волжских Булгар. Основная масса этих монет чеканена на обширной территории халифата между 900 и 960 гг., наиболее древняя выпущена в 862 г. в Исфахане, наиболее поздняя — в 976 г. эмиром Волжских Булгар Мумином ибн ал-Хасаном. По классификации Р. Р. Фасмера, клад относится к третьему периоду обращения дирхемов на территории Восточной Европы.¹⁵ Вероятно, на побережье Балтийского моря восточные монеты клада попали в 80—90-х годах X столетия, поскольку среди них отсутствуют дирхемы, характеризующие денежное обращение Восточной Европы конца X и начала XI вв.

Западноевропейские монеты клада представляют очень компактную группу как в локальном, так и в хронологическом отношении. За исключением одной монеты Девентера все они оказались денариями Оттонов, чеканенными в трех городах, расположенных на Рейне — в Майнце, Шпейере, Вормсе. Одинаковый тип монет — равноконечный крест с точками в секторах на лицевой стороне и изображение храма на оборотной — при стертой или плохо оттиснувшейся надписи во многих случаях затрудняет точное определение монет. В частности, это касается одного денария (табл. III, 222), на котором сохранившийся фрагмент надписи лицевой стороны может быть прочтен как «*Конрад*» на майнцских денариях Конрада II (1024—1039) и как «*imperator*» на ряде оттоновских монет (см. №№ 217—221, табл. III, 218, 219, 221). Ввиду большого сходства этой монеты с последними и отсутствия других денариев Конрада II или правителей, выпускавших монеты в промежуток времени от конца правления Оттона III (983—1002) и до начала правления Конрада, мы причисляли ее к оттоновским монетам.

Среди монет, приобретенных стокгольмским королевским минцкабинетом, относимых Н. Расмуссеном к кладу Велла, находится денарий архиепископа Лиумара (1072—1105), что отодвигает дату сокрытия клада к началу XII в.¹⁶ Однако такая датировка клада настолько противоречит составу хранящейся в Эрмитаже части, что заставляет воздержаться от принятия ее впредь до опубликования всей стокгольмской группы монет и сохранить предложенную А. К. Марковым (конец X — начало XI в.).

В течение полувекового правления Василия II и Константина VIII выпускались миллиарисии, которые не обнаруживают каких-либо различий и особенностей, способствующих более детальной датировке монет. Поэтому в данном случае сравнительно ранняя дата всего

¹³ ВМС, т. I, стр. XXVII; т. II, стр. 487, прим. 1.

¹⁴ А. К. Марков. Лифляндский клад. ИАК, № 17, 1905, стр. 137.

¹⁵ Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Известия Академии наук СССР, № 6—7, 1933, Отделение общественных наук, стр. 478.

¹⁶ N. Rasmussen. Ук. соч., Nordisk Numismatisk Aarsskrift, 1950, стр. 160; P. Verghaus. Deutsche Münzen des 11. Jahrhunderts in Kungl. Myntkabinettet, Stockholm. Hamburger Beiträge zur Numismatik. B. 5, 1951, стр. 8.

клада в целом дает основание считать, что чеканка милиарисиев обеих групп производилась уже в конце X в.

Ниже приводится описание всех сохранившихся монет клада Велла с добавлением списка восточных, опубликованных А. К. Марковым. Поскольку тип и легенда милиарисиев Василия II и Константина VIII постоянны, то под соответствующими номерами дается только вес и размер (дробью: $\frac{\text{вес}}{\text{размер}}$), указываются особенности легенды и типа и отмечаются монеты, чеканенные одними и теми же штемпелями. Во второй группе вначале описаны монеты, на которых союз *καί* обозначен «с», затем — милиарисии, на которых тот же союз выражен «s», а в имени Константина пропущена буква «п». Последовать А. К. Маркову и классифицировать монеты по типам розеток представлялось неправильным, поскольку такая классификация не отразила бы существования выявленных групп милиарисиев.

Западноевропейские монеты казались целесообразным описать подробнее, по возможности, с полной передачей надписи.

Как указывалось выше, денарии клада в ряде случаев представляют большие трудности для определения. Наиболее просто могли быть выделены монеты Вормса по изображению в одном из секторов оборотной стороны епископского посоха. На монетах Шпейера надпись в большинстве случаев прочесть не удавалось, и принадлежность их к этому монетному двору определялась по ряду второстепенных признаков: сходству изображений храма и начертания ряда букв с теми же деталями несомненных монет Шпейера. Среди монет Майнца, которые составляют основную массу западноевропейской части клада, выделяются интересные оттоновские монеты с титулом „*rex*“, экземпляры с полным написанием титула «*imperator*» и с полным написанием слова «*civitas*». Денарии со сходными изображениями и надписями объединены в группы, для каждой из которых дается ссылка на подобные или близкие монеты, опубликованные в работе Г. Данненберга.¹⁷

В определении западноевропейских монет большую помощь оказала А. А. Маркова, которой автор приносит свою искреннюю благодарность.

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ¹⁸

Н и к и ф о р Ф о к а (963—969)

1. Л. с. Крест на Голгофе из трёх ступенек, на пересечении концов которого расположен крестообразный медальон с изображением императора. Надпись в медальоне: $\eta\iota\kappa\iota\phi$; круговая надпись: $\text{IN}\Sigma\text{X}\text{P}\text{I}-\Sigma\text{C}\text{H}\text{N}\text{I}\text{C}\text{A}$. О. с. Пятистрочная надпись: $\text{+ NICHF|ENX'WAVTO|CRAT'EVSEB|BASILEVS|RWMAIW'}$. Над надписью и внизу розетки: $\text{---}\cdot\cdot\cdot\text{---}$. Вес 2,82, диам. 22 (ВМС, II, стр. 472—473, № 6—7, табл. LIV, 6), табл. I.

И о а н н Ц и м и с х и й (969—976)

2. Л. с. Как выше, но медальон круглый; в нем надпись: $\eta\omega\alpha\mu\eta$; круговая легенда: $\text{IN}\Sigma\text{X}\text{P}\text{I}-\Sigma\text{C}\text{H}\text{N}\text{I}\text{C}\text{A}$
О. с. Пятистрочная надпись: $\text{+ I\omega\alpha\mu\eta|ENX'WAVTO|CRAT'EVSEB|BASILEVS|RWMAIW'}$
Над надписью и внизу — розетки: $\text{---}\cdot\cdot\cdot\text{---}$. Вес 2,25, диам. 20,5 (ВМС, II, стр. 475, № 5—6, табл. LIV, 13), табл. I.

В а с и л и й II и К о н с т а н т и н VIII (976—1025)

Первая группа

3—63. Л. с. Крест на Голгофе из четырех ступенек, по сторонам которого — погрудные изображения императоров. Надпись: $\text{EN}\text{T}\text{O}\text{V}\text{T}\text{O}\text{N}\text{I}\text{C}\text{A}\text{T}'-\text{B}\text{A}\text{S}\text{I}\text{L}\text{E}\text{I}'\text{C}\text{C}\text{W}\text{N}\text{S}$

¹⁷ Dbg, т. I.

¹⁸ Л. с. (О. с.) — в описании монет: лицевая (оборотная) сторона.

О. с. Пятистрочная надпись: ΒΑΣΙΛ|CCΩNSTAN|ΠΟΡΦΥΡΟΣ|ΠΙΣΤΟΙΒΑΣ|ΡΩΜΑΙΩ|'. В поле
вверху и внизу по розетке (ВМС, II, стр. 487, № 18—20, табл. LVI, 11).

- № 3. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,64}{24}$; 4. $\frac{2,32}{21,5}$; 5. $\frac{2,04}{21,5}$; 6. $\frac{2,14}{21}$; 7. $\frac{2,04}{21}$;
8. $\frac{2,28}{21,5}$; 9. $\frac{2,53}{22}$; 10. $\frac{1,87}{20,5}$; 11. $\frac{2,38}{21}$; 12. (Чеканена штемпелями № 11). $\frac{2,31}{21}$ (табл. I);
13. $\frac{2,58}{24,5}$; 14. $\frac{2,55}{23}$; 15. $\frac{2,39}{21}$; 16. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,45}{20,5}$; 17. $\frac{2,56}{21}$;
18. $\frac{2,28}{21}$; 19. $\frac{2,33}{20,5}$; 20. $\frac{2,93}{22}$; 21. $\frac{2,69}{22}$; 22. $\frac{2,77}{22,5}$; 23. (Чеканена штемпелями № 22). $\frac{2,52}{21,5}$;
24. $\frac{2,20}{21}$ (табл. I); 25. (общий штемпель о. с. с № 24). $\frac{2,25}{20,5}$ (табл. I); 26. (Чеканена штемпелями № 25). $\frac{2,39}{21,5}$ (табл. I); 27. Розетки $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$; (общий штемпель л. с. с № 26). $\frac{2,13}{20,5}$ (табл. I);
28. (Общий штемпель о. с. с № 27). $\frac{2,58}{21,5}$ (табл. I); 29. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$.
 $\frac{2,47}{21,5}$; 30. $\frac{2,51}{21}$; 31. (Чеканена штемпелями № 30). $\frac{1,97}{20}$; 32. $\frac{2,16}{21,5}$; 33. $\frac{2,23}{20,5}$ (табл. I);
34. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$, (общий штемпель л. с. с № 33). $\frac{2,35}{21}$ (табл. I);
35. $\frac{2,14}{21,5}$; 36. $\frac{3,00}{20,5}$; 37. $\frac{2,31}{20,5}$; 38. $\frac{2,40}{21}$; 39. $\frac{1,43}{20}$; 40. $\frac{2,49}{21,5}$; 41. $\frac{2,14}{21,5}$; 42. $\frac{1,79}{21}$; 43. $\frac{3,06}{23}$;
44. $\frac{2,36}{22}$; 45. $\frac{3,00}{24}$; 46. Розетки, как и на следующей, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,30}{21}$; 47. $\frac{1,89}{20,5}$; 48. Розетки:
 $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$, $\frac{2,43}{21,5}$; 49. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,97}{20}$; 50. $\frac{2,37}{21}$; 51. $\frac{2,95}{22}$; 52.
 $\frac{2,97}{21}$; 53. $\frac{2,02}{22}$; 54. $\frac{2,24}{21,5}$; 55. $\frac{2,47}{21,5}$; 56. $\frac{2,58}{22}$; 57. Розетки, как и на следующих, $\cdot\cdot\cdot$ $\frac{2,66}{21}$;
58. $\frac{2,12}{21,5}$; 59. $\frac{2,80}{21,5}$; 60. $\frac{2,20}{21}$; 61. Розетки: $\cdot\cdot\cdot$ $\frac{2,28}{21}$; 62. Розетки, как и на следующей,
 $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,55}{20,5}$; 63. $\frac{2,55}{20,5}$.

Вторая группа

64—116. Тип тот же, но в легенде оборотной стороны $\mu\sigma\tau\upsilon$ (ВМС, II, стр. 487, № 14—
15, табл. LVI, 9—10).

64. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,98}{27}$; 65. (Общий штемпель л. с. с № 64). $\frac{3,15}{26}$;
66. $\frac{2,83}{25}$; 67. (Чеканена штемпелями № 66). $\frac{3,00}{26}$; 68. $\frac{2,90}{25,5}$; 69. $\frac{2,96}{26}$; 70. $\frac{3,00}{26,5}$; 71. (Чеканена штемпелями № 70). $\frac{3,25}{26}$; 72. (Общий штемпель о. с. с № 71). $\frac{2,84}{27}$; 73. (Чеканена штемпелями № 72). $\frac{3,01}{26,5}$; 74. $\frac{3,11}{26}$; 75. $\frac{2,95}{25}$; 76. $\frac{3,09}{26}$; 77. $\frac{3,01}{25,51}$; 78. $\frac{2,98}{26}$; 79. Розетки:
 $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$, $\frac{3,02}{26}$; 80. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$ $\frac{2,98}{27}$; 81. (Чеканена штемпелями № 80). $\frac{2,87}{26}$; 82. $\frac{2,97}{25}$; 83. (Общий штемпель л. с. с № 82). $\frac{3,08}{25,5}$; 84. $\frac{2,14}{21,5}$; 85. (Общий штемпель о. с. с № 84). $\frac{3,07}{25,5}$ (табл. I); 86. $\frac{3,01}{27,5}$ (табл. I); 87. $\frac{2,95}{26,5}$; 88. (Общий штемпель л. с. с № 87). $\frac{2,96}{26}$; 89. $\frac{3,01}{27}$; 90. $\frac{2,57}{22,5}$; 91. Розетки, как и на следующих, $\text{---}\cdot\cdot\text{---}$, $\frac{2,98}{26,5}$;

92. $\frac{3,00}{27}$; 93. $\frac{2,81}{25}$; 94. Розетки, как и на следующих, $\rightarrow \cdot \cdot \cdot \rightarrow$; в легенде о. с. $\text{C}\omega\text{C}\tau\text{A}\Pi$ $\frac{2,85}{26}$; 95. «с» (*καλ*) заменено «s», как и на следующих. $\frac{1,95}{20,5}$ (табл. I); 96. (Общий штемпель л. с. с № 95). $\frac{3,04}{26}$; (табл. I); 97. В легенде о. с.: $\text{C}\omega\text{C}\eta\text{T}\text{A}\Pi$ $\frac{2,90}{25,5}$ (табл. I); 98. (Общий штемпель л. с. с № 97; в легенде о. с.: $\text{C}\omega\text{H}\text{C}\tau\text{A}\Pi$). $\frac{2,83}{25}$ (табл. I); 99. Как и на следующих, $\text{C}\omega\text{C}\tau\text{A}\Pi$ $\frac{3,03}{26}$; 100. $\frac{2,99}{26}$; 101. $\frac{2,91}{25}$; 102. (Чеканена штемпелями № 101). $\frac{2,81}{24}$; 103. $\frac{2,25}{23}$; 104. $\frac{2,92}{26,5}$; 105. $\frac{2,97}{26}$; 106. В легенде о. с., как и на следующих, $\text{C}\omega\text{H}\text{C}\tau\text{A}\Pi$ $\frac{3,06}{26}$; 107. $\frac{2,85}{27}$; 108. $\frac{2,87}{25,5}$; 109. $\frac{2,42}{20}$; 110. (Чеканена штемпелями № 109). $\frac{2,51}{21,5}$; 111. $\frac{2,71}{26}$; 112. $\frac{2,97}{26,5}$; 113. $\frac{2,11}{20}$; 114. Розетки $\rightarrow \cdot \cdot \cdot \rightarrow$ $\frac{2,92}{25}$; 115. Как и на следующей, розетки $\rightarrow \cdot \cdot \cdot \rightarrow$; в легенде о. с. $\text{C}\omega\text{C}\tau\text{A}\Pi$ $\frac{2,95}{25}$; 116. $\frac{2,20}{21}$; 117. Подражание типу милиарисиев Василия II и Константина VIII. Круговая надпись на л. с. и пятистрочная на о. с. не читаются (табл. I).

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ МОНЕТЫ

Майнц

Оттон I или II (936—978 или 978—983)

Изображение храма на монетах №№ 118—123 соответствует помещенному на денариях, опубликованных Данненбергом (Dbg., т. I, табл. 94, №№ 776 и 777). Надписи слишком фрагментированы, чтобы по ним можно было точно определить монеты. Как кажется, легенда лицевой стороны сходна с легендой на монетах Оттона I (Dbg, стр. 301, № 776), а оборотной— с соответствующей легендой на монете № 777.

№ 118. Л. с. O... IPPA, о. с. ...NC..., 1, 20 г (табл. II); 119. 1,37 г; 120. 1,37 г; 121. Л. с. ..TO+.....; о. с. AHC... 1,17 г; 122. 0,82 г; 123. 1,51 г (табл. II).

Оттон II (978—983)

Как изображения, так и надписи на монетах №№ 124—162 имеют близкие аналогии на опубликованных Г. Данненбергом монетах (Dbg., стр. 302, №№ 778^a и 778^b), от которых незначительно отличаются перестановкой букв в легендах.

№ 124. 1,36 г; 125. (Чеканена штемпелями № 124). 1,35 г; 126. Л. с. OTTO+GVA..., о. с. +O..CIA-CI 1,33 г (табл. II); 127. 1,53 г; 128. 1,25 г; 129. 1,36 г; 130. 1,37 г; 131. 1,20 г; 132. (Чеканена штемпелями № 131). 1,20 г; 133. Л. с. OTTOx.... GMI, о. с. OMGCIA-CI 1,38 г (табл. II); 134. 1,20 г; 135. 1,41 г; 136. 1,40 г; 137. 1,49 г; 138. 1,16 г; 139. 1,38 г; 140. 1,32 г; 141. 1,41 г; 142. 1,44 г; 143. Л. с. OTTOMIPAVG, о. с. +OM. CIA-CI. 1,32 г; 144. 1,31 г; 145. 1,33 г; 146. (Общий штемпель о. с. с № 145). 1,31 г; 147. Л. с. O.TOVAGDMI, о. с. +OMG...-CI. 1,26 г (табл. II); 148. 1,13 г; 149. 1,52 г; 150. 0,95 г; 151. 1,92 г; 152. 1,30 г; 153. 1,22 г; 154. Л. с. OTTO....IM, о. с. +OM..AC-ID 1,16 г (табл. II); 155. 1,47 г; 156. 1,00 г; 157. 1,37 г; 158. 1,29 г; 159. Л. с. +....GVAIIM; о. с. ...DNI-C. 1,20 г; 160. 1,33 г; 161. Л. с. OTT....., о. с. .O.ONCI... 1,30 г; 162. 1,24 г; 163. Л. с. O....VACNI, о. с. +OMG... I. 1,25 г.

Монеты №№ 164—176 по типу лицевой стороны не отличаются от предыдущих, а на оборотной стороне имеют изображения, совпадающие с рисунком, воспроизведенным Г. Данненбергом (Dbg., т. I, табл. 34, № 778) и надпись, близкую легенде оборотной стороны на монете, описанной под тем же номером (Dbg., т. I, стр. 302).

№ 164. Л. с. GVAIMOTTO, о. с. +OMGCCIC 1,37 г (табл. II); 165. (Чеканена штемпелями № 164). 1,38 г; 166. 1,16 г; 167. 1,25 г; 168. 1,32 г; 169. 1,26 г; 170. Л. с. +OTTO IMP..D, о. с. IDAIO..O 1,37 г (табл. II); 171. 1,62 г; 172. 1,26 г; 173. 1,35 г; 174. 1,23 г; 175. Л. с. +OTTOGVAI.., о. с. M...MCIACI 1,17 г; 176. 1,33 г.

Оттон II или III (978—983; 983—1002)

Легенда оборотной стороны следующих монет (177—186) не имеет точных аналогий в описаниях Г. Данненберга, в ряде случаев она производит впечатление не вполне осмысленного копирования с имевшегося у мастера образца. На некоторых монетах она сходна с одной из приведенных Г. Данненбергом (Dbg., т. I, стр. 302, № 779).

177. 1,21 г; 178. Л. с.GVA, о. с.CIDI 1,19 г; 179. Л. с. OTTO....., о. с.NCA 1,28 г; 180. 1,23 г (табл. II); 181. Л. с. ..TOGVAIMP, о. с. OLIG...DIII 1,30 г; 182. Л. с. +OTTOGVAMP, о. с. OLIG.CMD 1,20 г (табл. II); 183. 1,33 г; Общий штемпель л. с. с №№ 181 и 182. 184. Л. с. OTITO..V..., о. с. ...ONGI 1,29 г; 185. 1,50 г; 186. Л. с.TTO, о. с.CIIA 1,52 г.

Оттон III (983—1002)

Четыре описанные ниже монеты характеризуются полным написанием слова «civitas» в легенде оборотной стороны (ср. Dbg., т. I, стр. 302, табл. 34, № 779).

№ 187. Л. с. +OT....., о. с. ...TIVIC 1,66 г (табл. II); 188. Л. с. ...OMDAVG, о. с. +....NCAVI 1,31 г (табл. II); 189. Л. с. .TTOG....., о. с. ...EI+VG 1,32 г (табл. II); 190. Л. с. ..TON....., о. с. +CI...S 1,28 г (табл. II).

Особенностью монет №№ 190—207 является изображение храма, имеющего вид не вертикально вытянутого прямоугольника, а квадрата или прямоугольника с длинной стороной в основании. Крест на храме не выходит за ободок, обрамляющий изображение, точно так, как на монете, изданной Г. Данненбергом (Dbg., т. I, стр. 302 и табл. 34, № 772). Надпись на всех этих монетах клада очень фрагментирована.

№ 191. 1,29 г; 192. Л. с. ..TOI....., о. с. ...-CI 1,31 г; 193. 1,36 г; 194. 1,26 г; 195. 1,12 г; 196. 1,15 г; 197. Л. с. ..TOIMA..., о. с. +IA-N... 1,16 г; 198. 1,31 г; 199. Л. с.+GVAIMP, о. с. MOA... 1,25 г; 200. Л. с.MG....., о. с. +ICDCA—M 1,41 (табл. II); 201. 1,65 г; 202. 1,50 г; 203. 1,24 г (табл. II); 204. 1,56 г; 205. Л. с. OT.....AG, о. с. +MO....CE 1,28 г (табл. II); 206. Л. с. OTTO....., о. с. ...CIYPAQI 1,20 г (табл. II); 207. 1,35 г.

Монеты №№ 208—222 имеют такое же изображение храма, как №№ 118—189, но в легенде оборотной стороны стоят буквы EPI. На монетах № 217—222 титул «imperator» написан полностью.

№ 208. 1,33 г; 209. 1,17 г (табл. III); 210. 1,05 г; 211. Л. с. OT....., о. с. ..NCA-CEDI 1,50 г (табл. III); 212. 1,47 г; 213. 1,45 г; 214. 1,37 г; 215. Л. с. OT.OAG..M, о. с. M... 1,51 г; 216. 1,37 г; 217. Л. с. +OT...DERAO, о. с. O.GACEPI 1,32 г; 218. Л. с. +OTTO...ADRO, о. с. O—NCACED. 1,43 г (табл. III); 219. Л. с. ...OMDRADRO, о. с. MO—NCI..CE 1,25 г (табл. III); 220. Общий штемпель л. с. с №№ 218 и 219. Общий штемпель о. с. с № 219. 1,28 г; 221. Л. с. +O..ONP.RAT, о. с. +MO—N.CACEPI 1,49 г (табл. III); 222. Л. с. ...ONDRADER, о. с. +M.N...CIC 1,39 г (табл. III).

Монеты №№ 223—232 объединены как имеющие в надписи лицевой стороны слово «гех». По оборотной стороне монета № 223 сходна с одной из упомянутых Г. Данненбергом и причисленной им к монетам Оттона I (Dbg, т. I, стр. 301).

На монете № 226 легенда оборотной стороны полностью совпадает с легендой на ряде монет Оттона II (см. выше, №№ 124—163 и Dbg., т. I стр. 302, №№ 778^a и 778^b).

Аналогии о. с. денария № 232 имеются среди монет Оттона III (см. выше, №№ 208—226).

223. Л. с. OTTORГСЕХAMI, о. с. MGO...CITV 1,41 г (табл. III); 224. Л. с. .TTO-REX, о. с. MOICI..ON 1,34 г; 225. 1,31 г; 226. Л. с. O...REX, о. с. ..GONCIA—CI 1,23 г

118

123

126

133

147

154

164

170

180

182

187

188

189

190

200

203

205

206

Западноевропейские денарии клада Велла.

Таблица III

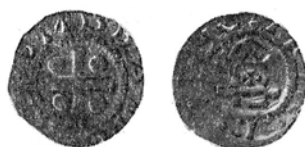
209

211

218

219

221

222

223

226

232

233

235

236

240

242

243

248

249

253

Западноевропейские денарии клада Велла.

(табл. III); 227. Общий штемпель л. с. с №№ 223 и 224. 1,20 г; 228. 1,41 г; 229. 1,25 г; 230. Л. с. ...O..., о. с. ... CIACI 1,37 г; 231. Л. с. O.TOR.X, о. с. +MOGON..... 1,13 г; 232. Л. с. +O..OR.X, о. с. +M...N..ED 1,48 г (табл. III).

ВОРМС

О т т о н II или III (978—983 или 983—1002)

На всех монетах, чеканенных в Вормсе, от надписи сохранилось несколько букв (ТО, ТТ, ТТОН) на лицевой стороне. Форма жезла на монетах №№ 233 и 234 имеет аналогию на одной из изданных Г. Данненбергом (Dbg, т. I, табл. 106, № 1914), а № 235 — на двух других (Dbg, т. I, табл. 36 и 37, №№ 842 и 844^a).

233. 1,28 г (табл. III); 234. 1,20 г; 235. 1,37 г (табл. III).

ШПЕЙЕР

О т т о н I (936—978)

Из отнесенных к чекану Шпейера монет только одна (№ 236) не вызывает сомнений относительно правильности атрибуции (Dbg., табл. 36, № 825^a). На остальных монетах надпись о. с. не прочитана, и к этому монетному двору они отнесены условно (ср. Dbg., табл. 36, № 836, и табл. 81, № 825^c).

236. Л. с. OTTOR..., о. с. ...II....RA 1,17 г (табл. III); 237. Л. с. OT..MCI, о. с. ...A 1,16 г; 238. 1,41 г; 239. 1,29 г; 240. Л. с. +OT....EMI, о. с. ...IIII 1,27 г (табл. III); 241. 1,44 г; 242. Л. с. ...TONID, о. с. ... I... 1,41 г (табл. III); 243. 1,39 г (табл. III); 244. Л. с. +OT..., о. с. N...A 1,28 г; 245. 1,32 г; 246. 1,20 г; 147. 1,40 г; 248. Л. с. +O...), о. с. ...WIIAO 1,25 г (табл. III).

ДЕВЕНТЕР

О т т о н III (983—1002)

№ 249. Тип монеты издан Г. Данненбергом (Dbg, т. I, табл. 73, № 1550). От надписи лицевой стороны сохранились лишь две буквы «о»; 1,32 г (табл. III).

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МОНЕТЫ

Тип майнцских монет. Надпись не отчеканилась.

№ 250. 1,45 г; 251. 1,33 г; 252. 1,32 г;

ПОДРАЖАНИЕ ТИПУ МАЙНЦСКИХ МОНЕТ

№ 253. Л. с. OTOTO..T, о. с. +O... .O. 1,00 г (табл. III).

ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ

Как указывалось выше, восточные монеты не сохранились в составе клада. Ниже приводится список их, опубликованный А. К. Марковым (ИАК, № 17, 1905, стр. 136).

АББАСИДЫ

Исфахан, 862 (1 экз.); ал-Маусил, 903 (1 экз.); город стерт, 904 (1 экз.); Рафика, 912 (1 экз.); Рас ал-'Айн, 915 (1 экз.); ал-Маусил, 917 (1 экз.); Мадинат ас-Салам, 933 (1 экз.); Васит, 937 (1 экз.); Насибин, 940, 941 (2 экз.); ал-Басра, 941 (1 экз.); ал-Муттаки, Мадинат ас-Салам, 941 (1 экз.); место чеканки и год стертые (2 экз.).

ЭМИРЫ АЛ-УМАРА

Баджкам, Мадинат ас-Салам, 940 (1 экз.); Тузун, Мадинат ас-Салам, 944 (1 экз.)

МАРВАНИДЫ

Абу-л-Хасан 'Али, потерта (1 экз.)

ХАМДАНИДЫ

Сайф и Насир, Маусил, 960 (1 экз.); то же, потерта (1 экз.)

ОКАЙЛИДЫ

Джаннах и Хасан 99..? (1 экз.)

САМАНИДЫ

Исмаил, Самарканд, 900 (1 экз.); Исмаил, аш-Шаш, 904 (1 экз.); Ахмад, Андараба, потерта (1 экз.); Наср, аш-Шаш, 914 (1 экз.); Наср, Самарканд, 916, 923, 929 (3 экз.); Наср, аш-Шаш, потерта (1 экз.); подражания саманидским монетам (2 экз.).

БУВАЙГИДЫ

'Али ибн Бувайх, Сираф, 934 (1 экз.); Рукн и Му'изз, Мадинат ас-Салам, 950 (1 экз.); Му'изз, 'Изз и Рукн, ал-Басра, 965 (1 экз.); Рукн и 'Адуд, Сираф, 966 (1 экз.); 'Адуд, потертая (1 экз.); стертые куфические монеты (3 экз.).

ЭМИРЫ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Мумин ибн ал-Хасан, Булгар, 976 (1 экз.).

ДЕГТЯНСКИЙ КЛАД ДЕНАРИЕВ СЕРЕДИНЫ XI в.

В июне 1957 г. в дер. Дегтяны Копыльского района Минской области при благоустройстве улицы колхозник Н. А. Лосев нашел клад серебряных вещей и монет. Клад был обнаружен на глубине 60—70 см в круглом орнаментированном в средней части кувшине с узким горлышком и ручкой.

Клад разошелся по рукам, но из его состава удалось собрать серебряные плетеной проволоки серьги, более 20 фрагментов серебряных украшений с мелкой зернью и сканью и 261 монету (238 целых, из них 1 разломанную пополам и 23 обломка). Как сообщил руководитель Организационной группы Белорусского государственного историко-краеведческого музея т. Михайловский, из расспросов присутствовавших при находке установлено, что клад содержал и другие вещи: кусок серебра в виде усеченного шестигранного или четырехгранного конуса (2,5 × 0,5 × 2 см.), две монеты красного металла (диам. 2—2,5 см), несколько серебряных перстней с гранеными камнями (стеклами?), пластинчатые браслеты (шир. 4—4,5 см.), около 6 височных колец (диам. 3—3,5 см.) и их фрагменты в виде спаянных шариков из серебряной проволоки с камнями или стеклами различных цветов.

К сообщениям местных жителей об утраченных вещах надо, конечно, отнестись с большой осторожностью, особенно к указаниям о форме и размерах предметов.

Находка клада, заключающего в себе монеты и украшения, не представляет для Белорусской ССР исключения. Так, древнейший клад западноевропейских монет на территории БССР, найденный в дер. Старый Дедин, содержал украшения из сердолика, пасты и стекла разных форм и цвета.¹ Известный Полоцкий клад состоял из монет, слитков, украшений и резаного серебра. Монеты и украшения были в кладе Стражевичи II, весьма близком по времени к Дегтянскому кладу.²

Трудно объяснить загадочные монеты красной меди, которые, по выражению находчика, «даже подпилоч не брал». Мне не известны находки медных монет в кладах X—XI вв. на территории БССР, где иногда встречаются медные античные монеты. Так, в 1926 г. около Минска была обнаружена медная монета Боспорского царства III в. н. э.³ Из ближайших к БССР находок следует упомянуть медную монету — подражание милиарисию Василия II и Константина VIII (976—1025) в кладе с. Денисы (Полтавская область).⁴

Сохранившаяся часть клада была прислана Организационной группой Белорусского государственного историко-краеведческого музея для изучения в Государственный Эрмитаж. Перед отсылкой клада в Ленинград работник Минского Обкома партии В. Ф. Шауро подарил

¹ Д. В. Харлампович. Монетные skarбы, найденныя у Беларусі. Менск, 1927, стр. 318.

² Вауег. ZfN, XXXIX, стр. 149—150, № 65; стр. 162—163, № 69.

³ Д. В. Харлампович. Ук. соч., стр. 325, № 80. — Известен Готландский клад, состоявший из кувшинских монет, одной византийской и четырех медных греческих (Марков, стр. 61, № 4).

⁴ Вауег. ZfN, XXXIX, стр. 166.

шесть чешских монет клада Пражскому Национальному музею. Эти монеты известны мне только по фотографиям и слепкам.⁵

Клад содержит монеты: чешские (84 целых и 10 обломков), венгерские (2 экз.), германские (146 целых, из них 1 разломанная пополам и 10 обломков), английские и подражания им (2 целых и обломок), совершенно стертые западноевропейские (4 экз.) и куфические (2 обломка).

При более подробном рассмотрении перечисленные монеты распределяются следующим образом.

ЧЕХИЯ

(84 целых монеты и 10 обломков)

Болеслав I (935—967) — 1 экз. Болеслав III (999—1002) — 2 экз. Ольдржих (1012—1034) — 1 экз. Бржетислав I (1034—1055) — 80 целых и 9 обломков.

ВЕНГРИЯ

Стефан I (1000—1038) — 2 экз.

ГЕРМАНИЯ

Саксония

(97 целых монет и 6 обломков)

Монеты с именами Оттона и Адельгейды — 60 целых и 5 обломков.

Подражания монетам Оттона и Адельгейды — 6 экз.

Кведлинбург. Адельгейда (999—1044) — 1 экз.

Люнебург. Бернгард I (973—1011) — 1 экз., Бернгард II (1011—1059) — 1 экз.

Вендки — 25 целых и 1 обломок.

Саксонские монеты неизвестного места чекана — 3 экз.

Тюрингия

Эрфурт. Арибон (1021—1031) — 1 экз.

Фрисландия

(6 целых монет и 1 обломок)

Тиль. Генрих II? (1002—1024) — 2 экз. Конрад II? (1024—1039) — 1 экз.

Утрехт. Конрад II (1024—1039) и Бернольд (1027—1054) — 1 экз.

Девентер. Отгон III (983—1002) — 1 экз. Генрих II (1002—1024) — 1 экз.

Гаммеланд (Эммерих?). Вигман III (967—1014) — 1 экз.

Верхняя Лотарингия

Туль. Бертольд (995—1019) — 1 экз.

Рейнланд

(13 целых монет и 1 обломок)

Кёльн. Отгон I (936—973) — 3 экз. Отгон III (983—1012) — 4 экз. Генрих II (1002—1024) — 3 экз. Конрад II (1027—1036) и Пилигрим (1021—1036) — 1 экз.

Подражания кёльнским монетам — 3 экз.

⁵ По фотографиям определены также четыре монеты, принадлежащие Слуцкому краеведческому музею; три монеты, находящиеся у одного из минских коллекционеров-любителей — только по карандашным протиркам, за присылку которых автор выражает благодарность научному сотруднику Организационной группы Белорусского государственного историко-краеведческого музея В. Н. Рябцевичу, положившему немало труда для спасения Дегтянского клада.

Франкония

(22 монеты, из них 1 сломана пополам)

Майнц, Оттон II (973—983) — 2 экз. Оттон III (983—1002) — 8 экз. Виллигис? (975—1011) — 1 экз. Генрих II (1002—24) — 1 экз.

Вормс. Оттон II (973—983) или Оттон III (983—1002) — 6 экз. Генрих II (1002—1024) — 2 экз. (из них 1 сломана пополам).

Неопределенного времени — 1 монета.

Шпейер — 1 экз.

Швабия

Базель. Удальрих II (1025—1040) — 1 экз.

Бавария

Регенсбург. Генрих IV (995—1002) — 1 экз.

Аугсбург. Бруно (1006—1029) — 1 обломок.

Монеты Германской империи неизвестного места чекана
4 экз.

Монеты империи, не определенные из-за стертости
Генрих II? — 1 обломок.

АНГЛИЯ

Этельред II? (978—1016) — 1 обломок. Канут (1016—1035) — 1 экз.

Подражание Этельреду II — 1 экз.

Совершенно стертые западноевропейские монеты — 4 экз.

ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ ⁶

Аббасиды. ал-Муктадир, 319 (931) г. — 1 обломок.

Окайлиды. Хусам ад-дауля и Джаннах ад-дауля, ал-Маусил, 387 (997) г. — 1 обломок.

Состав клада весьма интересен по двум обстоятельствам. Во-первых, он содержит наибольшее число чешских монет, когда либо обнаруженное в кладах, найденных на территории СССР (в процентном и абсолютном отношениях). Во-вторых, монеты клада четко делятся на четыре основные группы: чешские (94), монеты с именами Оттона и Адельгейды (65 и 6 подражаний), вендки (26) и монеты прирейнской области — Рейнланда и Франконии (33 и 3 подражания).

В кладах имеются монеты, редкие для находок на территории Древней Руси или представляющие собой варианты уже известных ранее типов. Среди шести монет Дегтянского клада, находящихся в Национальном музее в Праге, весьма редок моравский денарий Бржетислава I, в легенде которого находится имя Вшебора — придворного при князьях Вратиславе и Бржетиславе (табл. 1) ⁷. Ряд монет Бржетислава I и Оттона и Адельгейды представляют варианты известных ранее типов или отличаются легендами, своеобразным начертанием букв (табл., 3, 4, 7). Монеты Болеслава III Чешского, кроме описываемого клада, найдены лишь в немногих древнерусских кладах. ⁸ Лицевая и обратная стороны венгерских монет

⁶ Восточные монеты определены А. А. Быковым.

⁷ F i a l a, тип III, табл. VII, рис. 17.

⁸ Ростов (Углич) и Шокшово (Вауег, ZfN, XXXIX, стр. 173, № 99; стр. 176, № 115), Вихмязь и Лодейное Поле III (Гос. Эрмитаж).

представляют собой совмещение штемпелей двух разных, хотя и композиционно родственных типов.⁹ Очень интересно одно из подражаний монетам Оттона и Адельгейды, на котором изображены характерные для этих монет крест и храм, а надпись лицевой стороны подражает легендам вендок (табл., 10). Редкой в кладах древней Руси является монета Адельгейды, аббатиссы Кведлинбурга (999 — 1044), интересная еще и тем, что в отличие от экземпляра, изданного Г. Данненбергом, на оборотной стороне ее, слева от изображения руки с посохом, находится крест из пяти точек (табл., 6).¹⁰ Вариантом легенды интересен английский денарий Канута (1016—1035, табл., 8). Не встречающаяся ранее легенда помещена и на монете, представляющей собой одно из распространенных подражаний Этельреду II (табл., 9).

К какому же времени можно отнести зарытие клада? Периодизация монет Оттона и Адельгейды и вендок вызывала еще недавно затруднения и споры. Автор одной из последних работ по этому вопросу В. Яммер выяснила, что чеканка монет Оттона и Адельгейды заканчивается около 1040 г.¹¹ Подражания монетам Оттона и Адельгейды составляют менее 10% общего числа этих монет в нашем кладе, в то время как после 1050 г. они обычно являются преобладающими.¹² Среди вендок также нет типов, характерных для второй половины XI в.¹³ Поэтому для датировки клада решающее значение имеют монеты Бржетислава I (1034—1055) и единственная монета Бернгарда II Саксонского (1011—1059). Но монета Бернгарда II¹⁴ встречается в кладе, зарытом около 1020 г. и происходящем из г. Коваль бывш. Варшавской губернии.¹⁵ Следовательно, вопрос датировки Дегтянского клада решают чешские монеты Бржетислава I (1034—1055), представленные в нем 8 типами,¹⁶ встречающиеся уже в кладах сороковых годов XI в.¹⁷ При большом количестве монет Бржетислава (90) и разнообразии их типов в кладе все же отсутствуют денарии малого размера, которые чеканил Бржетислав в последние годы своего правления.¹⁸ Указанные соображения заставляют предположить, что Дегтянский клад зарыт около 1050 г.

Своеобразие состава клада дает нам возможность наметить пути проникновения основных его частей на территорию древней Руси.

В кладах Чехословакии монеты саксонского чекана, которых в нашем кладе насчитывается более ста экземпляров, встречаются весьма редко. Саксонские монеты были найдены в пяти чешских кладах, наиболее ранний из которых относится примерно к 1000 г., а наиболее поздний к 1140 г.¹⁹ Поэтому предположить, что монеты, составившие впоследствии Дегтянский клад, проникли все вместе на Русь через Чехию, не представляется возможным. Судя по кладам, опубликованным М. Гумовским, чешские монеты в польских кладах 40—60-х годов XI в. встречаются в незначительном количестве.²⁰ Чешских монет в кладах

⁹ Rethy L a s l o. Corpus nummorum Hungariae. Budapest, 1899, табл. 1, №№ 1—2.

¹⁰ D b g, табл. 26, № 614.

¹¹ J a m m e r, стр. 64.

¹² Там же.

¹³ Вендки клада подобны ряду изданных Г. Данненбергом (тип большинства их как Dbg, № 1330; тип остальных — как Dbg, №№ 1325, 1331, 1333, 1335, 1343, 1347). Хронологию их см. J a m m e r, табл. 1, Sachsenpfennige.

¹⁴ D b g, № 587.

¹⁵ H. Dannenberg. Der Münzfund von Kowal, ZfN, II, 1875, стр. 323, № 10.

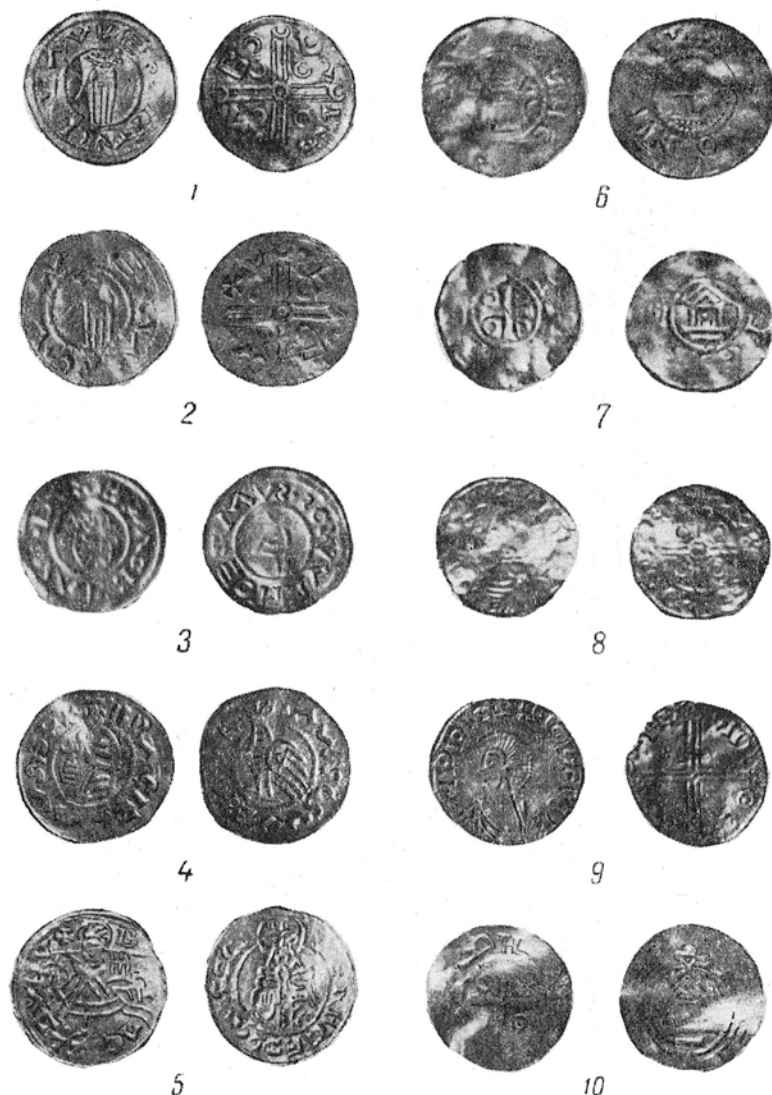
¹⁶ F i a l a, типы VII, IX—XIII, XVI—XVIII, XX.

¹⁷ Клады: Любек (F i a l a, стр. 168), Фарве (F i a l a, стр. 170), Франкенштейн (ZfN, XVII, 1890, стр. 210—212).

¹⁸ Ср. F i a l a, стр. 170.

¹⁹ J a m m e r, стр. 46. В новейшей обобщающей работе по топографии кладов Чехословакии (Nálezů mincí v Čechách na Moravě a ve Slezsku, t. II, Ceske moravské a Slezske nálezy mincí údobí denárevého, Praha, 1956) указано всего 9 кладов с вендками и монетами Оттона и Адельгейды (№№ 1424, 1440, 1452, 1464, 1473, 1651, 1652, 1653, 1728).

²⁰ M. G u m o w s k i. Wykopiska monet polskich z w. X i XI. Kraków, 1905; стр. 42—45. — В Дегтянском кладе 93 чешских денария, составляющих 38% всех монет клада.

Монеты Дегтянского клада

1—5 — Чехия, Бржетислав I; 6 — Кведлинбург, Адельгейда; 7 — Оттон и Адельгейда; 8 — Англия, Канут; 9 — подражание монетам Этельреда II; 10 — подражание монетам Оттона и Адельгейды.

Скандинавии, Готланда и Прибалтики обычно еще меньше.²¹ Поэтому надо предполагать, что чешские монеты проникли на Русь непосредственно из Чехии.

Остальная часть монет Дегтянского клада характерна для кладов Польши. На пути из Чехии на Русь миновать Польшу было невозможно. Скорее всего значительная часть

²¹ Из 139 кладов с чешскими денариями Э. Фиала в указанной выше работе отметил 9 находок на территории Дании, Скандинавского полуострова, островов Готланд и Борнхольм. (Fi a l a, стр. 154—171, №№ 9, 18, 22, 28, 45, 46, 63, 64, 68). Из 120 находок западноевропейских монет в Финляндии и Восточной Прибалтике, описанных Н. П. Бауером, только в 9 находках отмечены чешские монеты (всего 14 экз.). (B a u e r, ZfN, XXXIX, стр. 16—65, №№ 3, 15, 27, 46, 91, 106, 113, 116, 119).

германских монет там и была присоединена к чешским, хотя это могло произойти и на территории самой Руси. Деревня Дегтяны, где найден клад, расположена при р. Лань, притоке Припяти. Протекающая недалеко р. Марочь, приток Случи, вела к Турову, уже в X в. стольному городу удельного княжества. Таким образом, место находки клада скорее всего указывает на путь с Припяти на Буг, к Берестью. Об этом торговом и военном пути свидетельствуют письменные источники и находки кладов монет. Наибольшее количество кладов на территории Белорусской ССР найдено в бассейне верхнего Днепра, между Западной Двиной и Припятью, что является, безусловно, результатом использования важного водного днепровского пути. Но скопление кладов нельзя объяснить только торговыми связями, осуществлявшимися по Днепру. На территорию БССР вели также водные пути по Двине, Неману и Припяти. Обилие кладов на указанных землях — результат деятельности на всех четырех названных водных артериях. Первым, кто указал на важность пути по Припяти, был польский историк Адам Шеленговский. Отрицая важность дороги из Польши на Русь через Краков, Шеленговский вел ее через Мазовию.²² Действительно, свидетельства письменных источников заставляют предполагать существование и такого пути. Под 1018 г. «Повесть временных лет» отмечает, что Ярослав, выступивший навстречу Болеславу Храброму, стал против него над Бугом.²³ В 1019 г. Святополк, брат Ярослава, бежал к полякам через Берестье (Брест).²⁴ В 1097 г. туда же отправляется Святополк Изяславич для свидания с польским королем Владиславом.²⁵ В 1041 г. «Иде Ярослав на мазовшаны в лодьях».²⁶ Это известие летописи прямо указывает на существование водного пути из Руси в Польшу.²⁷

Раннее возвышение Турова в какой-то мере, видимо, определялось удобным положением его на водных торговых и военных путях. Может быть, то обстоятельство, что Святополк Владимирович был туровским князем, сказалось и в вопросе женитьбы Святополка на дочери Болеслава Храброго и на дальнейших его тесных связях с Польшей. Туров в летописях обычно упоминается наряду с Пинском и Берестьем.²⁸ Пограничный с Польшей город Берестье находился при впадении в Западный Буг р. Мухавец, связывавшей Буг с системой Припяти. Кроме того, впадающая около Турова в Припять р. Случь своими верховьями близко подходит к Неману. Выгодное местоположение Турова повлияло на то, что он, впервые упомянутый в летописи под 980 г., вскоре сделался стольным городом отдельного княжества.²⁹ Нумизматические находки подтверждают наличие пути с Буга на Припять, о чем свидетельствуют восточные монеты, найденные в Чапле — Обремпалке, в Дорогичине, в Бресте, Пинске и Полесье.³⁰ Вполне возможно, что значительный клад восточных монет в Люблине также имеет отношение к Бужско-Припятскому водному пути.³¹

В 1934 г. неизвестный по имени польский крестьянин нашел в дер. Людвиге в районе Кобрина, сравнительно недалеко от Бреста, большой клад западноевропейских монет, который был привезен в Германию и в том же году опубликован Р. Геттенсом.³² Клад насчитывал 651 монету и относился ко времени между 1060—1065 гг. Место находки клада на переходе с Буга на Припять, его состав, очень близкий к польскимкладам второй половины XI в., вновь свидетельствуют о продолжавшейся торговой жизни на трассе Буг — Припять.

²² A. S z e l a g o w s k i. Najstarsze drogi z Polski na Wschód. Kraków, 1909, стр. 108—123.

²³ Повесть временных лет, т. I, М.—Л., 1950, стр. 96—97.

²⁴ Там же, стр. 98.

²⁵ Там же, стр. 179.

²⁶ Там же, стр. 103.

²⁷ Культура древней Руси, т. I, 1948, стр. 343.

²⁸ М. Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города. М., 1956, стр. 326.

²⁹ Там же, стр. 305—306.

³⁰ М а р к о в. №№ 34, 45, 46, 135; В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 13.

³¹ Г. L e w i c k i. Z dziejow Pieniądza arabskiego v Europe Wschodniej. Archeologia, t. III, 1949 (Warszawa—Wrocław, 1952), стр. 437.

³² R. G a e t t e n s. Der Fund von Ludwiscze. Halle a/S. 1934. Клад, неоднократно упоминавшийся в исторических работах за границей, советскими нумизматами и историками, насколько автору известно, не привлекался.

Нельзя не вспомнить о знаменитых дорогичинских пломбах, найденных при раскопках Н. Авенариуса в 1886—1888 гг. Вопрос о дорогичинских пломбах вызвал целый ряд специальных работ.³³ Теперь общепринято считать, что дорогичинские пломбы, многие из которых носят княжеские знаки приднепровских князей XI—XII вв., являются товарными пломбами. Можно заключить, что в Дорогичине происходила перегрузка товаров на ладьи, шедшие по Западному Бугу.³⁴ Недавно польский историк Станислав Александрович выступил с новыми доводами, подтверждающими значение этой водной магистрали.³⁵ Описываемый нами Дегтянский клад — еще одно свидетельство о существовании в XI в. водного пути по Бугу и Припяти из Польши на Русь.

³³ Ср. L. Stie da. Über die Plomben von Drogitschin. (отд. оттиск без указания года издания).

³⁴ История культуры древней Руси, т. I, 1948 г., стр. 344.

³⁵ St. A l e x a n d r o w i c z. Stosunki handlowe Polsko-ruskie do roku 1240. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, № 14. Historia, z. 3, Poznań, 1958, стр. 56—58.

ВОСТОЧНЫЕ МОНЕТЫ ДЕГТЯНСКОГО КЛАДА

В дошедшей до изучения части клада, найденного в 1958 г. в Минской области, на берегу р. Лань в дер. Дегтяны Братковского сельсовета Копыльского района, помимо 258 западноевропейских денариев и нескольких серебряных украшений и их фрагментов, было обнаружено два обломка куфических монет. По определению В. М. Потина, позднейшие монеты клада — денарии Бернгарда II Саксонского (1011—1059) и Бржетислава I Чешского (1037—1055), чеканенные до 1050 г.

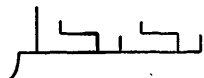
Обломки дирхемов оказались следующими.¹

1. Аббасиды. [ал-Мук]тадир. Обозначение места чеканки не сохранилось, 319 (931) г. Обломок $\frac{1}{4}$, *av.* пв, *rv.* лн. Диам.: 15,0; вес: 0,95; ↗. Помят и потерт. Л. с. В поле:². | ابو العباس بن | لا شريك له | الله وحده | لا اله الا | . Внутренняя круговая легенда: [دمع عشرة و ثلث اجانة]; внешняя круговая легенда обрезана.

О. с. В поле в круге: [المقتدر بالله | الله | ارسول | محمد]. Круговая легенда обрезана (рис. 1).

Хотя начало слова единиц не сохранилось, читать, очевидно, следует تسع, а не سبع, так как обе надстрочные черты перед ع одинаковой высоты и поставлены очень близко одна от другой. Для чтения سبع было бы необходимо, чтобы последняя черта перед ع была несколько выше предшествующей или отстояла от нее на большее расстояние. Но этого явно нет на обломке, случаи же пренебрежения указанными приемами при начертании числительных سبع и تسع на аббасидских монетах редки.

По типу обломок Дегтянского клада, видимо, совершенно схож с дирхемами 319 (931) г., описанными В. Г. Тизенгаузен, которые чеканены в Мадинат ас-Саламе, ал-Басре, ал-Ахвазе, ал-Маусиле, Барда'а, Ширазе, Васите³ и в городе, переданном

на монете начертанием ⁴. К. И. Торнберг предположительно отоже-

ствил его с городом Кинкивар (كِنِكِيوار), одним из двух этого названия, находившимся между Хамаданом и Кармисином и найденным им у Якута в его словаре географических омонимов («Китаб ал-муштарик вад'ан ва-л-муфтарику сук'ан»).⁵ Однако,

¹ Обозначения, принятые при описании монет:

Л. с. (О. с.) или *av.* (*rv.*) — лицевая (оборотная) сторона; следующие за *av.* или *rv.* строчные буквы указывают, какая часть той или другой стороны монеты сохранилась на обломке, например: пв — правая верхняя, лн — левая нижняя и т. д.

Стрелка ↗ указывает направление вертикальной оси штемпеля оборотной стороны по отношению к вертикальной оси лицевой стороны.

[] в квадратных скобках заключены части легенд, не сохранившиеся на монетах и восстановленные при определении.

² На целом дирхеме последняя строка центральной легенды содержала: أمير المومنين.

³ В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873, №№ 2351—2355, 2924, 2925.

⁴ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., № 2356.

⁵ С. J. Tornberg. Symbolae etc., II, стр. 254, № 65 (Nova Acta Reg. Societ. Scient. Upsaliensis, ser. III, т. I, 1853); ср. также Тизенгаузен, ук. соч., стр. XXIX, № 100.

мне думается, что правильнее читать — Канкар (كَنْكَار), как без всяких натяжек подсказывает начертание, приведенное К. И. Торнбергом. Город значится в известном географическом словаре Якута «Му'джам ал-булдан»,⁶ изданном Ф. Вюстенфельдом через шестнадцать лет после того как писал К. И. Торнберг, который, зная это, несомненно так же прочел бы встретившееся ему название города на монете, если бы мог воспользоваться изданием Ф. Вюстенфельда. Якут, к сожалению, ничего не сообщает о Канкаре, кроме того как следует произносить это название. Возможно, что ко времени знаменитого путешественника (около 1179—1229 гг.) Канкар уже не существовал и местоположение его не могло быть установлено автором.

В собрании Государственного Эрмитажа имеются дирхемы 319 (931) г. всех перечисленных городов, кроме ал-Маусила и Канкара.⁷ В отношении типа все экземпляры Эрмитажа идентичны перечисленным В. Г. Тизенгаузенем, другими словами — и обломку, но сличение показало, что он чеканен другой парой штемпелей.

2. Окайлиды. Хусам ад-даула и Джанах ад-даула, ал-Маусил, 387 (997) г. Обломок $\frac{2}{3}$ av, rv. н. Дdiam.: 26,0; вес: 2,01; почти ↑ (с небольшим наклоном вправо). Помят, местами потерт.

Л. с. В поле:

ح. | ولا اله الا الله | وحده لا شريك له | الملك بها الدولة | حسام الدولة | ابو حسان

Внутренняя круговая легенда:

اجسم الله ضراب هذا الدرهم بالموصل سنة سبع و ثمانين و ثلثمائة; внешняя круговая легенда обычна и почти совсем стерта. У края точечный круг. В виду недостаточного места для текста третьей строки центральной легенды ك الملك обозначен совершенно условно почти вертикальной чертой с едва заметным изгибом. В правой верхней части следы двойного удара, от которого пострадали вторая, третья и отчасти четвертая строки центральной легенды.

О. с. В поле в круге:

ح. | [الله] | [محمد رسول الله] | [صلى] الله عليه | [القادربانه] | [جناح الدولة] | ابو الحسن

Круговая легенда обычна и сильно потерта. У края линейный круг. Незначительные следы двойного удара, нарушившего местами четкость центральной легенды (рис. 2). Тип монеты, обломок которой оказался в кладе, такой же как двух дирхемов этого года и города, принадлежащих Эрмитажу.⁸ На них имеются все присущие обломку элементы типа, а наверху в поле лицевой стороны находится буква ϵ .⁹ Прове-

Рис. 1. Обломок дирхема аббасидского халифа ал-Муктадира, 319 (931) г. (в норм. величину и дважды увелич.)

⁶ Jacut's. Geographisches Wörterbuch, hsg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1869, т. IV, стр. 312.

⁷ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, №№ 1014; 1015; 1016; 1017; 1018; стр. 879, № 1018а; также Э, инв. № 2495 (Барда'а) — А. К. Марковым дирхем ошибочно помещен среди сажидских монет (ср. А. К. Марков, ук. соч., стр. 303) — и Э, инв. № 2593 (Мадинат ас-Салам).

⁸ А. К. Марков. Ук. соч., стр. 332, № 5 и Э, инв. № 7224. В круговой легенде оборотной стороны на дирхеме (Э, инв. № 7224) ошибка: كَر المشركون, чего, видимо, нет на обломке, поскольку позволяет разглядеть неважная сохранность данного места.

⁹ Маусилский дирхем Хусамы и Джанаха того же типа, а может быть, и года, находится в собрании Британского музея, однако в чтении даты на нем С. Лэн-Пуль не был уверен (S. Lane Poole. Catalogue of oriental coins in the British Museum, т. III, London, 1877, стр. 21, № 45).

Рис. 2. Обломок дирхема омаййидских эмиров Хусам и Джанаха, ал-Маусил, 387 (997) г.
(в норм. величину и дважды увелич.)

рить последнюю особенность типа на обломке не приходится, так как отсутствует именно верхняя часть лицевой стороны, а детальное сличение экземпляров показало, что обломок чеканен другими штемпелями.

Потертость обломка и деформация надписей от вторичного удара не мешают отметить особенности почерка. Очень характерны для легенд на омаййидских монетах начальные буквы типа ح со значительно выступающей вправо горизонтальной чертой и с опущенной ниже строки дугообразной соединительной чертой слева. Таковы начальные буквы в словах حسان , جناح и даже الحسن . Однако в слове وحده буква имеет более часто встречающееся начертание — слегка наклоненный влево ствол с очень незначительно загнутой влево же верхней частью и немного выступающим под строку нижним концом ствола. Начальное ح в حسام в основном такого же вида, как ح и ح в حسان и جناح , только черта, соединяющая букву с последующим س , горизонтальная и находится на уровне строки. Но зрительное впечатление в данном случае почти не отличается от слов حسان и جناح , так как дугообразная подстрочная соединительная черта перенесена несколько дальше влево. Она соединяет первые две черты буквы س , чем сообщает ей своеобразное начертание. Дугообразной подстрочной чертой соединены также ل и ه в له круговой легенды оборота и, видимо, ل и ك в الملك в центральной легенде той же стороны.

Не менее характерна для почерка омаййидских дирхемов помещенная внизу поля обеих сторон обломка буква типа ح с изящным изгибом надстрочной черты и относительно менее крупной подстрочной.

Менее обычны высокие надстрочные ر в الدراهم и شريك , похожие скорее на ل или ل с незначительно выступающим под строку стволом. В обоих словах эта форма ر (ر), очевидно, обусловлена ограниченностью места, не позволившей резчику изобразить обыкновенное, опущенное под строку ر или другое надстрочное, вроде ر в ناسخ , часто встречающееся на монетах X в. в رسول символа, да и в других словах.

Следует также отметить ن и ن в حسان и الحسن со слегка изогнутым влево концом ствола на уровне строки, و в والواصل и в يومئذ , представляющие такой же кружок, как соседние с ними و и ه . Начальные ه в هذا и الدراهم изображены в виде лежащего

на строке овала, пересеченного выступающей вверх вертикальной чертой. Значительно отличаются от них ع в بها и ليظهره , где они имеют вид выступающей над и под строкой восьмерки, — начертание, близкое к форме ع в насхе. Так же, судя по очертаниям слова, выглядит ع в بالهدى .

Подстрочные части ي в بالهدى и علي круто загнуты вправо и прижаты к строке. В последнем слове ي составляет одно целое с предшествующим ل . Подстрочный ствол ع в سبع против обыкновения непосредственно под строкой направлен вправо, а не влево, и тоже тесно прижат к строке. Отмеченная особенность начертания ع и ي редко встречается в монетных почерках. В круговой легенде оборотной стороны она, видимо, объясняется стремлением резчика не пересекать подстрочными концами букв круга, обрамляющего поле.

На лицевой стороне в центральной легенде обращает на себя внимание ع в виде петли с расходящимися над ней под прямым углом стволами. Как ع в بالوصل , имеющий вид суженного слева овала, такой ع является элементом проникающего в куфи насха. Недостаточная сохранность обломка не позволяет получить точное представление о начертании ع в شريك . Однако направление уцелевшей части корпуса ع дает основание полагать, что начертание буквы почти не отличалось от присущего ей в насхе. Только в отличие от ع и ع , свидетельствующих о произвольном воздействии на резчика рукописных прифтов, близкое к насху начертание ع вызвано здесь явным недостатком места. Поднятые над строкой и дважды изогнутые, обычно подстрочные, стволы ز , ر , ن , م , و и ي с середины X в., как известно, одна из самых характерных, впоследствии повсеместно принятых особенностей цветущего куфи на монетах. Отсутствие подобных форм на обломке примечательно. И все же почерк его легенд должен быть отнесен к цветущему куфи, точнее, к одному из более строгих его вариантов. Определяется он двумя признаками. Во-первых, клинообразными утолщениями иногда расщепленных окончаний стволов — элементом цветущего куфи, раньше других утвердившимся в монетных почерках. Во-вторых, опущенными под строку дугообразными соединительными чертами, особенно свойственными цветущему куфи более поздних монет.

Хорошо известно, что в кладах конца X и начала XI в., находимых в европейской части нашей родины, кроме саманидских и бувайхидских монет, обычно составляющих главную массу клада, немало встречается монет прочих переднеазиатских династий того времени. Среди них нередки дирхемы Окайлидов. Другой отличительной чертой кладов того времени является наличие в них большого количества обломков монет, особенно значительное в кладах начала XI в. Обломки дирхемов в этих кладах часто очень малы. Размером многие из них не превышают одной трети целого дирхема. До середины 1920-х годов и более крупные обломки обыкновенно не только не определялись, но даже не всегда учитывались сколько-нибудь точно. Требования, предъявляемые в настоящее время к обработке кладов, не разрешают подобного отношения к находимым в их составе обломкам куфических монет. Благодаря современной технике определения монет неполной сохранности теперь даже «немые» куфические монеты и обломки во многих случаях удается снабдить более или менее точными и полными определениями. Наилучшие результаты достигаются пока при обработке экземпляров, чеканенных Аббасидами и особенно Саманидами, монеты которых во многих собраниях представлены в значительном количестве. Не всегда, однако, дело решает обилие сравнительного материала. Но и при таком условии ведущую роль выполняют вторичные признаки. Среди них далеко не последнее значение имеют детали палеографического характера. О ценности палеографических признаков при определении обломков куфических монет еще в середине двадцатых годов писал Р. Р. Фасмер.¹⁰

Окайлиды, как многие другие династии X—XI вв., чеканили значительно меньше, чем халифы или Саманиды. Отчасти по этой причине монет их меньше в собраниях.

¹⁰ SbGEG, 1925, Dorpat, 1927, стр. 30.

Тем важнее для определения окайлидских дирхемов неполной сохранности вторичные признаки, в частности палеографические. Предлагаемые выше заметки о почерке легенд на окайлидских монетах могут поэтому оказаться полезными как для истории куфического приффа на монетах, так при определении окайлидских дирхемов и обломков их, встречаемых в наших кладах.

Аббасидский дирхем 319 (931) г., обломок которого имеется в кладе, появился в Восточной Европе в конце первой половины X в. или совсем немного позднее. После захвата Багдада Му'изз ад-даулей (945) и окончательного утверждения Бувайхидов во всех бывших аббасидских владениях на самом Востоке место халифских монет заняли бувайхидские, уже до того соперничавшие с ними в Иране. Позже этой даты аббасидские дирхемы могли попадать на территорию Европы лишь редкими единичными экземплярами, случайно застряв в денежном обращении Востока. Но чекан Аббасидов был очень обширен. О крупных размерах его говорит уже то, что, несмотря на наличие больших собраний аббасидских монет и множество их в кладах, крайне редко удается встретить дирхемы, вышедшие из-под одного штемпеля. Клады показывают, что в Европу было вывезено такое огромное количество аббасидских серебряных монет, что в денежном обращении восточной, северной и средней Европы они продолжали участвовать очень долгое время. В виде целых монет или обломков аббасидские дирхемы встречаются почти во всех кладах, даже в самых поздних, содержащих куфические монеты. Обломок аббасидского дирхема, оказавшийся в кладе, мог поэтому прийти на Беларусь и значительно позднее середины X в.

Среди монет, представленных в кладах конца X и XI вв., окайлидские дирхемы встречаются много реже, чем саманидские, бувайхидские и зийаридские, которые составляют в них основное ядро восточных монет. В белорусских кладах окайлидские дирхемы были обнаружены всего два раза. Оба клада происходят из Могилевской области. В первом, найденном в 1886 г. на фольварке Поречье, б. Старо-Толочинской волости Оршанского уезда, заключались западноевропейские денарии и части их (271), обломки византийских милиарисиев (2) и сребренника Владимира (1) и 299 куфических монет и обломков, из которых 15 оказались окайлидскими.¹¹ Второй клад — 1903 г. из дер. Стражевичи, б. Черейской волости Сенненского уезда. Он содержал надетые на серебряное кольцо золотые кольца (2) и золотой слиток, серебряные слитки (2 + 2 обл.) и проволоку (с 2 обл.), куски серебра (4), целые и ломаные западноевропейские денарии (273) и 46 куфических монет и обломков, среди которых 1 окайлидская.¹²

А. К. Марков, отметив, что дер. Стражевичи, расположенная в верховьях р. Улла около озера и города Лукомль, находится на переволке между Уллой и Березиной, высказал мнение, что Стражевичский клад 1903 г. отражает денежное обращение, типичное для Полоцкой земли во второй половине XI в.¹³ Свое соображение А. К. Марков обосновал тем, что пути по Улле и Березине имели лишь местное значение, а главный путь шел с Двины на Днепр через Смоленск. С замечанием А. К. Маркова нельзя не согласиться, так как его поддерживают данные находок.

Окайлидские дирхемы проникли на территорию Европы с последним потоком куфических монет, направлявшимся через Булгарское царство. В земли полочан и дреговичей они пришли из центральных или северных областей восточноевропейской равнины (включая Прибалтику), где сосредоточены почти все поздние клады с куфическими монетами, находимые в европейской части Советского Союза.¹⁴ Самый южный

¹¹ Из них 7 целых. — ДАК, 1886, № 14; ЗАО, нов. серия, III, стр. 199—202; А. К. Марков, стр. 26, № 143; А. А. Ильин. Топография, № 16; Vasmer, стр. 32—33; Bauer, ZfN, XXXIX, № 70. — Позднейшая дата в кладе принадлежит обломку денария Канута Великого (1016—1035), чеканенного около 1030 г. (Ср. Bauer, ук. соч., стр. 195, и Mitteilungen für Münzsammler, 1928, August, стр. 203).

¹² ДАК, 1903, № 156; А. К. Марков. ИАК, вып. XVII (1905), стр. 133—136; А. А. Ильин. Топография (слитки), № 151; Vasmer, стр. 32—33; Bauer, ZfN, XXXIX, № 69; он же, NZ, т. 62 (1929), №№ 9, 18, 24. Самые поздние монеты — денарии Магнуса Доброго Датского (1042—1047).

¹³ ИАК, вып. XVII, стр. 136.

¹⁴ Vasmer, 32—33.

клад XI в., содержащий куфические монеты, в частности одну окайлидскую, происходит из с. Денисы, б. Переяславского уезда Полтавской губернии. В составе его, помимо нескольких серебряных украшений и слитка, целых и ломаных западноевропейских (15 + 41), византийских (4 + медн. подраж.) и киевских монет (3 + 3), было 403 целых и 4928 обломков куфических монет, одна из которых окайлидская.¹⁵ Село Денисы, при р. Супой, левобережном притоке Днепра, отстоит от него всего километров на сорок. Найденный там клад лишь подтверждает правильность замечания А. К. Маркова. Южнее и восточнее этого пункта не известно находок ни окайлидских монет, ни кладов X—XI вв. Впрочем, несколько дальше на восток и южнее с. Денисы, под самым городом Лубны, расположенным на правом берегу Сулы, в 1903 г. был найден клад, включавший около 300 дирхемов.¹⁶ Ни одна монета клада не попала в руки специалистов и остается невыясненным, к какому времени следует его отнести. Но даже если бы клад оказался принадлежащим к XI в., основная сущность высказанных выше соображений не была бы нарушена. Место находки клада — левый берег Днепра, примерно в 100 км. от впадения в него Сулы.¹⁷

Указанные пути, однако, не единственно возможные для появления в пределах Белорусской ССР обломков куфических монет Десятанского клада. Оба отнюдь не типичны для денежного обращения середины XI в., что ясно показывает и количественный состав монет клада, в котором оказалось только 2 обломка дирхемов при 258 западноевропейских денариях. В Десятанском кладе, зарытом около 1050 г.¹⁸, обломки куфических монет представляют остаток денежного обращения более раннего периода, которое определяется составом кладов конца X и начала XI в. Характерное в них — встреча двух потоков монет, шедших по противоположным направлениям, с Востока и с Запада (включая Византию). Денежные клады, зарытые в конце X и начале XI в. в Восточной Скандинавии и Средней Европе, подобнокладам восточноевропейской равнины, состоят из дирхемов и западноевропейских денариев, среди которых нередко византийские серебряные монеты.¹⁹ Попадают они иногда и киевские сребреники,²⁰ а среди восточных монет — окайлидские дирхемы.²¹ В средневропейских кладах этого времени куфические монеты и обломки составляют быстро убывающую и мельчающую часть.²² Совсем в небольшом количестве встречаются они в средневропейских кладах середины XI в.

Приток восточного серебра в Восточную Европу совершенно прекратился уже в середине второго десятилетия XI в. и был заменен ввозом серебряной монеты из западноевропейских стран. Нельзя, следовательно, не учитывать, что в более поздние десятилетия XI в. вместе с западными денариями их путями могли проникать обратно удержавшиеся еще в денежном обращении Запада обломки куфических монет, в отдельных случаях, может быть, и целые дирхемы.

¹⁵ ДАК 1912, № 295; Р. Р. Фасмер. Куфические монеты Переяславского клада, ИАК, вып. 51, 1914, стр. 17—66; ЗНОРАО, II, вып. 3—4, 1913, стр. 119—120; А. А. Ильин, Топография (слитки), № 180; он же. Топография, № 20; Вауер, ZfN, XXXIX, № 77; он же, NZ, т. 62 (1929), № 6; он же, Mitteilungen für Münzsammler, 1928, August, стр. 203—204; Вауер, стр. 306, прим. — Позднейшую дату сообщает, по-видимому, мерванидский дирхем 399 (1008/09 г., ср. Вауер, стр. 307).

¹⁶ Археол. летопись Южной России, 1904, № 3, стр. 110.

¹⁷ Известна также небольшая находка, вероятно куфических и западноевропейских монет X или XI в., обнаруженных на юго-запад от с. Денисы, в б. Гайсинском уезде Подольской губ., близ местечка Киблич при речке того же названия, впадающей в р. Соб, левобережный приток Буга. Сведения о кладе ограничиваются тем, что «4 древненемецкие монеты и 3 арабские» в 1886 г. поступили в Музей Русского Археологического общества от Подольского Статистического комитета (ЗРАО, нов. сер., т. II, стр. IX; А. К. Марков, стр. 35, № 197).

¹⁸ См. статью В. М. Потина. Десятанский клад денариев XI в., стр. 26.

¹⁹ Например, на Готланде — А. К. Марков, стр. 61, сл., №№ 130, 137, 185, 214, 218 и др.; в Швеции — А. К. Марков, стр. 89, сл., №№ 2, 3, 7, 10, 20; в Средней Европе — А. К. Марков, стр. 111—115, №№ 8, 10, 13; стр. 116—119, №№ 7, 10 и др.

²⁰ Ильин. Топография, №№ 25—31 и 35, 36.

²¹ На Готланде — А. К. Марков, стр. 62, сл., №№ 16, 65, 100, 130, 145, 178, 185, 214; в Швеции — А. К. Марков, стр. 89, № 7; в Средней Европе — А. К. Марков, стр. 117, № 7; стр. 120, № 2.

²² R. Vasmer, SbGEG, 1934, Dorpat, 1936, стр. 184—185; Вауер, ZfN, XXXIX, стр. 194—197.

КЛАД КВАРТНИКОВ НАЧАЛА XV в.

Среди кладов польских монет, хранящихся в собрании Эрмитажа, самым ранним является клад начала XV в., найденный в г. Сокулки Белостокской обл. и доставленный в Эрмитаж гр. Крупновым в 1933 г. ¹ Подробности находки клада неизвестны. Вполне возможно, что часть монет клада до его поступления в Музей разошлась по рукам.

По своему составу клад весьма своеобразен и представляет интерес не только своей ранней датой. Замечательным является то, что он состоит из одних только квартников, монет, которые чеканились сравнительно недолго, а один из квартников клада особенно интересен своей редкостью.

Квартник, как показывает само название, является четвертой частью более крупной единицы. Чеканка квартников началась в XIV в. при Казимире III (1333—1370). Квартник Казимира равнялся половине гроша, который в свою очередь метрологически приравнялся $\frac{1}{2}$ скота (счетная единица), другими словами, квартник равнялся $\frac{1}{4}$ скота. ² Грош впервые чеканился тоже Казимиром III по образцу пражских грошей и стал самой крупной монетой в тогдашнем польском монетном деле.

Название «квартник» продолжает существовать и при Владиславе Ягелло (1386—1434), хотя как монета он сильно падал в весе и ценности.

Квартник приравнялся сначала к $\frac{1}{4}$, а потом к $\frac{1}{6}$ гроша, почему возникло второе название — малый квартник (или *trzeciak* = тржецяк = тернарий = дрейер). Когда при том же Владиславе Ягелло на смену малому квартнику пришла монета лучшего достоинства в $\frac{1}{2}$ гроша, она тоже получила название «квартник», но только с прибавлением эпитета «широкий», что позволяло отличать новые монеты от оставшихся в обращении старых (малых) квартников. Рассматриваемый клад, за исключением одной только монеты, состоит из квартников Владислава Ягелло обоих названных типов: в нем 123 малых квартника и 10 широких.

Прежде, чем перейти к рассмотрению названных монет, необходимо остановиться на монете, которая представлена в кладах одним экземпляром — это квартник Земовита IV (1379—1426), князя Мазовецкого. На лицевой стороне в жемчужном ободке находится буква S (*szamowit* — «Земовит») и круговая надпись готическим шрифтом *DVGIS [SZAMOWIT]TI* («герцога Земовита»). На оборотной стороне изображен одноглавый орел в жемчужном ободке и круговая надпись *monat [L]A RYOBAT* («монета плоцкая») (рис. 1, а).

Как представитель мазовецкой линии Пястов, Земовит IV после смерти занимавшего польский престол Людовика Венгерского (1382 г.) претендовал на польскую корону так же, как его отец Земовит III в 1370 г. после смерти Казимира III. Но в 1386 г. польский престол достался Владиславу Ягелло, ставшему мужем Ядвиги, дочери Людовика. Земовит IV в

¹ КПОНГЭ, № 583, пост. 159.

² F. Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin, 1930, стр. 338.

Рис. 1. Квартники из Сокулского клада.

а — Земовит IV, чеканка в Плоцке; б — Владислав Ягелло, малый квартник; в—е — то же, варианты по начертанию легенды и знакам монетчиков; ж, з — Владислав Ягелло, широкие квартники.

Рис. 2.

а, б — квартники Земовита IV (собрание Эрмитажа).

1387 г. породнился с Владиславом, женившись на сестре Ядвиги Александре и таким образом стал членом нового королевского дома.

Относящиеся к числу редких польских монет квартники Земовита IV чеканились им в Плоцке нелегально по весу малых квартников Владислава Ягелло, но с достаточно заметными внешними отличиями. В литературе можно встретиться с признанием их фальшивыми монетами, но это не соответствует действительности, поскольку в данном случае имеет место не выпуск поддельной монеты, повторяющей тип монеты государственной, а попытка феодального владетеля чеканить собственную монету без разрешения короля. Известно, что Владислав Ягелло дважды предъявлял Земовиту обвинение в незаконной чеканке, но Земовит сумел отвести от себя его, получив оправдательный документ от противника Владислава князя Литовского Витовта³.

Квартник Земовита IV представляет своеобразный памятник денежного дела феодальной Польши. После квартника Земовита IV плоцких монет мы не знаем. В собрании Эрмитажа, кроме названной монеты, принадлежащей к составу клада, имеется еще два экземпляра этой редкой монеты (рис. 2, а, б).

³ М. G u m o w s k i. Zarys Numizmatyki Polskiej. tódz, 1952; М. G u m o w s k i. Podręcznik numizmatyki polskiej. Kraków, 1914; E. H u t t e n - C z a p s k i. Catalogue de la collection des médailles et monnaies polonaises. vol. I, St. Pétersbourg, 1871.

При систематизации квартников Владислава Ягелло существенное значение имеют инициалы монетных мастеров, находящиеся на большинстве этих монет. В польской литературе встречаются различные определения этих букв, которые считаются сокращением имен различных мастеров, работавших в разные годы. Мы придерживаемся определений проф. М. Гумовского, указывая иногда мнение его предшественника К. Стрончинского.

Малый квартник имеет на лицевой стороне в жемчужном ободке гербовый щит с крестом Ягеллонов (патриарший крест \ddagger) и над щитом букву *w* (инициал Владислава). Круговая надпись *moneta wladislavi* („монета Владислава“). На оборотной стороне в жемчужном ободке одноглавый орел в круговой надписи *regis polonia* („королевства Польши“).

На малых квартниках известны следующие инициалы монетных мастеров: *sz, r, p, d*. Кроме того, существует тип квартника без инициалов. К. Стрончинский относит этот тип к более ранним.⁴ Из 123 малых квартников рассматриваемого клада не имеют инициалов 60 экземпляров, среди которых можно отметить два незначительных варианта в написании буквы «А» в имени короля (*d, p*). Размер монет от 15 до 18,5 мм, вес от 0,50 до 100 г (рис. 1, б, в).

Многие квартники (37) имеют внизу под левым нижним концом креста букву *n*, которую на стертых монетах легко можно принять за *D*. М. Гумовский расшифровывает букву *n* как сокращение имени «Николай» (краковский монетчик, 1393 г.). К. Стрончинский считал, что это знак Николая (Миколая) Бохнера, монетного мастера (1396 г.). Размер монет от 13,5 до 18 мм, вес от 0,56 до 0,97 г (рис. 1, з). Лишь 4 квартника имеют буквы *n-p* внизу по сторонам креста. М. Гумовский расшифровывает эти буквы как знак совместной чеканки упомянутого выше Николая и монетного мастера Петра Борка (по К. Стрончинскому — 1397 г.). Размер от 16 до 17,5 мм, вес от 0,58 до 1,00 г (рис. 1, д).

На ряде квартников (21) имеются по сторонам креста буквы *sz-p*. М. Гумовский расшифровывает *sz* как знак монетчика Мональда и монетного мастера Петра Борка, работавшего в 1393 г. (по К. Стрончинскому с 1394 по 1398 гг.). Размер от 15 до 18 мм, вес от 0,37 до 0,88 г (рис. 1, е).

Один квартник настолько стерт, что не может быть отнесен к какой-либо группе. Размер 18,5 мм, вес 0,73 г.

Выпущенный в 1399 г. широкий квартник или полугрош представлен в кладах 10 экземплярами. Как указывает М. Гумовский, чеканка монет этого вида прекратилась уже в 1414 г. Эта дата младших монет клада, которые чеканились так недолго (1399—1414), может быть распространена и на самый клад.

На лицевой стороне широкого квартника изображена корона в жемчужном ободке и круговая надпись: **moneta *wladislavi* („монета Владислава“). На оборотной стороне одноглавый орел (польский герб) в жемчужном ободке, как на малых квартниках, и круговая надпись *regis *polonia* („королевства Польши“).

Широкие квартники (полугроши), как и малые, систематизируются по буквам монетчиков и монетных мастеров. Известны следующие инициалы на широких квартниках: *T, P, S, SA, AS, A, D, O, K, W* \ddagger .

Из 10 широких квартников клада семь имеют букву *p* внизу под короной (рис. 1, ж). Размер монет от 21 до 22 мм, вес от 1,57 до 1,82 г. Три квартника имеют там же букву *n* (рис. 1, з). Размер их от 20,5 до 22,5 мм, вес от 1,23 до 1,90 г. М. Гумовский расшифровывает *p* как «Петр Борк» и *n* как «Николай». Таким образом, в нашем кладах представлены широкие квартники только двух видов, что, учитывая состав рассматриваемого клада в целом, дает некоторое право считать их более ранними по сравнению с другими широкими квартниками. Однако не исключена возможность, что на монетах, по-видимому, не дошедшей до нас части клада были представлены и другие буквы.

Из зарегистрированных нами более 800 найденных на территории СССР кладов с польскими монетами описанный клад квартников является по его составу единственным в своем роде.

⁴ K. Stronczyński. Dawne monety polskie. Część. III. Piotrków, 1885, стр. 57.

МОГИЛЕВСКИЙ КЛАД ДУКАТОВ XVI—XVII вв.

В 1940 г. по поручению Государственного Эрмитажа комиссия экспертов Отдела нумизматики производила просмотр фонда монет и медалей в Государственном хранилище драгоценных металлов в Москве с целью отбора экземпляров, представлявших интерес для Эрмитажа. Была отобрана значительная группа монет, однако оформление передачи задержалось из-за войны, и только в 1946 г. Эрмитаж получил упомянутые монеты. Они поступили в том виде, в каком были просмотрены в 1940 г. с сохранением внутренней группировки, отдельных мелких упаковок и т. д.

В одном из мешочков оказалась группа золотых монет, в основном состоящая из голландских дукатов. Монеты были сильно помяты и на некоторых из них сохранились следы земли. Сразу возникла догадка, что они принадлежат к какому-то кладу.

Вскоре при разборке документов, оставшихся после чл.-корр. АН СССР Алексея Алексеевича Ильина, была обнаружена помеченная им 1936 годом вырезка из газеты следующего содержания: «Редкие золотые монеты. Минск, 15 ноября. Колхозник деревни Ильинка Могилевского района П. И. Козлов, работая на прокладке водопровода в Могилеве, обнаружил глиняный горшок. Свою находку Козлов немедленно передал государственным органам.

Специалисты, вскрывшие горшок, обнаружили в нем 476 золотых монет бельгийской и датской чеканки XVI—XVII веков. Этот клад имеет огромную историческую ценность: ни в одном музее мира нет в таком большом количестве золотых монет этой чеканки. Совет Народных Комиссаров БССР премировал т. Козлова 3000 рубл.»

Состав монет и их количество делает для нас несомненным, что полученная Эрмитажем группа монет представляет собой Могилевский клад 1936 г.

На запрос Отдела нумизматики из Государственного хранилища драгоценных металлов был получен ответ, что, несмотря на тщательную проверку сохранившихся архивных документов, происхождение данной группы золотых монет установить не удалось; бесспорным является лишь то, что она поступила в хранилище до 1940 г. Таким образом, дата нахождения клада в 1936 г. подтверждается.

Как известно, на оборотной стороне голландских дукатов содержится надпись в 5 строк: «MO. ORDI. PROVIN. FOEDER. BELG. AD LEG. IMP.» («монета чеканена провинциями соединенной Бельгии согласно закону империи»). Слово «BELG.» и дало основание корреспонденту газеты назвать голландские дукаты золотыми монетами бельгийской чеканки. Датские монеты, тоже упомянутые в газете, действительно представлены в кладе несколькими экземплярами.

Состав клада следующий.

1—88. Нидерланды. Гельдерн, дукаты 1596, 1598, 1599, 1606, 1608 (2), 1609, 1618, 1635, 1637, 1637?, 1638 (3), 1643, 1644, 1645, 1646 (8), 1648 (19), 1649 (33), 1650 (7), 1651 (3) и 1652 гг.

- 89—105. Г о л л а н д и я, дукаты 1595, 1622, 1631, 1633, 1634, 1637, 1642 и 1649 (10) гг.
- 106—114. З е л а н д и я, дукаты 1593, 1596, 1599 (рис. 1, а), 1631, 1632, двойные дукаты 1649 (3) и 1659 гг. (рис. 1, б).
115. Подражание зеландскому дукату 1717 г. (рис. 1, в).
- 116—124. Ф р и с л а н д и я, дукаты 1589 (рис. 1, г), 1598, 1605, 1609 (2), 1630, 1634, 1639 и 1645 гг.
- 125—160. З а п а д н а я Ф р и с л а н д и я, дукаты 1590, 1595 (4), 1596, 1598, 1622, 1634 (2), 1638, 1641, 1642 (4), 1644, 1645 (3), 1648 (2), 1649 (9), 1650 (2), 1651 (2) и 1652 гг.
- 161—296. У т р е х т, дукаты 1587, 1592, 1595 (2), 1596 (3), 1597 (3), 1598, 1606, 1610, 1612, 1614 (2), 1630 (4), 1634, 1638 (2), 1642, 1643 (2), 1644, 1645 (2), 1646 (5), 1647 (16), 1648 (31), 1649 (45), 1650 (8) и 1651 (2) гг.
- 297—302. О в е р и с с е л ь, дукаты 1616 (2), 1631, 1635 и 1637 (2) гг.
303. Название провинции стерто, дукат 1648 г.
- 304—342. г. Ц в о л л е, дукаты без года с именем Рудольфа II (1576—1612) — 1 экз., с именем Фердинанда (после 1586 г.) — 3 экз. Дукаты 1630 (3), 1631 (2), 1636, 1638, 1641, 1642 (2), 1644 (3), 1646 (9), 1648 (2), 1649 (9) и 1650? (2) гг.
- 343—368. г. К а м п е н, дукаты без года, с именем Фердинанда (после 1586 г.) — 2 экз. (рис. 1, д). Дукаты 1646 (3), 1648 (3), 1649 (13), 1651 и 1652 (4) гг.
- 369—370. г. Д е в е н т е р, дукаты 1634 и 1635 гг.
371. Ю ж н ы е Н и д е р л а н д ы, Брабант, Альберт и Елизавета (1598—1621), двойной дукат без года (рис. 1, е).
- 372—373. Д а н и я, дукаты. Христиан IV, 1646 г. (рис. 2, а) и Фредерик III, 1649 г.
- 374—378. г. Д а н ц и г, дукаты 1596, 1629 (2), 1644 и 1646 (рис. 2, б) гг.
- 379—380. г. Т о р н, дукаты 1635 г.
- 381—382. г. В р о ц л а в (Бреславль), дукаты 1554 и 1558 гг.
- 383—384. С а к с о н и я, древняя ветвь в Альтенбурге, Иоанн Филипп и Фридрих Вильгельм, дукат 1638 г.; Альбертинская линия, Иоанн Георг, двойной дукат 1639 г.
385. г. Ш т р а л ь з у н д, дукат 1644 г.
386. г. Б р а у н ш в е й г, дукат 1650 г.
387. г. Р о с т о к, дукат 1636 г.
- 388—390. г. Л ю б е к, дукаты 1613, 1648 и 1652 гг.
391. г. Г а м б у р г, дукат 1642 г.
- 392—394. г. Н ю р н б е р г, дукаты 1636, 1637 (рис. 2, в) и 1643 гг.
- 395—398. г. Ф р а н к ф у р т, дукаты 1634, 1639 (2) и 1642 гг.
399. г. К е л ь н, дукат 1636 г.
400. г. У л ь м, дукат 1637 г.
- 401—403. М а й н ц, архиепископство, дукаты. Ансельм Казимир, 1641 г. и Иоанн Филипп, 1648 г. (2).
- 404—407. З а л ь ц б у р г, архиепископство, дукаты. Михаил, 1555, 1556 (рис. 2, г) и 1559 гг.; двойной дукат, Вольфганг Теодор, 1593 г.
408. В е р х н я я А в с т р и я, монетный двор Линц, дукат, Фердинанд I, 1546 г.
- 409—411. Н и ж н я я А в с т р и я, монетный двор Вена, дукаты, Фердинанд I, 1554 г., Максимилиан II, 1576 г., и Рудольф II, 1595 г.
412. Т и р о л ь, монетный двор Галль, дукат, Леопольд (1619—1632), без года.
- 413—419. Ч е х и я (Богемия), монетный двор Прага, дукаты, Рудольф II, 1580, 1584, 1586 (2), 1587 и 1592 гг.; Фердинанд II, 1637 г. (рис. 2, д).
- 420—425. К а р и н т и я, монетный двор Клагенфурт, дукаты, Карл, 1579, 1583 (2), 1584, 1590 и 1591 гг.
- 426—438. В е н г р и я, монетный двор Кремниц, дукаты, без года, Матвей (1458—1490) — 1 экз., Максимилиан II, 1566 и 1576 гг., Рудольф II, 1583, 1584, 1586, 1588, 1594 и 1606 гг., Фердинанд II, 1635 и 1637 гг., Леопольд I, 1684 и 1692 (?) гг.

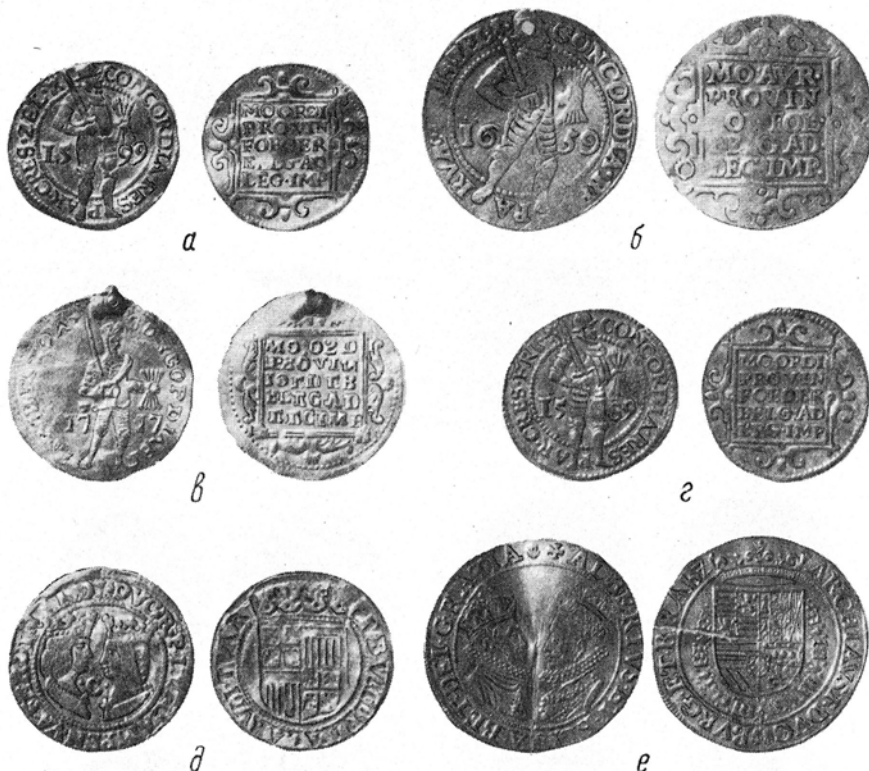

Рис. 1. Нидерланды.

а — Зеландия, дукат 1599 г.; *б* — то же, двойной дукат 1659 г.; *в* — подражание зеландскому дукату 1717 г.; *г* — Фрисландия, дукат 1589 г.; *д* — Кампен, дукат без года с именем Фердинанда (после 1586 г.); *е* — Южные Нидерланды, Брабант, Альберт и Елизавета (1598—1621 гг.), двойной дукат без года.

- 439—446. Трансильвания, дукаты. Иоанн I, 1539 г., Иоанн II Сигизмунд, 1562 (рис. 2, *е*) и 1570 гг., Сигизмунд Баторий, 1593 и 1597 гг., Стефан Бочкай (1604—1606), без года (2), Георг Ракочи, 1631 г.
 447. Швейцария, г. Хур, дукат 1634 г. (рис. 2, *ж*).
 448—449. Модена, дукат без года, Цезарь д'Эсте (1598—1628).
 450—451. Савойя, дукат 1602 г., Карл Эмануил I.
 452—466. Венеция, цехины без года. Иоанн Мочениго (1478—1485), Петр Лоредано (1567—1570), Алоизий Мочениго (1570—1577) — 2 экз., Николай да Понте (1578—1585) — 2 экз., Иоанн Корнаро (1625—1629) — 4 экз. (рис. 2, *з*), Франциск Эриццо (1631—1646), Павел Реньер (1779—1789) — 3 экз. и Людовик Манин (1789—1797).

Незначительное расхождение количества монет поступившего в Эрмитаж клада с числом их, указанным в газетной заметке, можно было бы объяснить даже ошибкой в подсчете. Однако вполне возможно, что несколько монет клада находились еще и во втором пакете, который был получен одновременно с кладом. В нем среди самого разнообразного материала оказалось свыше 10 также голландских дукатов XVI—XVII вв. и других монет, казалось бы, слишком поздних для этого клада. Однако важно отметить, что на нескольких из них сохранился такой же землястый налет и они так же сильно помяты, как и монеты в кладах. Указанные признаки позволяют отнести к кладу это небольшое число слишком поздних для его состава монет: Венеция, Павел Реньер (1779—1789), Людовик Манин (1789—1797)

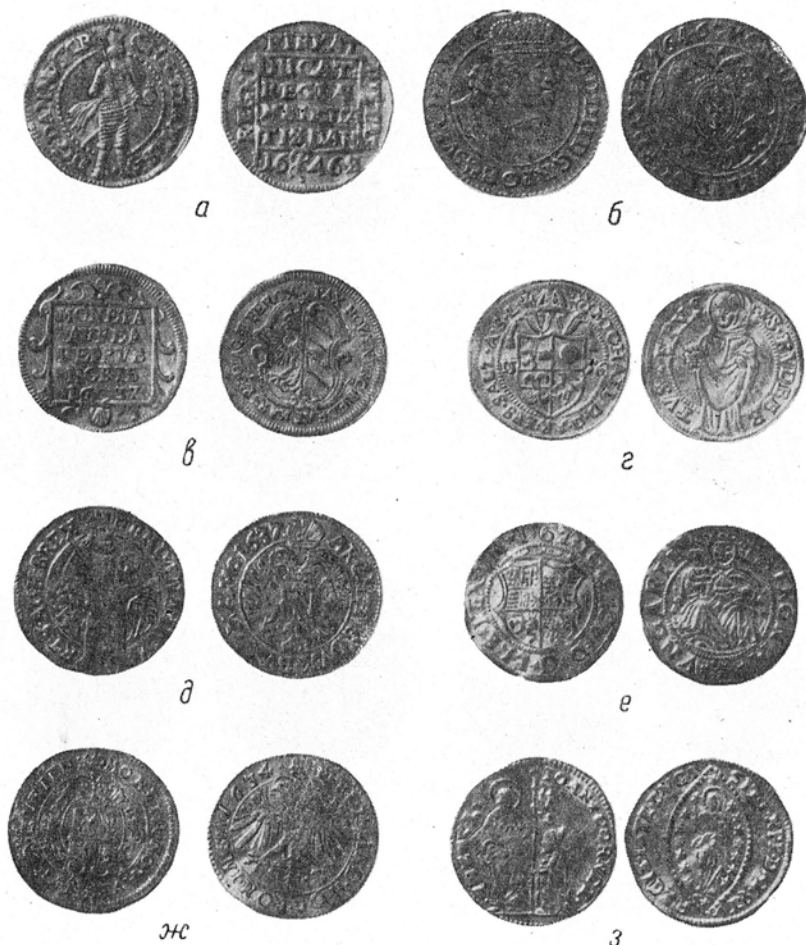

Рис. 2. Золотые монеты европейских государств.

а — Дания, дукат 1646 г.; *б* — Данциг, дукат 1646 г.; *в* — Нюрнберг, дукат 1637 г.; *г* — Зальцбург, дукат 1556 г.; *д* — Чехия (Богемия), дукат 1637 г.; *е* — Трансильвания, дукат 1562 г.; *жс* — Швейцария, г. Хур, дукат 1634 г.; *з* — Италия, Венеция, Иоанн Корнаро (1625—1629 гг.), цехин без года.

и Нидерланды, пров. Зеландия?, дукат 1717 г., а может быть, и двух слишком ранних: Венеция, Иоанн Мочениго (1478—1785) и Венгрия, Матвей (1458—1490), несколько противоречащих газетному сообщению, указывающему, что найденные монеты относятся к XVI—XVII вв. В основной массе монеты клада действительно принадлежат XVI—XVII вв. Из них самой ранней монетой является трансильванский дукат 1539 г., самой поздней — венгерский дукат Фердинанда II 1692 г.

Золотые монеты государств Западной Европы представлены в кладе широко и разнообразно, что в особенности касается семи провинций Нидерландов, чеканивших монеты. Голландские дукаты играли в Западной Европе XVI—XVII вв. и позднее роль международной монеты, в частности они имели очень широкое распространение в России XVII в., для которой были основной формой поступившего в страну золота.

Находки западноевропейских золотых монет XVI—XVII вв. в Белоруссии и на Украине отмечались неоднократно. Относительно многих из них известно, что они принадлежали

кладам, но последние, как правило, сразу расходились по рукам и делались недоступными для изучения.¹ Можно назвать только замечательный Лаврский клад 1898 г.², счастливо избежавший такой участи и содержащий более 6 тысяч золотых монет XVI—XVII вв., из которых около половины голландские дукаты. Таким образом, Могилевский клад по своему составу является ближайшей аналогией к нему.

Поступивший в Эрмитаж в более или менее полном виде Могилевский клад несомненно представляет значительный научный интерес и позволяет уточнить представление о золотом обращении XVI—XVII вв. в нашей стране.

¹ Р. Ф а с м е р. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Акад. ист. мат. культуры в 1920—1925 гг., стр. 302, № 30, стр. 310, № 95, стр. 318, № 9; «Старая монета», 1911 г., № 1, стр. 13, № 3, стр. 42; Каталог выставки XIV Арх. съезда в Чернигове, 1908 г., дополнение к нумизматическому отделу (особая пагинация), стр. 2; ОАК за 1883, 1889—1893, 1895—1896, 1898—1904, 1909—1915 гг. (всего свыше 50 отдельных находок и кладов).

² [А. К. М а р к о в]. Список золотых монет и медалей, принадлежащих Киево-Печерской лавре, Киев, 1899 г.; Н. П е т р о в. Археологическая находка на хорах в великой церкви Киево-Печерской лавры (Чтения в церковно-археологическом обществе при Киевской Духовной Академии, вып. II., Киев, 1899).

М. П. СОТНИКОВА

ЭПИГРАФИКА СЕРЕБРЯНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СЛИТКОВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XII—XV вв.

Серебряные платежные слитки — самые крупные и неизменные единицы древнерусских денежных систем XII—XV вв. — являются важной категорией вещественных остатков древнерусского денежного обращения, и вопрос о них всегда был одним из главных в разработке проблем истории денег и денежного обращения русского средневековья. Но, хотя в той или иной связи слитков касались все, занимавшиеся древнерусской нумизматикой, именно конкретно-вещеведческому исследованию слитки еще почти не подвергались.

В конце XVIII — начале XIX в., будучи еще редкостью и новинкой для историков, слитки с трудом входили в круг русских нумизматических источников, и роль их в денежном обращении древней Руси долго недооценивалась. В дальнейшем, в результате накопления кладового материала и плодотворных трудов многих исследователей, они заняли прочное место среди памятников денежного обращения русского средневековья, но к ним стали относиться слишком «по-монетному», отбрасывая все их чисто вещественное, материальное своеобразие.

Между тем, чтобы уяснить различие между слитками и монетами, достаточно хотя бы вспомнить противоречия между рублем-слитком и счетным денежным рублем.¹ Разница между слитком и монетой хорошо подтверждается всей историей его развития. Войдя в денежное обращение средневековой Руси после прекращения первоначальной чеканки высоко развитых в весовом, идеологическом и художественном отношении русских монет (X—XI вв.), слитки были возвратом к архаичной, сравнительно с денежным обращением X—XI вв., форме денежно-весового обращения. К превращению в монету слитки подошли только на рубеже XIV—XV вв., т. е. перед самым концом своего обращения, когда их стали метить клеймами под влиянием возобновившегося уже во второй половине XIV в. древнерусского денежного чекана.

Более чем столетнее изучение проблемы обращения слитков вовлекло в сферу исследования значительный материал и дало ощутимые результаты независимо от того, что точки зрения авторов на предмет исследования существенно различались. К нашему времени созданы крупные коллекции слитков;² выявлена и научно оценена топография их находок;³

¹ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. М., 1957, стр. 38—41.

² В настоящее время известно более 70 кладов со слитками, не говоря о единичных находках, и созданы такие крупные собрания слитков, как коллекции Государственного Эрмитажа и Государственного Исторического музея, насчитывающие вместе более 1200 слитков.

³ А. И. Ч е р е п н и н. О гривенной денежной системе по древнимкладам. ТМНО, т. II, М., 1901; А. А. И л ь и н. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пгб., 1921; А. Ф. Ф е д о р о в. Монетные клады Рязанской губернии. Спасск, 1928 г.; N. V a u e r. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. NZ., т. т. 62, 64, Wien, 1929, 1931; Н. Н. Щ е к а т и х и н. Топография кладов с литовскими слитками и монетами на территории древнего литовского государства. Рук. 1933—1934, хран. в библиот. Гос. Эрмитажа; Г. Б. Ф е д о р о в. Топография кладов с литовскими слитками и монетами. КСИИМК, вып. XXIX, 1949; Г. Ф. К о р з у х и н а. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954.

произведена нумизматическая датировка различных их видов; ⁴ большое внимание привлекала и в основном выяснена система древнерусского денежного счета. ⁵ Собран и отчасти исследован относящийся к слиткам летописный и актовый материал. В последние годы заметный успех достигнут в разработке вопросов метрологии слитков в связи с денежными системами русского средневековья. ⁶

Новый подход к слиткам, наметившийся в последних исследованиях, делает особенно настоятельной необходимость восполнить пробелы в их вещеведческом изучении.

Единственное специально вещеведческое исследование слитков произведено в 20-х годах нашего века Н. П. Бауером в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Помимо известной монографии, ⁷ практическим результатом этой работы было построение научной коллекции русских серебряных платежных слитков, воссозданной Н. П. Бауером из груды депаспортизованного серебра. Были восстановлены данные о происхождении большинства слитков основного собрания Эрмитажа и слитков из введенных в его состав больших собраний, поступивших после 1917 г. Но Н. П. Бауер полностью устранился от изучения эпиграфики слитков. Таким образом, целая область данных о слитках, интересная не только нумизматам, но и эпиграфистам, палеографам, языковедам, историкам, до сих пор остается неисследованной и не использованной наукой.

Настоящая работа является опытом изучения слитков со стороны их эпиграфических данных. Автор ограничивается кругом новгородских слитков, наиболее богатых названными признаками, и обращается к слиткам других видов лишь в отдельных случаях. Основным материалом для исследования послужили два наиболее крупные собрания — Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея, которые включают в себя полностью или частично ряд кладов, содержат все известные виды слитков и насчитывают около 450 слитков новгородского типа. Кроме того, были изучены слитки коллекции Рязанского краеведческого музея, состоящей главным образом из клада, найденного в 1952 г. в дер. Щигры, Рязанской области. ⁸ Всего было рассмотрено 477 новгородских слитков.

Платежные слитки XII—XV вв., называемые новгородскими по месту их первой находки, представляют собой продолговатые серебряные бруски приблизительно треугольного сечения (табл. I, 1—6, 8, 9). Их вес, метрологически связанный со скандинавскими денежно-весовыми единицами, в течение всего периода литья слитков оставался равным приблизительно 200 г. Место слитков в денежном обращении определялось их функциональными особенностями. Возникнув как основная единица так называемой северной системы русского денежного веса, сложившейся в X в., и будучи в течение всего русского средневековья самой крупной денежной единицей, слитки служили средством крупных платежей и накоплений, а также были удобным, наиболее стандартным видом ремесленного сурья. ⁹

Новгородские слитки делятся на две группы: 1) более плоские и длинные (от 14 до 20 см), с расширяющимися концами и заметным желобком на верхней стороне; 2) короткие (от 10

⁴ А. И. Черепнин. Ук. соч.; А. А. Ильин. Ук. соч.; Н. Вауер. Ук. соч.; Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгорода Климента и денежное обращение в северо-восточной Руси. Сб. Проблемы источниковедения, 1940; Н. Н. Щекатихин. Ук. соч.; Г. Б. Федоров. Классификация литовских слитков и монет. КСИИМК, вып. XXIX, 1949; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, М., 1956.

⁵ П. С. Казанский. Исследования о древней русской монетной системе, ЗАО, т. III, 1853; Д. И. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII столетия. СПб., 1865; И. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, М., 1882; И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен. СПб., 1906; он же. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910; Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды. Сб. статей по вспомогательным историческим дисциплинам. АН СССР, 1937.

⁶ В. Л. Янин. Ук. соч.

⁷ Н. Вауер. Ук. соч.

⁸ В. С. Ерохин. Щигровский клад. КСИИМК, вып. 53, М., 1954.

⁹ В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 32, 47, 182, 183, 204.

Таблица 1

Новгородские и литовские серебряные слитки

1 — Слиток новгородского типа, ГЭ, 581. Стародуб, 1873; 2 — то же. ГЭ, 633. Неустан. происх.; 3 — то же. ГЭ, 573. Петрова Буда, 1868 г.; 4 — то же. ГЭ, 577. Курская губ., XIX в.; 5 — то же. ГЭ, 638. Неустан. происх.; 6 — то же. ГЭ, 739. Средне-Ахтубинское, 1865 г.; 7 — слиток литовского типа. Софийская колония, 1866 г.; 8, 9 — слитки новгородского типа. ГЭ, 602, 603. Кадыковка, 1902 г.

до 14 см), с высокой, иногда несколько выгнутой спинкой. Кроме целых двухсотграммовых слитков (гривен или рублей), имеются также половинки — полтины, являющиеся частями разрубленных пополам слитков. Большинство полтин, которыми вообще закончилось обращение слитков, сделано из слитков коротких. Так как длинные встречаются в кладах вместе с шестиугольными слитками XI—XIII вв. и западноевропейскими монетами XII—XIII вв., Н. П. Бауер считает их более ранними и относит ко времени не позже XIII в. Короткие же, встречающиеся вместе с золотоордынскими монетами XIV в., и полтины, иногда имеющие русские клейма XIV—XV вв., Н. П. Бауер датирует XIV—первой половиной XV в.¹⁰

К числу способствующих уточнению датировки признаков относятся также продольные швы, прослеживаемые на боковых сторонах многих коротких слитков. Они свидетельствуют о новой технике «двухслойной» отливки, появляющейся во второй половине XIV в.¹¹ Таким образом, короткие слитки без шва могут относиться только к первой половине или середине XIV в.

Общая устойчивость внешнего вида и неизменность веса новгородских слитков в течение всего периода их литья с XII по XV в. свидетельствуют о традиционном изготовлении слитков данного типа в одном центре и в весьма ограниченном числе мастерских и делают несостоятельным предположение о неорганизованном литье. Принимая во внимание, что все серебро, имевшееся на Руси в рассматриваемый период, получалось путями внешней торговли с Западной Европой через Новгород, А. И. Черепнин и Н. П. Бауер не сомневались, что этим центром литья мог быть только Новгород,¹² но специально на этом вопросе не останавливались. Изготовление платежных слитков XII—XV вв. именно в Новгороде находит подтверждение и в том, что все известные упоминания о литье и ливцах слитков в памятниках письменности почти всегда не только касаются Новгорода, но даже и принадлежат кругу новгородских памятников.¹³ Исследование эпиграфики этих слитков позволяет окончательно убедиться, что название «новгородские», полученное ими, как уже отмечено выше, только по месту первой зафиксированной находки, полностью соответствует исторической действительности.

На большом числе новгородских слитков имеются процарапанные острым орудием надписи — граффити, представляющие изредка краткие предложения, а чаще отдельные слова, слоги, буквы и т. д. Но к области эпиграфики этих же слитков должны быть отнесены еще и встречающиеся на множестве слитков ряды нарезок — царапин, настолько единообразного характера, что в закономерности их появления рядом с надписями сомневаться невозможно.

НАДПИСИ

Внимания исследователей надписи на слитках почти не привлекали, и десятки их до сих пор остаются неопубликованными. Нумизматы не занимались ими, не считая их «своими» и важными для нумизматики; палеографы и историки их по-прежнему не знают.

Н. П. Бауер, как указывалось выше, вообще отказался от палеографического изучения надписей на слитках, сославшись на возможную разницу во времени изготовления слитков и нанесения на них надписей.¹⁴ Другие ученые, так или иначе касавшиеся этого вопроса

¹⁰ Н. Ваег. Ук. соч., т. 64 (1931), стр. 62/46, 66/50, 76/60.

¹¹ Уменьшение содержания серебра в слитке путем заполнения открытой формы наполовину или на две трети низкопробным серебром с последующей доливкой серебром высокого качества до нормального объема. Эта фальсификация приводила к потере слитком 10—13% полагавшегося ему содержания чистого серебра (которое заменялось лигатурой) и практиковалась ливцами Новгорода с конца XIV в., очевидно с ведома и по инициативе новгородских властей. (См. М. П. Сотникова. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. (дело Федора Жеребца, 1447 г.). СА, 1957, № 3.

¹² А. И. Черепнин. Ук. соч., стр. 190, 204; Н. Ваег. Ук. соч., т. 64 (1931), стр. 76/60; Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной..., стр. 202.

¹³ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 45, 73; ПСРЛ, 2-е изд., т. IV, вып. 2, стр. 442, 443; СГГД, ч. II, М., 1819, стр. 4.

¹⁴ Н. Ваег. Ук. соч., т. 62 (1929), стр. 79/3, т. 64 (1931), стр. 77/61.

ограничивались обычно только краткими упоминаниями,¹⁵ или, в лучшем случае, предварительными палеографическими замечаниями общего характера.¹⁶ На необходимость внимательного изучения надписей на слитках указывал Б. А. Рыбаков.¹⁷ Подробнее других остановился на этих надписях В. М. Неклюдов.¹⁸ Однако и в его статье палеографическая часть ни в коей мере не является специальным исследованием и была вызвана только необходимостью опубликования богатого надписанными слитками Нижне-Солотинского клада, найденного в Курской области в 1933 г. Как следует из статьи В. М. Неклюдова, ему было известно около 50 надписей на слитках. Но большинство их он знал только по упоминаниям в литературе и по составленному Н. П. Бауером рукописному каталогу собрания слитков Государственного Эрмитажа, чем и объясняются многочисленные ошибки в приведенном В. М. Неклюдовым списке надписей.

В настоящее время, после пристального рассмотрения слитков двух вышеназванных самых крупных собраний, удалось составить свод, насчитывающий около 100 надписей, изученных в подлиннике, и несколько надписей, известных только по упоминаниям в литературе. Здесь уместно заметить, что довольно много новых надписей на слитках Эрмитажа «проявилось» после того, как эти слитки были вымыты.

В юте сравненных надписей удалось обнаружить всего 2—3 случая наличия одного и того же почерка на нескольких слитках. Эту особенность, требующую отдельного палеографического анализа каждой надписи, отметил и В. М. Неклюдов.

Справедливо считая, что приметы палеографии тисненых печатей и монет не подходят к процарапанным надписям, В. М. Неклюдов предложил пользоваться при изучении надписей на слитках приметами палеографии рукописной. Но письмо надписей на слитках значительно отличается и от письма рукописей. В сущности, его даже нельзя назвать ни уставом, ни полууставом. Характерных для этих рукописных почерков утолщений в буквах оно не имеет, зато нередко обладает отличными от присущих уставу и полууставу соотношениями отдельных частей букв, что объясняется как целями этого «делового» письма, так и техникой письма на данном материале и особенностями орудий письма. При процарапывании надписей на слитках, как при всяком другом письме — граффити, имеет место совершенно иное сопротивление материала, чем при письме пером: перо с к о л ь з и т, резец б о р о з д и т. Резец может посыпаться только н а с е б я (с некоторыми отклонениями вправо или влево, предел которых — горизонталь). Письмо пером допускает тяги о т с е б я.

Более плодотворным при изучении надписей на слитках оказывается сравнение их с памятниками вещевой палеографии и эпиграфики, и прежде всего с надписями граффити, так как сами надписи на слитках и по способу письма, и по начертанию букв, и по бытовому характеру своего содержания являются именно граффити. Однако бесспорно датированные (т. е. содержащие даты в самих себе) граффити насчитываются единицами и, к сожалению, опубликованы, как правило, без фотографий или прорисей.¹⁹ В настоящее время единственно возможным представляется сравнение наших надписей с берестяными грамотами — новым кругом исторических источников, открытым в 1951 г. и, следовательно, неизвестным в то время, когда работал В. М. Неклюдов.

Сравнение надписей на слитках с письмом новгородских берестяных грамот особенно удобно, так как последние, помимо общности с надписями на слитках в приемах письма и в бытовом содержании, имеют довольно твердую стратиграфическую датировку, проверенную, к тому же, во всех возможных случаях и палеографией. Впрочем, производимая с помощью «вдвойне» датированных берестяных грамот датировка наших надписей иногда за-

¹⁵ А. И. Черепнин. Ук. соч.; А. А. Ильин. Ук. соч.; В. М. Неклюдов. О русских денежных слитках. ТОНГЭ, т. 1, Л, 1945; Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XV вв., ИЗ., № 4, 1938.

¹⁶ А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собр. имп. Российского Исторического музея. ТМНО, т. II, М., 1901.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 256.

¹⁸ В. М. Неклюдов. Ук. соч.

¹⁹ Например, граффити в Сгас-Нереиде (см. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 63, № 79).

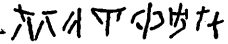
труднена, порою же оказывается и невозможной, если надпись не содержит определенных начертаний букв, которые могут служить твердыми палеографическими приметами того или иного века, и состоит только из нехарактерных букв.

Палеографическое изучение надписей на слитках путем сравнения их исключительно с берестяными грамотами особенно оправдывается тем, что основная масса надписей находится на слитках именно новгородских. На слитках киевского и ладьеобразного типов надписей не встречается вовсе,²⁰ на слитках так называемого черниговского и литовского типов их имеется только 2—3 на первых и 13 на вторых.

За исключением двух-трех коротких фраз все прочтенные надписи являются мужскими и женскими именами или прозвищами, а также производными от них прилагательными. Формальное разделение слитковых надписей на группы в зависимости от родовых и падежных окончаний представляется наиболее целесообразным, так как оно дает возможность более или менее стройной классификации по смыслу.²¹

1. Надписи на новгородских слитках

Имена и прозвища в именительном падеже (19)

1) (МАТФЪЙ, табл. II, 10) на плоской стороне длинного слитка из клада, найденного близ Путивля Курской губ. в 1910 г. ГИМ, № 175, И. ²², № 130; Н. ²³, стр. 141, № 8.

Аналогичные начертания имеются только для М, Т, Н. Они встречаются в грамотах XIII—XIV вв. (см. грамоты 5, 20, 48, 50, 52, 58, 61, 62, 67, 68).²⁴

2) (ОНИСИМО, табл. III, 41) на боковой стороне полуслитка с

продольным швом; из клада, найденного у с. Нижнее Солотино, Обоянского р-на Курской обл. в 1933 г. ГЭ, № 883; Н., стр. 141, № X (не заметив последнего слога, расположенного ниже предшествующих, прочел надпись как «ОННЧН»).

Конечное О в слове — результат обычной для древнерусского правописания замены Ъ на О; начальное О — характерная для окающего новгородского говора замена А на О, примеры которой имеются и в берестяных грамотах.²⁵

²⁰ На киевских имеются иногда лишь отдельные буквы.

²¹ В нижеследующем перечислении надписи расположены в алфавитном порядке внутри каждой группы.

²² А. А. Ильин. Ук. соч., в дальнейшем — И.

²³ В. М. Неклюдов. О русских денежных слитках, в дальнейшем — Н.

²⁴ Гр. 1—10 опубл. в кн.: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953;

гр. 11—83 опубл. в кн.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). АН СССР, М., 1954;

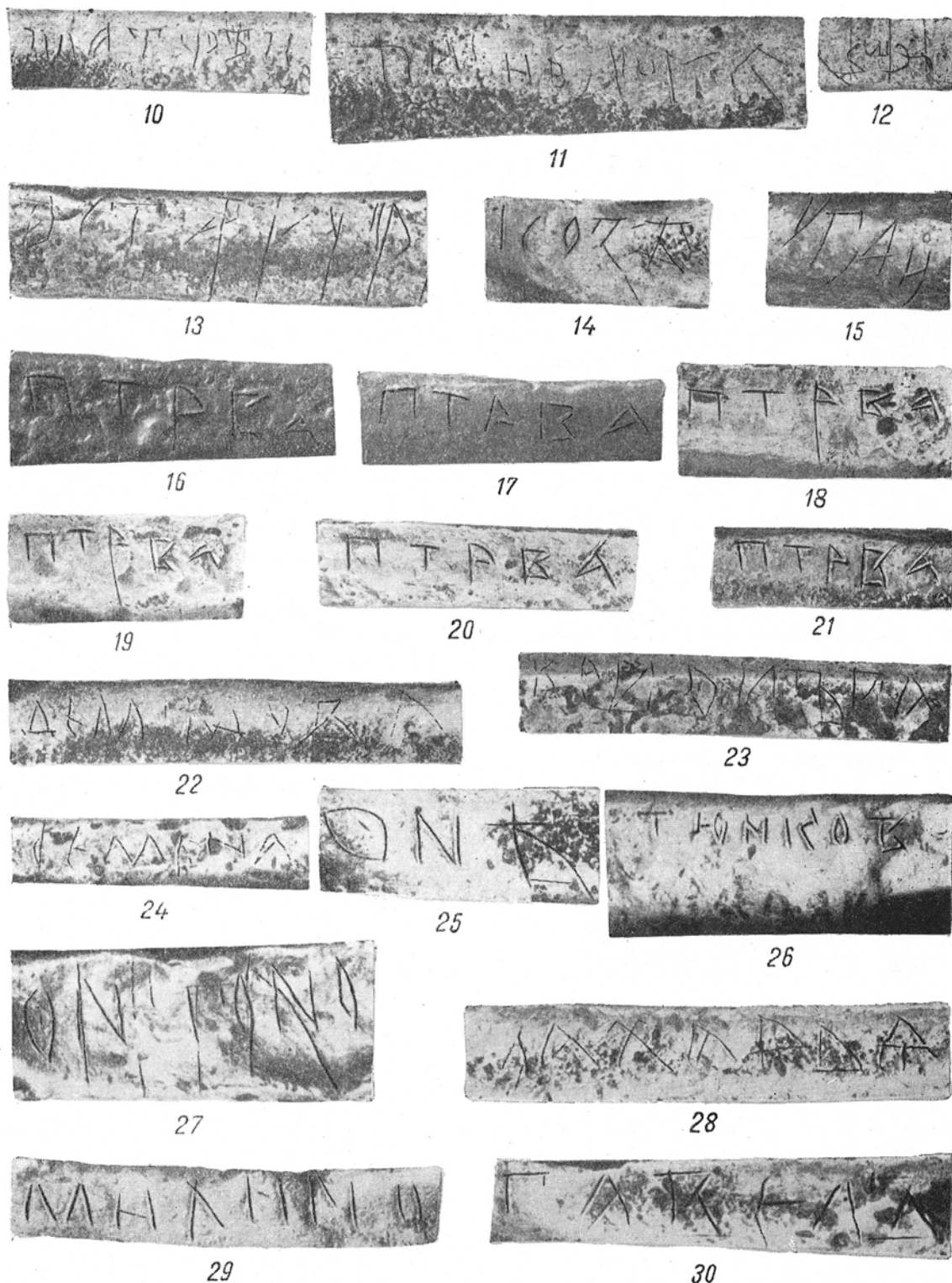
гр. 92, 94, 97, 98, 105, 106 опубл. в ст. А. В. Арциховского «Раскопки 1953 г. в Новгороде» (ВИ, 1954, № 3);

гр. 109, 119, 125, 134, 135, 136 опубл. в ст. А. В. Арциховского «Раскопки 1954 г. в Новгороде» (ВИ, 1955, № 2);

гр. 138, 140, 141, 154, 155, 162, 167, 169 опубл. в ст. А. В. Арциховского «Раскопки 1955 г. в Новгороде» (ВИ, 1956, № 3).

Сравнение надписей с берестяными грамотами производилось до опубликования гр. 84—194 в кн.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958.

²⁵ Гр. 23, 49, 50, 162.

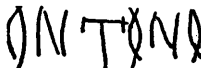

Надписи на новгородских слитках

10 — надп. 1. ГИМ, 175. Путивль, 1910 г.; 11 — надп. 82. ГИМ, 178. Путивль, 1910 г.; 12 — надп. 19. ГИМ, 197. Неустан. проих.; 13 — надп. 75. ГИМ, 189. Неустан. проих.; 14 — надп. 25. ГИМ, 193. Неустан. проих.; 15 — надп. 79. ГИМ, 13. Слободка, 1902 г.; 16 — надп. 45. ГЭ, 559. Неустан. проих.; 17 — надп. 47. КПОИГЭ 583/427. Неустан. проих.; 18 — надп. 49. ГИМ, 167. Федоровское, XIX в.; 19 — надп. 50. ГИМ, 168. Федоровское, XIX в.; 20 — надп. 48. ГИМ, 11. Слободка, 1902 г.; 21 — надп. 51. ГИМ, 191. Неустан. проих.; 22 — надп. 33. ГИМ, 15285. Неустан. проих.; 23 — надп. 35. ГИМ, 192. Неустан. проих.; 24 — надп. 20. ГЭ, 599. Кадыковка, 1902 г.; 25 — надп. 27. ГЭ, 600. Кадыковка, 1902 г.; 26 — надп. 55. ГЭ, 602. Кадыковка, 1902 г.; 27 — надп. 3. ГЭ, 587. Ташкирмень, 1882 г.; 28 — надп. 34. ГЭ, 588. Ташкирмень, 1882 г.; 29 — надп. 28. ГЭ, 586. Ташкирмень, 1882 г.; 30 — надп. 5. ГЭ, 580. Стародуб, 1873 г.

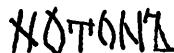
Начертания О, N, Н, С, М, близкие буквам надписи, имеются соответственно в грамотах 5; 11; 17; 19; 2, 14, 49, найденных в слоях второй половины XIV—XV вв. Клад в целом относится к XIV в.²⁶

На слитке имеется еще 3 надписи (см. №№ 11, 26, 62).

3) (ОНТОНО, табл. II, 27) на плоской стороне короткого слитка из

клада, найденного в дер. Ташкирмень, Лаишевского уезда, Казанской губ. в 1882 г.²⁷ ГЭ, № 587; Н., стр. 142, № 28. Надпись нанесена поверх имеющихся на слитке нарезок (см. ниже, стр. 84, № 144).

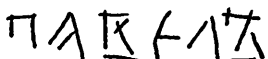
Замены Ъ на О и А на О, как в предыдущей надписи. Для точной датировки надписи данных нет, так как подобные начертания букв характерны для XII—XV вв. (см. грамоты 1, 2, 5—7, 10, 14, 23, 27, 34, 43, 49, 50, 56, 57, 59, 60, 64, 65 и др.).

4) (ОТОНЪ) на плоской стороне разломанного на три части короткого

слитка из клада, найденного в дер. Верхний Малый Калмаш, Бирского уезда, Уфимской губ. в 1892 г.²⁸ ГЭ, № 596; Н., стр. 141, № 9.

Две-три царапины, предшествующие надписи, если считать их за букву, читаются скорее как И, а не Н, как у В. М. Неклюдова, но слово, получающееся при обоих чтениях, оказывается явно бессмысленным. Царапины не принадлежат надписи и появились на слитке раньше ее, так как они мельче резцов, составляющих буквы, и соответствуют царапине под буквой Т. Слово, вероятно, является именем «Антонъ» с заменой начального А на О, как в двух предыдущих надписях, и случайно пропущенной буквой Н.

Для датировки надписи может служить только начертание буквы N с характерно вогнутыми вертикалями, встречающееся исключительно в грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв. (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 106) и приближающееся к скорописи. Остальные буквы надписи не имеют особых примет из-за крайней простоты своих «формул» и в данных начертаниях встречаются во многих и разновременных эпиграфических памятниках, в том числе и на берестах (см. грамоты, указанные к предыдущей надписи).

5) (ПАВЕЛЪ, табл. II, 30) на плоской стороне короткого слитка

из клада, найд. в г. Стародубе, Черниговской губ., на землях с. Остроглядова в 1873 г. ГЭ, № 580; Ч.²⁹ стр. 199; И., № 223; Н., стр. 141, № 3.

Надпись можно датировать второй половиной XIV в., так как аналогичные начертания букв встречаются в берестяных грамотах от середины XIV в. до рубежа XIV—XV вв. (1, 3, 23; 1, 5, 23, 36, 41, 42, 65; 4, 5; 25, 26, 34, 49; 5, 42; 42).

6) (ПИЛИПЪ) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), ГЭ, № 877; Н., стр. 141, № VI.

Имя Филипп в украинской форме.³⁰ Буква Ъ с петлей величиной во всю высоту мачты появляется во второй половине XIV в., когда во многих буквах округлые и ломаные линии все более поднимаются.³¹ По-видимому, этим временем и следует датировать надпись, хотя аналогии данному начертанию Ъ имеются в грамотах только XV в. (18, 19). Такая датировка

²⁶ В. М. Неклюдов. Ук. соч., стр. 139.

²⁷ А. А. Ильин. Ук. соч., № 44.

²⁸ А. И. Черепнин. Ук. соч., (в дальнейшем — Ч.).

²⁹ А. А. Ильин. Ук. соч., № 216.

³⁰ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 148. В берестяных грамотах данное имя всегда пишется с начальным Ф или Θ (2, 6, 147, 154).

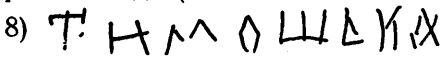
³¹ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 104; Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 138, 139; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 241.

надписи совпадает с датировкой клада (см. пояснения к надписи № 2). На слитке имеется еще одна надпись (№ 8).

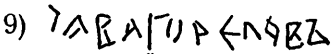
7) (СТЕФАНЪ, табл. III, 38) на плоской стороне

короткого слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 867; Н., стр. 140. Надпись нанесена поверх нарезок (см. ниже, стр. 84, № 165).

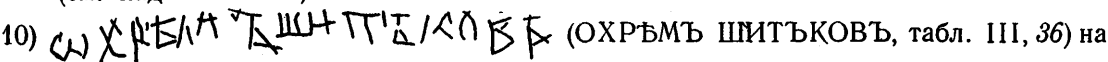
Начертания С, Т, Н, Ъ не являются приметами определенного времени и характерны для грамот XII—XV вв. (3, 5, 7, 8, 10, 11, 18, 34, 48—50, 68, 75 и др.). Начертание буквы Е (так наз. «якорное») появляется во второй половине XIV в.³² Аналогия в грамотах XIV—XV вв. (18, 34, 36, 50). Начертание Ф, близкое надписи, встречается в грамотах также XIV—XV вв. (2, 14, 23, 32). Буква А с незамкнутой петлей и резко выступающим навершием характерна для грамот XIV, рубежа XIV—XV вв. (1, 3, 4, 20). Совокупность палеографических признаков позволяет датировать надпись второй половиной XIV в., что не противоречит датировке клада (см. пояснения к № 2).

8) (ТИМОШЬКА, табл. IV, 43) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), ГЭ, № 887; Н., стр. 141, № XIII.

Для точной палеографической датировки данных нет, так как подобные начертания имеются в грамотах XI—XV вв. (1—3, 5, 7—9, 12, 17, 21, 27, 31, 32, 36, 42, 44—46, 49—53, 55, 62, 65, 68, 82). Однако начертания букв надписи не противоречат датировке клада и полуслитков данного вида XIV в. (см. пояснения к № 2).

9) (САВА ГОРЕЛОВЪ) на плоской стороне короткого слитка из клада, найденного в с. Архангельское, Тульского уезда, Тульской губ. в 1901 г. ГЭ, № 598; И., № 214; Н., стр. 141, № 11 (без конечного Ъ). Буква С обращена в обратную сторону. Надпись нанесена поверх нарезок (см. ниже, стр. 84, № 136); А с короткой горизонтальной чертой из вершины влево; В с незакрытой верхней петлей; О, незамкнутое в верхней части; Р с остроугольной петлей и короткой ножкой; Е, исполненное тремя, сходящимися в одной точке чертами, встречаются в грамотах рубежа XIII—XIV, XIV вв. (4; 4; 30; 49; 26; 39, 50, 51, 54, 55; 36). Остальные буквы датирующего значения не имеют, но не противоречат датировке надписи XIV в.

На слитке имеется еще несколько букв, часть которых, по-видимому, складывается в слово (см. надпись № 67).

10) (ОХРЪМЪ ШИТЪКОВЪ, табл. III, 36) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; неустановленного происхождения. ГИМ, № 128; Р.,³³ стр. 256; Н., стр. 142, № 36 (оба читают первую букву как М).

Написание имени Ефрѣмъ через ѡХ является характерной для древнерусского языка формой огласовки начального гласного. К качеству аналогии можно указать, например, надпись на кресте Евфросинии Полоцкой (1161 г.), где имя заказчицы высечено в форме ѡфросинья.³⁴

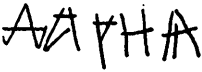
Р с закругленной верхней чертой петли и прямой выступающей нижней характерно для грамот XIV—рубежа XIV—XV вв. (2, 3, 30, 32, 40). Написание М с одним остроугольным, исполненным в два приема, плечом и другим — широким и прямоугольным в три приема — встречается в грамотах XIV—XV вв. (1, 4, 41). В грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв. имеются аналоги: Ъ (49); К, исполненное в три приема (2, 41, 50); О с перекрещенными в верхней части полукружиями (5, 42, 50). Данные начертания остальных букв датирующего

³² В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 105; Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 140; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 242.

³³ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 256.

³⁴ А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 28, № 18.

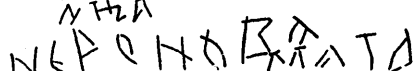
значения не имеют, но не мешают датировке надписи второй половиной XIV в., что совпадает с датировкой полуслитка.

11) (ДАРИЯ) на боковой стороне того же полуслитка из Нижне-Солотинского клада, на котором находится надпись № 2.

Точная датировка надписи невозможна, так как начертания ее букв не имеют хронологического значения: фигурное Д с двумя треугольными ножками, очень удобное и для написания, и для процарапывания, встречается в грамотах XI—XV вв. (25, 26, 28, 43, 44, 47, 50, 65, 68, 78), остальные буквы также имеют начертания, характерные для почерков XII—XV вв.

12) (НАСТАСЬЯ, табл. IV, 48) на плоской стороне клейменого полуслитка; неустановленного происхождения. КПОИГЭ, № 583/427, опись 3, № 2.

Аналогии начертаниям букв надписи имеются в грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв.: А с остроугольной и незакрытой петлей (25); «трехгранному» С (28, 42, 49); Т, исполненному простейшим образом, в два приема (26, 28); А с остроугольной перекалиной и вогнутой правой мачтой (15, 34, 42). Начертания Н и Ъ хронологического значения не имеют, но не мешают датировать надпись второй половиной XIV — началом XV в. Судя по наличию продольного шва и трех клейм (два подобны № 3 по классификации Н. П. Бауера, ³⁵ третье — крылатое четвероногое вправо в треугольнике, над и под животным по три точки, сзади — одна), этим же временем датируется и полуслиток.

13) (НЕРОНОВА МАТЬ, табл. III, 39) на плоской стороне полуслитка из Нижне-Солотинского клада (см. надпись № 2). ГЭ, № 880; Н., стр. 141, № VIII (прочел лишь «неронов»). Буква Ъ написана в обратную сторону.

Начертания, близкие буквам надписи, имеются в грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв.: Н с вогнутыми или выгнутыми вертикалями (1, 2, 21, 23, 27, 30—32, 34—40, 41, 44 и др.), якорное Е в два приема, с перекалиной, направленной вниз (10, 15, 32, 36, 37); Р с петлей в два приема; несомкнутое О с левым полукружием большим правого (2, 11, 23); В с сообщающимися остроугольной верхней и закругленной нижней петлями (2, 17, 30, 34), остроугольное А (2, 10, 19, 23, 32, 36, 37.); М с выгнутыми вертикалями (2, 26); Т в два приема, как в предыдущей надписи (26, 28). Буква Ъ датирующего значения не имеет, но аналогия обратному Ъ надписи имеется лишь в грамоте XII в. (8). Датировка надписи XIV—рубежом XIV—XV вв. не противоречит датировке клада (см. пояснения к надписи № 2).

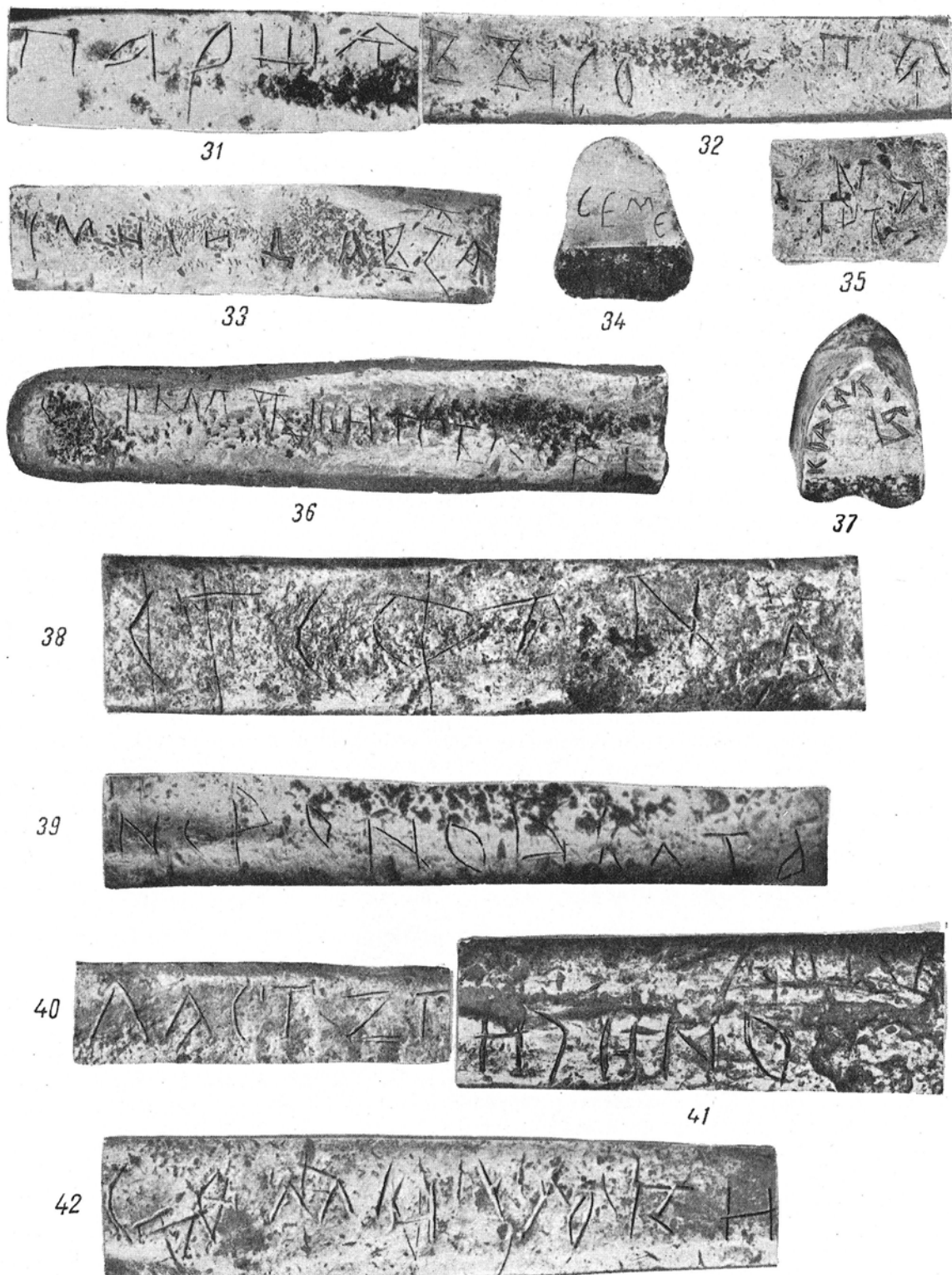
14) (ВОЛКОНА) на плоской стороне короткого слитка из клада, найденного в д. Кадыковка, Наровчатского уезда Пензенской губ., в 1902 г. ГЭ, № 609; И., № 163 (с П вместо Л и без последней буквы); Н, стр. 141, № 15.

Начертания Л, К, Н, А с горизонтальными наверхими, как в данной надписи, особенно характерны для грамот XIII в. (56; 52, 61; 55, 58, 61, 62, 72; 55, 59), но изредка встречаются и в XIV в. (см. грамоты 3, 5, 25, 50); В с остроугольным верхним кузовом и почти прямоугольным нижним также дважды прослежено в грамотах XIV в. (30, 34). Этим временем, вероятно, и следует датировать надпись. На двух слитках клада имеется джучидское клеймо, относящееся, по мнению Н. П. Лихачева, к середине XIV в. ³⁶

15) (ВЫСОТА, табл. III, 32) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; неустановленного происхождения. ГИМ, № 131; Р., стр. 256; Н., стр. 142, № 34.

³⁵ Н. Вауег. Ук. соч., стр. 82/66.

³⁶ Н. Вауег. Ук. соч., стр. 69/53, № 131.

Надписи на новгородских слитках

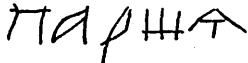
31 — надп. 17. ГЭ, 631. Неустан. проих.; 32 — надп. 15. ГИМ, 131. Неустан. проих.; 33 — надп. 57. ГИМ, 129. Неустан. проих.; 34 — надп. 76. ГИМ, 127. Неустан. проих.; 35 — надп. 70. ГИМ, 15257. Неустан. проих.; 36 — надп. 10. ГИМ, 128. Неустан. проих.; 37 — надп. 36. ГИМ, 126. Неустан. проих.; 38 — надп. 7. ГЭ, 867. Нижнее Сологино, 1933 г.; 39 — надп. 13, 64. ГЭ, 880. Нижнее Сологино, 1933 г.; 40 — надп. 23. ГЭ, 872. Нижнее Сологино, 1933 г.; 41 — надп. 2. ГЭ, 883. Нижнее Сологино 1933 г.; 42 — надп. 77. ГЭ, 875. Нижнее Сологино 1933 г.

А с широким плоским верхом и незамкнутой петлей встречается в берестяных грамотах только от середины XIV до начала XV в. (3, 20, 22). Остальные буквы надписи несмотря на характерность их начертаний (например, Ы, исполненное через Ъ, а не через Б и с соединительной горизонталью от петли к мачте, С в четыре приема, как в вязи) датирующего значения не имеют, так как встречаются в грамотах XII—XV вв. (3, 30, 45, 68, 72; 5, 20, 42, 55, 59, 67, 82).

16) (КОНИЩЕ) на плоской стороне полуслитка с

продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 870; Н., стр. 141, № II.

К в три приема, с не соединенными между собой элементами, Н с выгнутыми вертикалями и якорное Е встречаются в грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв. (32, 49; 25, 27, 30—32, 44; 18, 34, 36, 50) и позволяют датировать надпись указанным временем; Щ с горизонтальным хвостом не имеет аналогий в грамотах, но появляется в русской скорописи XV в.; ³⁷ О и Н в данных начертаниях встречаются в грамотах XII—XV вв. и датирующего значения не имеют. Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

17) (ПАРШЯ, табл. III, 31) на плоской стороне короткого слитка

неустановленного происхождения. ГЭ, № 631; Н., стр. 141, № 18.

Слово, вероятно, означает прозвище, возникшее от древнерусского названия шелудивого. ³⁸ Аналогии: П со слегка вогнутыми вертикалями и выступающей влево горизонталью, А с остроугольной петлей, Р с закругленной вправо мачтой и петлей, исполненной в один прием, — встречаются в грамотах, найденных в слоях рубежа XIII—XIV и XV вв. (1, 3, 23; 3, 5, 30, 34, 42). Начертания Щ и А не мешают датировке надписи XIV веком, так как существуют в данной форме в течение XII—XVI вв.

18) (ЧИНА, табл. IV, 45) на обрубе полуслитка с продольным швом; из

Нижне-Солотинского клада (см. надпись № 2). ГЭ, № 874.

Ч и Н датирующего значения не имеют, так как в данных начертаниях встречаются в грамотах XI—XV вв. Н с выгнутыми вертикалями и А с незамкнутой петлей, образованной двумя почти параллельными линиями, указывают на XIV в. (см. грамоты 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44; 1, 2, 36, 42, 92, 94, 98, 125, 136, 162), что не противоречит датировке клада (см. пояснения к надписи № 2). На слитке имеется еще одна надпись (№ 24).

19) (арабск. Муса; табл. II, 12) на плоской стороне слитка неустановленного происхождения. ГИМ, № 197. Надпись нанесена поверх нарезок. Прочтена С. А. Яниной.

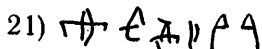
Имена и прозвища в родительном падеже (5)

20) (СЕМЕНА, табл. II, 24) на спинке короткого слитка из Кадыковского клада (см. № 14). ГЭ, № 599; И., № 163; Н., стр. 141, № 12.

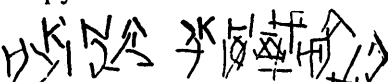
Е, исполненное в два приема, — в виде почти прямой черты с коротким язычком — встречается в грамотах исключительно XIV в. (5, 30, 32, 34, 36, 47, 94, 97). Н с косой, но уже спущенной переключкой также прослеживается только в грамотах XIV в. (26, 98). Данные начертания остальных букв надписи, присущие грамотам XII—XV вв. (14, 26, 32, 42, 44, 51, 55, 57, 65, 69, 98, 135, 136, 154), не мешают датировке надписи XIV в., что совпадает с датировкой слитков клада (см. пояснения к № 14).

³⁷ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 250, 366.

³⁸ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

21) (ФЕДОРА) на плоской стороне длинного слитка из клада, найденного в Рязани в 1828 г. ³⁹ ГИМ, № 172. Надпись может передавать и женское имя в именительном падеже.

Точная датировка невозможна, так как данные начертания букв встречаются в грамотах XI—XVI вв. (12, 14, 18, 19, 21, 27, 30, 53, 56, 58, 69, 98, 109 и др.). Однако Д с удлинёнными сторонами треугольника, как только в грамоте XIV в. (26), но с завершённым, характерным для начертаний XIII в. (см. грамоты 52, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 72, 141) указывает, возможно, на рубеж XIII—XIV вв.

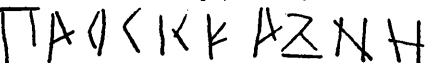
22) (КНЯЖИЩА) на плоской стороне полуслитка с

продольным швом из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 884; Н, стр. 141, № XI.

Начертания, близкие буквам надписи, прослеживаются в грамотах рубежа XIV—XV и XV вв.: К в три приема, с тесно примыкающими друг к другу деталями (1, 40, 48); скорописный Ѓ в три приема, без перекладки (4, 18); Ж в пять приемов (1, 25, 49); Щ с длинным хвостом (2, 169); А с острой петлей и длинной ножкой (2, 15, 154, 169). Этим временем, по видимому, и следует датировать надпись. Под приведенной надписью имеется еще две надписи (№№ 53, 73). Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к № 2).

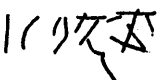
23) (ЛАСТЫ, табл. III, 40) из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 872; Н., стр. 141, № IV (считает вторую букву надписи Ѓ).

Датирующее значение имеют лишь А с незамкнутой петлей, образованной двумя почти параллельными линиями, и «трехгранное» С, которые прослеживаются в грамотах XIV—XV вв. (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 36, 42, 44, 50, 92, 94, 98, 125, 136, 169; 10, 12, 14—17, 28, 32, 36, 42, 49, 50 и др.). Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

24) (ПРОСКУРЪНИ, табл. IV, 44) на боковой стороне того же полуслитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором находится надпись № 18. ГЭ, № 874; Н., стр. 141, № XVI (читает как СК ЛЬ И).

Прокурня или просвирня, просвирница — женщина, занимающаяся выпечкой просвир (просфор, проскур).⁴⁰ Для датировки надписи могут служить начертания лишь первых пяти букв: П с чуть-чуть опущенной перекладной; Р с пересекающимися прямыми, образующими петлю буквы; узкое О, правое полукружие которого больше и закругленнее левого; остроугольное С с короткой поперечной чертой только на верхнем конце буквы и К с пересекающимися наклонными, не соединенными с мачтой. Аналогии находятся в грамотах XIV—XV вв. (22, 43, 134; 2, 3, 5, 14—17, 19, 21, 24, 25, 30, 36, 39, 40, 154, 162; 19, 32, 167, 169; 27, 31, 50, 106; 3, 21, 97, 167). Данная датировка не противоречит ни датировке надписи № 18, ни датировке полуслитка и клада (см. пояснения к надписи № 2).

Имена и прозвища в дательном падеже (3)

25) (КОЗЪ, табл. II, 14) на плоской стороне длинного слитка неустанов-

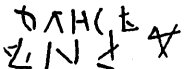
ленного происхождения. ГИМ, № 193.

Данные начертания трех первых букв надписи прослеживаются в грамотах от рубежа XIII—XIV вв. до рубежа XIV—XV вв. Скорописное К, исполненное в два приема с несоединенными деталями (см. грамоты 2, 16, 39, 41, 48—50, 53); О с правым полукружием

³⁹ А. А. Ильин. Ук. соч., № 183.

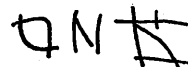
⁴⁰ В. Даль. Ук. соч., т. III, стр. 508; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1902, стлб. 1570 (проскурник).

длиннее левого (см. грамоты 27, 30, 42, 167 и др.); 3 с длинным хвостом вправо (см. грамоты 4, 25, 53) позволяют, по-видимому, датировать надпись XIII—XIV в. Начертание Ъ, близкое помещенному в надписи, встречается в грамоте XIV в. (92).

26) (ОЛИСЬ) на плоской стороне того же полуслитка из Нижне-Соло-

тинского клада, на котором нанесены надписи №№ 2, 11. ГЭ, № 883; Н., стр. 141, № X (видит после Ъ еще букву Л).

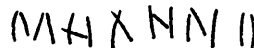
Для датировки надписи мало данных. Буква О с полукружиями, перекрещивающимися в верхней части и остроугольное Л с навершием имеются в грамотах XIV—XV вв. (5, 153; 1, 4, 22, 40).

27) (ОНЬ, табл. II, 25) на плоской стороне короткого слитка из Кады-

ковского клада (см. № 14). ГЭ, № 600.

Надпись, возможно, содержит сокращенную форму какого-то имени. Аналогии всем буквам надписи имеются в грамотах XIV в. и рубежа XIV—XV вв.: О с полукружиями, пересекающимися внизу (2, 27, 42); Н с выгнутыми мачтами (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 92, 94, 106, 136, 154, 162); Ъ с высокой петлей (98), что не противоречит датировке слитка (см. пояснения к надписи № 14).

Притяжательные прилагательные мужского и женского рода (29)

28) (МИЛИНО, табл. II, 29) на плоской стороне короткого слитка

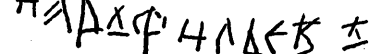
из Ташкирменского клада (см. № 3). ГЭ, № 586; И., № 44; Н., стр. 142, № 33.

Конечное О — результат обычной для древнерусского языка замены Ъ на О (см. №№ 2, 3). Л с перекрещивающимися стволами датирующего значения не имеет, так как встречается в грамотах XIII—XV вв. (3, 15, 19, 21, 138). Начертания остальных букв характерны для грамот XIV—XV вв. (11, 42; 11, 19, 20; 3, 22, 27, 42). Слитки клада датируются тем же временем (см. пояснения к надписи № 3).

29) (МОКЕЕВЪ) на плоской стороне полуслитка неустановленного

происхождения. Надпись нанесена поверх нарезок. См. стр. 85, № 198, ГЭ, № 769.

М с острой петлей, образованной пересекающимися наклонными (см. грамоты 2, 11, 21, 26, 31, 32, 42, 53); О с правым полукружием длиннее левого (см. грамоты 1, 20, 27, 33, 42, 167) и якорное Е (см. грамоты 17, 34, 36, 50, 136, 167) встречаются в XIV—XV вв. Остальные начертания датирующего значения не имеют.

30) (ПАРЬФИЛЬЕВЪ) на плоской стороне короткого

слитка из Архангельского клада 1901 г. (см. № 9). Надпись нанесена поверх нарезок (см. ниже, стр. 85, № 191). ГЭ, № 597; И., № 214; Н., стр. 141, № 10.

Начертания: П с выступающей влево горизонталью (см. грамоты 1, 3, 23); А с острой длинной петлей (см. грамоты 2, 46); остроугольное Р (см. грамоты 26, 39, 50, 51, 54, 55) и Е, исполненное тремя сходящимися в одной точке чертами (грамота 36), характерны для рубежа XIII—XIV вв. и XIV в. Остальные буквы датирующего значения не имеют. Слитки клада датируются XIV в. (см. пояснения к надписи № 9).

Сходство А, Р, Е, В данной надписи с соответствующими буквами в надписи № 9 может указывать на исполнение обеих надписей одним лицом.

31) (СТЕПАНОВЪ) на плоской стороне короткого слитка из Кады-

ковского клада (см. № 14). ГЭ, № 608; И., № 163; Н., стр. 141, № 14 (без трех последних букв).

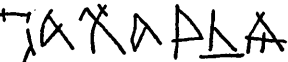
Признаками XIV в. являются: выдвинутая вправо горизонталь у П (см. грамоты 5, 136, 167); острая, но незамкнутая петля у А (см. грамоты 2, 36, 46); набухшие петли у В (см. грамоты 2, 3, 5, 44). Остальные буквы, в том числе и данные начертания Т и Е, датирующего значения не имеют. Слитки клада датируются XIV в. (см. пояснения к надписи № 14).

32) (ЮРЕНИНЪ) на боковой стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Сологинского клада (см. № 2). ГЭ, № 889; Н., стр. 141, № XIV.

Начертание Р с острой петлей и короткой ножкой встречается в грамотах от конца XIII до начала XV вв. (26, 28, 31, 32, 40, 50, 54, 65, 92, 97, 134, 162). Н с выгнутыми вертикалями характерно для грамот XIV—рубежа XIV—XV вв. (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 92, 94, 136, 154, 162). Остальные буквы надписи датирующего значения не имеют. Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2). На плоской стороне полуслитка имеется еще одна надпись (№ 66).

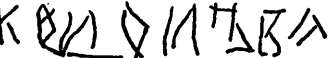
33) (ДЕМИДОВА, табл. II, 22) на плоской стороне короткого слитка неустановленного происхождения. ГИМ, № 15285.

В грамотах только XIV в. имеются аналогии Е, исполненному в два приема (5, 30, 32, 34, 36, 47, 94, 97) и М с выгнутыми мачтами и незамкнутой петлей (32, 144). Буквы О с перекрещивающимися полукружиями (5, 27) и В, приближающееся к так называемому ступенчатому виду (4, 11, 14, 15, 19, 37, 41, 42, 49, 92, 94, 125, 135, 154, 167, 169) встречаются в грамотах XIV—XV вв. Начертания Н с диагональной перекладиной и фигурного Д не могут уточнить датировки надписи, так как свойственны грамотам XI—XV вв.

34) (ЗАХАРЬЯ, табл. II, 28) на плоской стороне короткого

слитка из Ташкирменского клада (см. № 3). ГЭ, № 588; Н., стр. 142, № 29. Надпись может быть истолкована и как мужское имя в именительном падеже.

Аналогии начертаниям букв прослеживаются в грамотах от рубежа XIII—XIV вв. до рубежа XIV—XV вв.: З (4, 43, 46, 53), А (27, 92), Х (50), (48, 94, 134, 136). Архаично для надписи начертание Ь с высоким треугольником вместо петли, встречающееся в грамотах XIII в. (50, 69, 71). Слитки клада датируются XIV в. (см. пояснения к надписи № 14).

35) (КОНОНЪВА, табл. II, 23) на боковой стороне короткого

слитка неустановленного происхождения. ГИМ, № 192.

В третьем слоге — характерная для древнерусского языка замена О на Ъ. Начертания: О с перекрещивающимися внизу полукружиями (см. грамоты 2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 92, 94, 106, 136, 154, 162); В с набухшими петлями (см. грамоты 10, 30, 44, 65) и А с открытой петлей, составленной из двух почти параллельных линий (см. грамоты 1, 2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 36, 42, 44, 50, 92, 94, 98, 125, 136, 168), прослеживаются в XIV—XV вв.

36) (КОЯЗЬКОВА, табл. III, 37) на обрубе полуслитка с продольным

швом, неустановленного происхождения. ГИМ, № 126; Р., стр. 256, прочел «князь якова человек», увидев, очевидно, в непонятном знаке, примыкающем к последней букве, лигатуру букв Ч и К; Н., стр. 142, № 37 (приводит то же чтение).

Третья буква надписи (с лишней вертикалью — из вершины на перекладину) помещена сюда автором надписи, вероятно, ошибочно. Надпись, по-видимому, можно понимать как слово «Козакова», ⁴¹ написанное с заменой во втором слоге А на .

⁴¹ Понятие «козак», «казак» известно по документам с XIV в. (см. И. И. Срезневский, ук. соч., т. I, СПб., 1893, слоб. 1173, 1174).

Оба начертания буквы К и буква А с узкой острой петлей слева встречаются в грамотах XIV—XV вв. (2, 10, 15, 17, 18, 25, 49, 50, 98; 27, 92; 2, 10, 44, 46, 92, 135). Начертания: О с горизонтальным навершием и В с верхней петлей меньше и остроугольнее нижней, прослеживающиеся только в грамотах XI—XIII вв. (61, 68, 72; 69, 79, 82, 105, 109, 119, 138), являются, без сомнения, архаичными для надписи, поскольку слиток, судя по наличию продольного шва, датируется XIV—началом XV в. Начертания остальных букв, имеющие аналогии в грамотах XI—XV вв., не противоречат датировке надписи рубежом XIV—XV вв. На боковой стороне полуслитка имеется еще одна надпись (см. № 69).

37) (МАРЪКОВА) на плоской стороне слитка с продоль-

ным швом, неустановленного происхождения. ГЭ, № 632; Н., стр. 141, № 19.

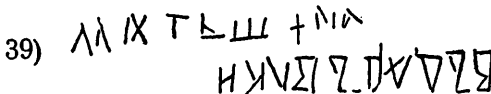
Датирующее значение имеет только А с горизонтальным навершием и открытой петлей, образованной двумя параллельными линиями, встречающееся в грамотах XIV в. (3, 4, 20, 22). Аналогии начертаниям других букв надписи прослеживаются в грамотах XI—XV вв. (М), XII—XV вв. (В, О), XIII—XV вв. (Р, К).

38) (ВЛМАРЪКВА) на плоской стороне полуслитка неустанов-

ленного происхождения. ГЭ, № 768.

Возможно, две первые буквы надписи передают в сокращенном виде какое-то слово, производное от глагола «владеть», или имя. Остальные буквы составляют то же слово, что и предыдущая надпись, но с двумя ошибками: Ъ вместо Ђ и пропуск О или Ђ после К.

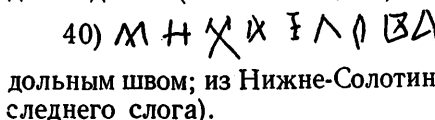
А с длинной ножкой и Р с ножкой, загибающейся влево, встречаются в грамотах XIV—XV вв. (1, 15, 16, 19; 39, 40, 162). Начертания остальных букв не противоречат подобной датировке надписи, так как характерны для грамот XII—XV вв.

39) (МАТЬШИНА) на плоской стороне полуслитка

с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 871; Н., стр. 141, № III (без третьей от конца буквы).

Для точной датировки надписи мало данных. Аналогии начертаниям Т, Б, і изредка встречаются в грамотах рубежа XIV—XV вв. (1, 2, 40; 2; 22). Начертания остальных букв надписи имеются в грамотах XII—XV вв.

Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2). На нем же имеются еще две надписи (см. №№ 61, 78).

40) (МИХАЙЛОВА) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 882; Н., стр. 141, № IX (без последнего слога).

В грамотах XIV—XV вв. имеются аналогии букве В, приближающейся к ступенчатому виду (4, 11, 14, 15, 19, 37, 41, 42, 49, 92, 94, 125, 135, 154, 167, 169). В грамотах XIV в. встречаются Х и і, близкие данным (50; 3, 44). Начертания остальных букв надписи, характерные для грамот XI—XV вв., не противоречат ее датировке XIV—XV вв. Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2). Имеется еще две надписи (№№ 56, 71).

41) (ОНИСЬКОВА) на плоской стороне полуслитка с

продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 869; Н., стр. 141, № I (видит в последней букве О).

Н с выгнутыми ножками (см. грамоты 2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 106), В с верхней петлей больше нижней (см. грамоты 4, 11, 19, 49), А с открытой и в верхней части плоской петлей (см. грамоты 1, 17) характерны для XIV—рубежа XIV—XV вв. Данной датировке

надписи не противоречат и начертания остальных букв, имеющие аналогии в грамотах XI—XV вв. Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

42) П Т Р В А (ПЕТРОВА) на боковой стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 555; Н., стр. 136 (№ 444), 142, № 26.

43) П Т Р В А на боковой стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 556; Н., стр. 136 (445), 142, № 26.

44) П Т Р В А на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 557; Н., стр. 136 (№ 446), 142, № 26. Надпись под титлом.

45) П Т Р В А (табл. II, 16) на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 559.

46) П Т Р В А на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 560; Н., стр. 136 (№ 449), 142, № 26.

47) П Т Р В А (табл. II, 17) на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения, КПОНГЭ № 583/427, опись 3, № 4.

48) П Т Р В А (табл. II, 20) на боковой стороне длинного слитка из клада, найденного в д. Слободка, Минского уезда, Минской губ. в 1902 г. ⁴² ГИМ, № 11.

49) П Т Р В А (табл. II, 18) на боковой стороне длинного слитка из клада, найденного в с. Федоровское, Владимирской губ. в XIX в. ⁴³ ГИМ, № 167.

50) П Т Р В А (табл. II, 19) на боковой стороне длинного слитка из того же клада (см. № 49). ГИМ, № 168.

Надписи № 49, 50 нанесены на слитки, отлитые в одной форме. ⁴⁴

51) П Т Р В А (табл. II, 21) на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГИМ. № 191.

Еще один слиток с такой же надписью (см. № 102 в настоящем перечне) был в собрании Э. К. Гуттен-Чапского и считался происходящим из известного рязанского клада 1828 г. ⁴⁵ Впоследствии часть собрания Гуттен-Чапского попала в Эрмитаж, но его слиток не входит в число шести вышеназванных, так как все предметы собрания Гуттен-Чапского отмечались хорошо известным нумизматам клеймом, которого нет ни на одном из слитков Эрмитажа. ⁴⁶

Слово ПТРВА является сокращенной формой притяжательного прилагательного ПЕТРОВА, что подтверждается наличием титла над одной из надписей (№ 44).

Слитки с надписью ПТРВА составляют одну группу не только из-за одинаковой надписи, хотя совпадение надписей на 11 слитках, да к тому же еще происходящих из разных кладов,

⁴² А. А. Ильин. Ук. соч., № 145; Н. Вацег. Ук. соч., стр. 65/49, № 119, А.

⁴³ Н. Вацег. Ук. соч., стр. 64/48, № 115. Однако отождествить надписанные слитки со слитками, перечисленными Н. П. Бауером, невозможно, так как сведения о весе и длине последних, сообщаемые им, не совпадают с весом и длиной надписанных слитков. Н. П. Бауер, по-видимому, ошибся при пересчете веса и длины слитков по метрической системе.

⁴⁴ М. Сотникова. Петровы гривны. СГЭ, X, Л., 1956, стр. 51.

⁴⁵ Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875, стр. 1, № 3, предисловие, стр. IV.

⁴⁶ Возможно, этот слиток вместе с большей частью собрания Гуттен-Чапского попал в коллекцию в. кн. Георгия Михайловича, до нас не дошедшую.

интересно уже тем, что это пока единственный подобный случай. Рассматриваемые слитки крайне схожи между собой по весу, длине и форме, а два их них, как отмечено выше, даже отлиты в одной форме. На всех 10 слитках надписи исполнены явно одним почерком. Незначительные отличия представляет только одна (№ 44), имеющая титло над несколько более крупными, чем у остальных, буквами.

Начертания: А в три приема, с остроугольной и иногда незакрытой петлей, В с более или менее ровными петлями, Р, исполненного в три приема, — наиболее характерны для берестяных грамот XIII—XIV вв. (44, 52, 53, 55—57, 62, 65, 68, 70 и др.). Буквы П и Т ввиду простоты их написания имеют признаки, общие для XII—XV вв., и потому не противоречат датировке надписи XIII в. или рубежом XIII—XIV вв.

52) (РОДИВОНОВА, табл. IV, 47) на плоской стороне

полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 878; Н., стр. 141, № VII.

Р с квадратной петлей и А с острой длинной петлей и длинной ножкой характерны для грамот XIV—XV вв. (1, 23, 43, 48, 49, 58, 59; 2, 10, 15, 44, 48, 92, 135). Полная аналогия данному виду Д имеется в грамоте XV в. (40). Начертания других букв надписи не мешают ее датировке XIV—XV вв., так как встречаются в грамотах XI—XV вв. Слиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

53) (СТРЪЛЕЧСКА) под надписью № 22 и навстречу ей.

Н., стр. 141, № XI (видел в надписи СТОЪЛ...СКО.)

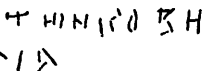
Надпись представляет собой краткое прилагательное принадлежности от слова «стрелец». ⁴⁷ Краткая форма относительных прилагательных принадлежности на — БСКЪ, родственных по значению принадлежности, как в данной надписи, употреблялась в древнерусском языке наряду с полной формой. ⁴⁸

Для точной датировки надписи мало данных. Аналогии начертаниям почти всех букв надписи прослеживаются в грамотах XI—XVI вв.

54) (ОСИПЪЧА) на боковой стороне полуслитка из Нижне-Соло-

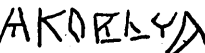
тинского клада (см. № 2). ГЭ, № 886; Н., стр. 141, № XII.

П с несколько опущенной перекладной и А с незамкнутой петлей, составленной из почти параллельных линий, встречаются в грамотах XIV—рубежа XIV—XV вв. (22, 43, 134; 36, 42, 92, 94, 98, 125, 136, 162). Остальные буквы датирующего значения не имеют. Полуслиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2). Имеется еще одна надпись (№ 80.)

55) (ТЮНКОВИЧА, табл. II, 26) на плоской стороне короткого слитка

из Кадыковского клада см. № 14). ГЭ, № 602; И., № 163; Н., стр. 141, № 13 (оба прочли «ТЮНКОВ»).

Начертания Т, К, В, О, А присущи грамотам XIII—XV вв. (1, 5, 6, 17, 20, 45, 46, 50, 61, 169 и др.) и не позволяют датировать надпись точнее. Слитки клада датируются XIV в. (см. пояснения к надписи № 14).

56) (ЯКОВЪЧА, табл. IV, 46) на боковой стороне того же полуслитка,

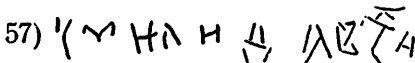
из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором имеется надпись № 40. Н., стр. 141, № IX (без двух последних букв).

⁴⁷ Слово «стрелец» в значении стрелка известно с XI в. (И. И. Срезневский. Ук. соч., т. III, СПб., 1912, стлб. 570).

⁴⁸ Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 214.

Буква А с острой длинной петлей встречается в грамотах XIV—XV вв. (2, 10, 44, 46, 92, 135). Данные начертания остальных букв надписи не могут служить уточнению ее датировки, так как имеют аналогии в грамотах XII—XV вв.

Надписи №№ 54—56 являются краткими притяжательными прилагательными на Ъ (А). Употребление такой формы прилагательных в древнерусском языке сохранилось до XVII в. и засвидетельствовано многими примерами.⁴⁹

57) (У МИЛИДА ВЗЯЛ, табл. III, 33) на плоской стороне полуслитка с продольным швом, неустановленного происхождения. ГИМ, № 129; Р., стр. 256 (прочел «Смирида взатка»). Н., стр. 142, № 35 (приводит то же чтение). Последняя буква надписи — выносная под титлом.

В грамотах XIV—XV вв. встречаются аналогии: скорописному У, исполненному в два приема (1, 22, 31, 42, 66, 125); М с острой низкой петлей (4, 49); А с острой, но открытой петлей (2, 25, 36, 46); В почти ступенчатого вида (4, 11, 14, 15, 19, 37, 41, 42, 49, 92, 94, 125, 135, 154, 167, 169); скорописному Д в три приема, без перекладины (4, 18). Начертания остальных букв надписи не противоречат подобной ее датировке.

Неполные и неясные надписи (25)

58) (АЙВОД) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из

Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 881.

Для датировки данных нет, за исключением первого начертания буквы А, имеющего аналогию в грамоте XV в. (1). Слиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

59) (АНДЪКО) на плоской стороне клейменого полуслитка из клада, най-

денного в д. Семилуки, Воронежской губ.⁵⁰ ГЭ, № 856; Н., стр. 141, № 7 (ошибочно указывается, что на слитке имеется надпись «Владимир»).⁵¹ Надпись расположена правее отруба, следовательно, может быть второй, конечной половиной какой-то целой надписи, начальная часть которой после разруба слитка оказалась на не дошедшей до нас половине.

Аналогии А с открытой, составленной из параллельных линий петлей и скорописному Д прослеживаются в грамотах XIV—XV вв. (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 36, 42, 44, 50, 92, 94, 98, 125, 136, 169, 30). Начертания других букв датирующего значения не имеют. Судя по наличию продольного шва и клейм (№№ 2, 16 по классификации Н. П. Бауера,⁵²) слиток датируется концом XIV — первой половиной XV в.

60) (Г?М) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 879; Н., стр. 141, № XVII (видел в надписи СУ...М). Вторая буква надписи может быть недописанным В, К или повернутым в обратную сторону У.

Для датировки надписи данных нет. Слиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

61) На плоской стороне того же слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором имеется надпись № 39, навстречу последней прослеживается несколько букв, из

⁴⁹ П. Я. Черны х. Историческая грамматика русского языка, М., 1952, стр. 179.

⁵⁰ А. А. Ильи н. Ук. соч., № 25.

⁵¹ Такой надписи на слитке нет, но есть клеймо «ПЕЧЬ КНА ВОЛОД», а В. М. Неклюдов исходил, очевидно, из формулировки А. А. Ильина («слиток с именем Владимира»).

⁵² Н. В ац е г. Ук. соч., стр. 81/65, 82/66.

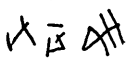
которых, возможно, составляется фраза (ВЪДАРЪВНУКИ)

с лигатурой букв У и К.

Для точной датировки надписи мало данных. Аналогии в грамотах XI—XV в.

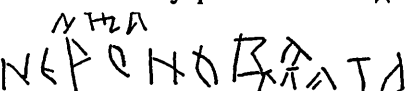
62) (ДРНЪ) на плоской стороне того же полуслитка из Нижне-Солотинского клада, на котором находятся надписи №№ 2, 11, 26, навстречу последней. Н., стр. 141, № X (прочел «ОНОХН»). Наиболее вероятной разгадкой надписи представляется понимание ее как сокращения притяжательного прилагательного мужского рода единственного числа от имени Дарья.

Для точной датировки надписи нет данных. Аналогии в грамотах XI—XV вв. (5, 8—10, 27, 34, 53, 57, 59 и др.).

63) (ИВАН) на плоской стороне клейменого полуслитка из клада, найденного в Серпухове в 1819 г. ГЭ, № 799.

Первая буква под клеймом № 34 по классификации Н. П. Бауера.⁵³ Слово читается как «ИваN», если за букву принять две длинные царапины, правее надписи, косо пересеченные третьей.

Начертания В и А, близкие данным, встречаются в грамотах XIII—XV вв. (1, 2, 19, 46, 57, 61 и др.). Судя по наличию продольного шва и клейм (№№ 11, 13, 25, 34), по классификации Н. П. Бауера⁵⁴ слиток датируется концом XIV — первой половиной XV в.

64) (ИНА) над надписью № 13.

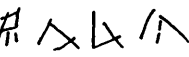
Для расшифровки и палеографии данных нет.

65) (КАМХ) на коротком слитке из Архангельского клада

1901 г. (см. № 9). ГИМ, № 79.

Последний знак надписи — крест с длинными верхними концами и короткими нижними — естественнее всего принять за букву Х. Надпись, вероятно, не закончена.

Для палеографии данных нет. Слитки клада датируются XIV в. (см. пояснения к надписи № 9).

66) (АЛАЯ) на плоской стороне того же полуслитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором нанесена надпись № 32. Н., стр. 141, № XIV. Так как буквы расположены правее линии разруба слитка, можно думать, что они составляют конец слова, начальная часть которого осталась на другом полуслитке, не известном нам. Целая надпись могла читаться как НИКОЛАА, ЕРМОЛАА или т. п.

Аналогии данному начертанию А и скорописному А без горизонталей имеются в грамотах XIV—XV вв. (1, 19; 4, 18).

67) (ЛЬМИКИТ) на плоской стороне того же короткого слитка из Ар-

хангельского клада 1901 г., на котором имеется надпись № 9. Н., стр. 142, № 30 (видел в надписи «В ГЛЪ МНТКН»). Возможно, надпись передает имя Никита с заменой N на M, с выносным T и без конечной гласной.

⁵³ Н. Бауер. Ук. соч., стр. 82/66.

⁵⁴ Н. Бауер. Ук. соч., стр. 82/66, 83/67.

Для датировки надписи данных нет.

68) (МРКН) на обрубке клейменого полуслитка из клада, найденного в д. Качья Слобода, Крапивинского уезда, Тульской губ. в 1884 г. ГЭ, № 854.⁵⁵ Если первая буква надписи — М, слово можно понять как сокращение притяжательного прилагательного от имени Марк: МАРЬКОВЪ.

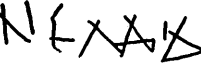
Скорописное К и N с длинными ножками не противоречат датировке слитка по продольному шву и клеймам (№ 18, 19 по классификации Н. П. Бауера)⁵⁶ концом XIV — первой половиной XV в.

69) (НА) на боковой стороне того же слитка неустановленного происхождения, на котором имеется надпись № 36.

А с открытой петлей, образованной двумя параллельными чертами и горизонтальным навершием, указывает на XIV в. (см. грамоты 3, 4, 20, 22), что не противоречит и датировке надписи № 36, и датировке слитка.

70) (НАТЪ, табл. III, 35) на плоской стороне слитка с продольным швом, неустановленного происхождения. ГИМ, № 15287.

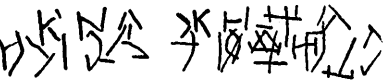
А с незамкнутой петлей и выступающим навершием и Т с низко опущенными крыльями встречаются в грамотах XIV—XV вв. (1, 3, 4, 20, 22; 11, 16, 19, 21, 24, 25, 40), что совпадает с датировкой слитка.

71) (НЕЛДЪ) на боковой стороне того же слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором имеются надписи № 40, 56.

Последняя буква надписи, вероятнее всего, Ъ. Поскольку линия разруба находится правее надписи, считать последнюю фрагментарной невозможно. Слово непонятно. Для палеографической датировки данных нет.

72) (НША) на спинке короткого слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 548.

N с выгнутыми ножками и А с плоским верхом характерны для грамот XIV — рубежа XIV—XV вв. (2, 23, 25, 27, 28, 30—32, 34, 44, 106; 3, 20, 22), что совпадает с датировкой слитка.

73) (ОДИ) под надписью № 53, навстречу ей. Данные начертания О и Д встречаются в грамотах XIV в. (5, 59; 23), что не противоречит ни датировке других надписей слитка, ни датировке самого слитка.

74) (ОСКИНИ) на плоской стороне слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 890; Н., стр. 141, № XV (прочел «ОСКНН»).

Для датировки надписи данных нет. Слиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

75) (ОСТР?О, табл. II, 13) на плоской стороне длинного слитка неустановленного происхождения. ГИМ, № 189.

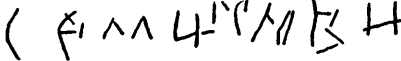
⁵⁵ А. А. Ильин. Ук. соч., № 211.

⁵⁶ Н. Вауег. Ук. соч., стр. 80/64, № 180, стр. 82/66.

Расшифровке и палеографической датировке надпись не поддается.

76) (СЕМЕ, табл. III, 34) на обрубке полуслитка с продольным швом, неустановленного происхождения. ГИМ, № 127. Может быть, недописанное имя Семен.

Данные начертания букв С и Е встречаются в грамотах XIV—XV вв. (17, 26, 27, 31, 42, 49, 135, 154, 169; 12, 14, 19, 31, 40, 42, 162, 169), что совпадает с датировкой слитка.

77) (СЕМЦЮЮВИ, табл. III, 42) на плоской стороне полуслитка с продольным швом; из Нижне-Солотинского клада (см. № 2). ГЭ, № 875; Н., стр. 141, № V.

Если четвертая буква надписи — опрокинутое Е с длинным язычком, выступающим за вертикаль буквы, надпись можно понять как дательный падеж имени Семень. Форма дательного падежа с окончанием на „ови“ в именах лиц мужского рода характерна для северных древнерусских говоров, в том числе и для новгородского.⁵⁷ Трехгранные С и Е, образованные тремя сходящимися в одной точке линиями, встречаются в грамотах от рубежа XIII—XIV до рубежа XIV—XV вв. (28, 42, 49; 3, 5, 26, 39, 50, 51, 54, 55). Остальные буквы надписи датирующего значения не имеют. Слиток датируется XIV в. (см. пояснения к надписи № 2).

78) (СТЪ) на боковой стороне того же слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором находятся надписи №№ 39, 61.

Возможно, надпись содержит слово СТО с обычной для древнерусского языка заменой О на Ъ.

Для палеографической датировки данных нет.

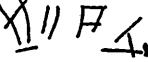
79) (УГАН, табл. II, 15) на спинке длинного слитка из Слободкинского клада

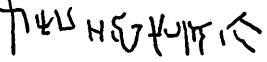
(см. № 48). ГИМ, № 13.

Последняя буква может быть Н или Н. В обоих случаях слово непонятно. Для датировки надписи данных нет.

80) (ТЛЬ...РОВ) на плоской стороне клейменого слитка неустановленного происхождения. ГЭ, № 858.

Толкованию и датировке надпись не поддается, так как ее начало уничтожено клеймами. Слиток, по наличию продольного шва и клейм (№№ 18, 19 по классификации Н. П. Бауера⁵⁸), датируется концом XIV — первой половиной XV в.

81) (РОРЪ) на плоской стороне того же слитка из Нижне-Солотинского клада (см. № 2), на котором находится надпись № 54. Н., стр. 141, № XII (прочел ΘОГ).
Расшифровке и датировке надпись не поддается.

82) (табл. II, 11) — строчка буквообразных знаков на плоской стороне длинного слитка из Путивльского клада (см. № 1). ГИМ, № 178.

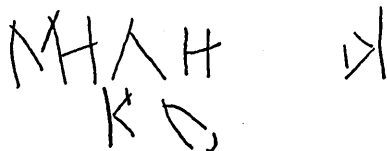
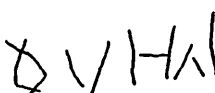
Некоторым знакам имеются аналогии в глаголическом алфавите. Слева направо: 1 — А, 2 — Ш, 5 — Ц, 10 (последний) — Ъ. Но расшифровке надпись не поддается.

⁵⁷ Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 185.

⁵⁸ Н. Вауег. Ук. соч., стр. 82/66.

Выше указывалось, что изредка надписи встречаются и на слитках других видов — черниговского и литовского.⁵⁹ Эти надписи уместно привести, так как для выяснения закономерности появления надписей на слитках полезно иметь их наиболее исчерпывающую сводку.

*Надписи на так называемых черниговских слитках*⁶⁰

(83, 84) (МИЛИКО, МИЛОК) навстречу друг другу,

на слитке из клада, найденного в с. Мамекино, Новгород-Северского уезда, Черниговской губ. в 1886 г. ГИМ, № 110; О., стр. 220; И., № 221; Н., стр. 141, № 1.

Обе надписи передают, по-видимому, одно и то же слово, но вторая осталась неоконченной, вероятно, из-за ошибки, получившейся во время процарапывания. А. В. Орешников, которому характер букв надписи казался византийским, видел в последней букве первой надписи А и предполагал, что надпись «МНЛНКА» означает славянское имя Милица. Однако эта буква скорее похожа на недописанное О. Что же касается характера букв, то вряд ли можно назвать его византийским, так как они ничем не отличаются от букв других несомненно русских надписей на слитках.

Для палеографической датировки данных нет.

85) (ФЕОДУЛОС) на одном из концов слитка из клада, най-

денного в с. Горбове, Новгород-Северского уезда, Черниговской губернии в 1878 г. ГИМ, № 4175; О., стр. 220; Ч., стр. 199; И., № 220; Н., стр. 141, № 2.

Судя по форме окончания имени (-ос и без обязательного для русского языка конечного Ъ) и начертанию буквы У, надпись сделана по-гречески. А. В. Орешников считает, что надпись исполнена буквами поздневизантийского характера.

*Надписи на так называемых литовских слитках*⁶¹

86) (АНДРЕЙ, табл. IV, 49) на плоской стороне слитка из клада, найденного в Рязанской губ. в XVIII в.⁶² ГЭ, № 677; Н., стр. 141, № 24 (видит в последней букве Д).

⁵⁹ См. выше, стр. 49.

⁶⁰ Слитки северного веса, но производной от киевских формы. Их обращение входит в сферу южной системы русского денежного веса (X—XIII вв.), метрологически связанной с византийской литрой. (Подробнее см. В. Л. Янин, ук. соч., стр. 148, 149, 162—170).

⁶¹ Серебряные палочки весом около 100—105 г, длиной 10—17 см. Многие из них имеют на закругленной поверхности одну или несколько одинаковых вмятин (табл. 1, 7). Название «слитки западнорусского или литовского типа» предложено Н. П. Бауером (N. Вагг, ук. соч., стр. 91/75) и обусловлено топографией находок. Г. Б. Федоров в статье «Топография кладов с литовскими слитками и монетами» лишает этот термин конкретности, безосновательно распространяя его и на слитки X—XI вв., неопределенные по весу и форме, и на «трехгранные» слитки XIV в., характерные в указанные периоды для денежного обращения всей Восточной Европы. Его работа вносит много путаницы и в названия различных видов новгородских слитков, и в техническую терминологию, и даже в приложенную к статье карту, где условные обозначения не соответствуют ее содержанию. В сферу русского денежного обращения литовские слитки допускались, вероятно, благодаря приблизительному равенству их веса половине русского гривенного слитка. Судя по тому, что литовские слитки упоминаются только в западнорусских документах (см. ниже, стр. 68), на Русь они проникали, вероятнее всего, через Смоленск.

⁶² N. Вагг. Ук. соч., стр. 88/72, № 198.

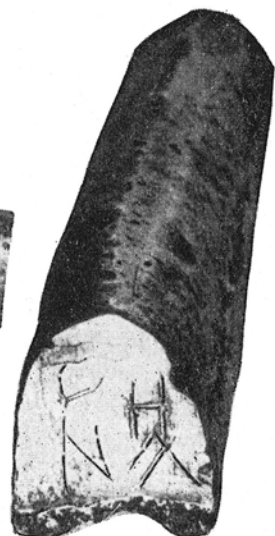
43

44

46

45

47

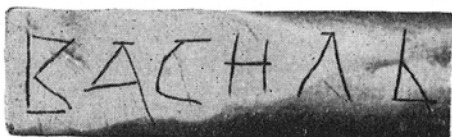
48

49

50

51

52

53

54

55

Надписи на новгородских и литовских слитках

43 — надп. 8. ГЭ, 887. Нижнее Солотино, 1933 г.; 44 — надп. 24. ГЭ, 874. Нижнее Солотино, 1933 г.; 45 — надп. 18. ГЭ, 874. Нижнее Солотино, 1933 г.; 46 — надп. 56. ГЭ, 882. Нижнее Солотино, 1933 г.; 47 — надп. 52. ГЭ, 878. Нижнее Солотино, 1933 г.; 48 — надп. 12. КПОНГЭ 583/601. Неустан, происх.; 49 — надп. 86. ГЭ, 676. Рязанская губ., XVIII в.; 50 — надп. 91. ГЭ, 717. Рязанская губ., XVIII в.; 51 — надп. 88. ГЭ, 675. Рязанская губ., XVIII в.; 52 — надп. 89. ГЭ, 672. Рязанская губ., XVIII в.; 53 — надп. 87. ГЭ, 670. Рязанская губ., XVIII в.; 54 — надп. 93. ГЭ, 671. Рязанская губ., XVIII в.; 55 — надп. 96. ГЭ, 685. Софийская Колония, 1866 г.

87) БѢТѠ В Т Ѡ (ВЕТОВТО, табл. IV, 53) на плоской стороне

слитка из того же клада. ГЭ, № 670. По-видимому, имя Витовт, написанное с заменой слога Ви на Бе и с обычной для древнерусского правописания заменой конечного Ъ на О.

88) ВАСНЛЪ (ВАСИЛЬ, табл. IV, 51) на закругленной стороне слитка из

того же клада. ГЭ, № 675; Н., стр. 141, № 23.

Данная форма имени встречается и в надписях-граффити Софийского собора в Новгороде,⁶³ и в новгородских берестяных грамотах.⁶⁴ В. М. Неклюдов ошибочно считал ее исключительно украинской.⁶⁵

89) ИВАНЪ (ИВАНЪ, табл. IV, 52) на плоской стороне слитка из того же клада. ГЭ, № 672; Н., стр. 142, № 32.

90) ПАВЕЛЪРН ЖАНН НЪ (ПАВЕЛЬ РИЖЯНИНЪ) на плоской

стороне слитка из того же клада. ГЭ, № 674; Н., стр. 141, № 22.

91) ХѠ МНЦА (ХОМИНЯ, табл. IV, 50) на плоской стороне слитка из того же

клада.⁶⁶ ГЭ, № 717.

Надпись, вероятно, является уменьшительной формой имени Фома с обычной для южно-русских говоров заменой греческого Ф на Х.⁶⁷

92) БОРН СОКВАНЪРАН (БОРИСОВЪ ИЗРОЙ) навстречу надписи № 89. Н., стр. 141, № 20.

93) ТНМОЩКѠѠНЪРОН (ТИМОШКОО ИЗРОЙ) на плоской стороне

слитка из того же клада. ГЭ, № 671; Н., стр. 142, № 27.

Возможно двойное чтение последней буквы первого слова надписи: 1) если это В, то слово написано без полагающегося ему конечного Ъ; 2) если это О, в слове пропущено В, а конечное Ъ заменен на О, как и в надписи № 87.

94) ТОКАРА НЪРОН (ТОКАРЬ ИЗРОЙ) на плоской стороне слитка из

того же клада. ГЭ, № 673; Н., стр. 141, № 21.

Слово «Токарь» является, очевидно, прозвищем. Такое именно значение оно имеет в берестяной грамоте № 161.

Слово «изрой», содержащееся в надписях №№ 92—94, нельзя понять иначе, как название слитка. Именно в значении денежной единицы сохранил его и один письменный памятник — письмо рижских ратманов к витебскому князю Михаилу Константиновичу,⁶⁸ относящееся

⁶³ В. Н. Щепкин. Новгородские надписи. Древности, т. XIX, вып. 3, М., 1902, стр. 30.

⁶⁴ Грамоты №№ 25, 67.

⁶⁵ В. М. Неклюдов. Ук. соч., стр. 135.

⁶⁶ М. Сотникова. Рязанский клад литовских серебряных слитков в Эрмитаже. СГЭ, XII, Л., 1957, стр. 15—17.

⁶⁷ Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 148; П. Я. Черных. Ук. соч., стр. 132, 133.

⁶⁸ ИАНОРЯС, т. X, вып. VI, СПб., 1863, стр. 633—636.

к самому концу XIII в. ⁶⁹ Однако эти денежные единицы долгое время оставались неизвестными в своем конкретном виде. ⁷⁰

Троекратное совпадение слова «изрой» на однотипных слитках убеждает, что перед нами общепринятое название для данного вида слитков. Таким образом, надписи № 92—94 подтверждают и конкретизируют свидетельство письменного источника: мы узнаем, что в письме ратманов речь идет о слитках, и даже — о каких именно слитках. Замечательно, что в надписях на изроях наблюдается то же правописание, что и в содержащем понятие «изрой» вышеназванном документе, а именно: ударное А, стоящее после Ж, чередующегося с Г и Д, превращается при написании в **Λ** — ср. «ГОРОЖ**Λ**НИНЬ» в письме ратманов с надписью № 90 «РНЖ**Λ**НННЬ». Отмеченное совпадение едва ли может быть случайным.

Вопрос о происхождении этого названия остается пока открытым. Совершенно ясно лишь, что нельзя производить его, подобно Н. П. Бауеру, от глагола «изрыть», имея в виду «рытвины» на закругленной стороне слитков. ⁷¹

95) **Т Н В Ж М Ч К Е Λ Λ** (ТИВНЬ МИ ВЕЛЕЛ, табл. IV, 54) на закругленной стороне того же слитка, на котором находится надпись № 93.

Все надписи, кроме № 92, исполнены одним почерком и буквами приблизительно одного размера.

Совпадают начертания: А — в надписях 86, 88—90; N — в 86, 89, 90, 95; P — в 86, 90, 93, 94; E — в 90, 91, 95; O — в 87, 91, 93, 94; M — в 91, 93, 95; H — в 88—91, 93, 95; **Λ** — 90, 91; T — в 87, 94, 95; B — в 88, 90, 95; Л — в 90, 95; З — в 93, 94; К — в 93, 94.

Надпись № 92 отличается от вышеперечисленных написанием букв O, P, Z. Сходная по содержанию с надписями №№ 93, 94, она, вероятно, сделана позже уже имевшейся на слитке надписи № 89.

Аналогии почти всем буквам, для которых наиболее характерным является наличие горизонтальных наверхий, имеются в берестяных грамотах XIII века (52, 55, 61, 62, 64, 68, 140, 141), что совпадает с датировкой слитков Н. П. Бауером (стр. 90/74).

96) **М Λ N Y** (МАНУ, табл. IV, 55) на плоской стороне слитка из клада, найденного в Софийской колонии, в Ровенском уезде, Волынской губ. в 1866 г. ГЭ, № 685; И., № 22 (заметил лишь две первые буквы).

Оба варианта чтения последней буквы (У, Ч) дают непонятное слово.

Для палеографической датировки мало данных, но ничто не противоречит датировке надписи XIII в.

97) **(E X)** (СЕХ) на плоской стороне слитка из Слободкинского клада (см. № 48). ГИМ, № 16.

Начертания С и Е, близкие данным, имеются в грамоте XIV в. (36). Н. П. Бауер датирует слитки клада XIII в. (стр. 65/49, № 119).

Надписи, известные только по упоминаниям в литературе (7)

На новгородских слитках

98) ИВАН на одном из трех слитков из клада, найденного в д. Бабинской, Глазовского уезда, Вятской губ. в 1893 г. Слитки были распределены между Казанским обществом археологии, Самарским и Минусинским музеями. Ч., 199; И., № 33; Н., стр. 141, № 6.

⁶⁹ Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной..., стр. 186.

⁷⁰ И. И. Срезневский. Ук. соч., т. I, СПб., 1893, стлб. 1078; Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря Древней России, АН СССР, 1937, стр. 133.

⁷¹ Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной..., стр. 187, 203. Его попытка объяснить их как «пробу, снятую при помощи стамески» технологически беспомощна, так как на слитках нет никаких следов стамески; все «рытвины» являются вмятинами, оставленными на металле тупым орудием, деформировавшим слиток, но ничего у него не отнимавшим. Заметим, что все слитки этого типа имеют достаточно выравненный вес, что было бы невозможно, если бы при каждой «пробе» из слитка «вырезывался» кусок серебра весом в несколько граммов.

99) МАТӨБЪЙ на слитке из клада, найденного на Старорязанском городище близ г. Спаска, Рязанской губ. в 1876 г. Ч., 198; И., № 187; Н., стр. 141, № 17.

100) ПАВЛА на одном из слитков Путивльского клада (см. № 1). Местонахождение слитка неизвестно, так как он оказался в числе 19 экземпляров, возвращенных находчику. И., № 130; Н., стр. 141, № 16.

101) ПРИЛИКОВИЧИ на слитке, доставленном А. А. Спицыну из Гродненской губ. без указания места находки. И., № 41; Н., стр. 141, № 5.

В. М. Неклюдов полагал, что «права на слиток» принадлежали жителям селения «Приликовичи». ⁷² Однако вряд ли общинная, мирская собственность могла существовать в виде денежных единиц. Более вероятным представляется понимание надписи как семейного прозвища.

102) ПТРВА на плоской стороне слитка из Рязанского клада 1828 г. (см. № 21). Г. — Ч., 1, № 3.

103) СОЗИМ на слитке из Стародубского клада (см. № 5). Местонахождение слитка неизвестно, так как он оказался в числе четырех слитков, не попавших в музейные собрания. Ч., 199; И., № 223; Н., стр. 141, № 4.

На литовском слитке

104) ЖИДКАКЪРОИДА на слитке неустановленного происхождения. Согласно каталогу Гос. Эрмитажа, слиток выбыл из собрания в 20-е годы нашего века. ГЭ, № 2/587; Н., стр. 142, № 31.

Таким образом, известно 104 надписи на 86 слитках: 88 надписей на 73 новгородских слитках, 3 — на 2 черниговских, 13 — на 11 литовских. Большинство надписанных слитков имеет лишь одну надпись, по две встречено на 9 слитках, по 3 — на 3, 4 — на одном.

Как видно из перечня надписей, возможная датировка каждой из надписей ни разу не противоречит ни датировке слитков, ни датировке других надписей, находящихся на слитках того же клада (ср. №№ 9, 30, 65, 67; 3, 28, 34; 14, 20, 27, 31, 55; 2, 6—8, 11, 13, 16, 18, 22—24, 26, 32, 39—41, 52—54, 56, 60, 61, 64, 66, 71, 73, 74, 77, 81) или на том же самом слитке (ср. №№ 9, 67; 2, 11, 26, 62; 13, 64; 22, 53, 73; 39, 61, 78; 40, 56, 71; 36, 69). Следовательно, за надписями на слитках можно признать бесспорное датирующее значение для самих слитков, и соображения Н. П. Бауера, поставившего под сомнение возможность использования этих надписей как исторического источника, оказываются необоснованными. ⁷³

Вследствие предельной краткости, а нередко неполноты и неясности надписей на слитках, наблюдение над их языком не дает ничего принципиально нового. Тем не менее, в языке надписей прослеживаются несколько диалектных особенностей, присущих северным русским говорам, и в частности новгородскому.

1) Оканье ⁷⁴ (№№ 2—4, ОННЧМО, ONTONO, ср. берестяные грамоты №№ 23, 49, 50, 162).

2) Стяжение конечных гласных в прилагательных, в результате которого возникает сокращенная форма ⁷⁵ (№ 53 — СТРЪЛЕЧСКА).

3) Форма дательного падежа в названиях лиц мужского рода единственного числа на ОВИ—ЕВИ ⁷⁶ (№ 77 — СЕМЕНОВН. (Ср. берестяные грамоты №№ 44, 67, 79, 109).

4) Возможно, замена в дательном падеже конечного Ъ на И ⁷⁷ (№ 24 — ПРОСКУРНИ, № 73 — ОДН вместо ПРССКУРНЪ, ОДЪ. Ср. берестяные грамоты №№ 11, 23, 27, 59), если понимать эти надписи как формы дательного, а не родительного падежа).

⁷² В. М. Неклюдов. Ук. соч., стр. 136.

⁷³ См. стр. 47 настоящей работы.

⁷⁴ П. Я. Черных. Ук. соч., стр. 17.

⁷⁵ Там же, стр. 18.

⁷⁶ А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886, стр. 201; Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 185.

⁷⁷ П. Я. Черных. Ук. соч., стр. 18, 21; П. С. Кузнецов. Морфология. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» под ред. В. И. Бороковского. АН СССР, М., 1955, стр. 104.

5) Чоканье ⁷⁸ (№ 53—СТРЪЛЕЧСКА вместо СТРЪЛЕЦКАЯ. Ср. берестяные грамоты №№ 54, 169). Примерами чоканья являются, вероятно, и надписи №№ 54—56, если понимать их не как прилагательные женского рода единственного числа в именительном падеже, а как формы родительного падежа (ОСНПЪЧА, ТЮНКОВНЧА, ДКОВЪЧА, вместо ОСНПЪЦА, ТЮНКОВЪЦА, ДКОВЪЦА от именительного падежа ОСНПЕЦЪ, ТЮНКОВЕЦЪ, ДКОВЕЦЪ).

Известно в древнем Новгороде и имя Нерон, от которого образовано прилагательное женского рода в надписи № 13 (NEPONOBA MATЪ). Оно имеется на одной из тиунских печатей Новгорода. ⁷⁹

Присутствие в языке надписей на слитках диалектных черт, свойственных древнему Новгороду, служит еще одним свидетельством именно новгородского происхождения русских серебряных платежных слитков-палочек XII—XV вв.

Три надписи на литовских слитках Рязанского клада XVIII в. — БОРНСОВЪ НЗРОН, ТНМОШКОВ НЗРОН, ТОКАРЪ НЗРОН (№№ 92—94) — помогают понять те из надписей на новгородских слитках, которые содержат только притяжательные прилагательные, без упоминания определяемого ими предмета и несомненно являются незаконченными по смыслу. Таковы надписи №№ 33—53 (ДЕМНДОВА, ЗАХАРЪД, КОНОНОВА, КОДЗДКОВА, МАРКЪКОВА, ВЛ МАРЪКОВА, МАТЫШИНА, МНХАИЛОВА, ОНСЪКОВА, ПТРВА, РОДНВОНОВА, СТРЪЛЕЧСКА), №№ 54—56 (ОСНПЪЧА, ТЮНКОВНЧА, ДКОВЪЧА), №№ 28—32 (МНЛННО, МОКЕЕВЪ, ПАРЪФНЛЬЕВЪ, СТЕПАНОВЪ, ЮРЕНННЪ), форма которых исключает какое-либо другое их толкование, кроме как определение к названию предмета, на котором они находятся, согласованное с этим подразумевающимся названием в роде, числе и падеже. Поэтому полный смысл надписей №№ 33—35, 42—51, 55 можно с уверенностью реконструировать, прибавляя каждый раз к ним слово «гривна», например, Демидова гривна.

Надпись № 36 (КОДЗДКОВА) особо интересна тем, что находится не на плоской или на боковой стороне слитка, а на обрубке, т. е. явно была нанесена уже на полуслиток, а не на целую гривну, и смысл надписи может быть раскрыт как «Козакова полтина». Другие надписи той же грамматической формы, находящиеся на полуслитках (№№ 38—41, 52—54, 56), могут означать либо «Маркова (матышина и т. п.) гривна» — в том случае, если они были нанесены на целый слиток, — либо тоже «полтина», если они были нанесены уже на полуслитки. По положению надписей невозможно решить, сделаны ли они на левой стороне целых слитков или на обрубках. Целые и половинные слитки находились в одновременном обращении едва ли не до самого прекращения их литья.

То обстоятельство, что на целых слитках многие надписи, представляющие собой притяжательные прилагательные, имеют окончания женского рода, служит лишним доводом против ошибочного мнения И. И. Кауфмана, что 200-граммовый слиток-гривна назывался рублем с самого своего появления. ⁸⁰ Судя по берестяным грамотам, второе название двухсотграммового слитка-гривны «рубль» существовало уже в XIII в., ⁸¹ но только как второе название, не вытеснив и более раннее, первое.

Двойко, подобно надписям на полуслитках, могут быть поняты надписи №№ 28—32, 62, имеющие форму притяжательных прилагательных мужского рода. Это — или «милины» («мокеев» и т. п.) «рубль», или же просто прозвища в именительном падеже, имеющие тот же

⁷⁸ А. Шахматов. Ук. соч., стр. 174; Л. П. Якубинский. Ук. соч., стр. 286; П. Я. Черных. Ук. соч., стр. 18; Р. И. Аванесов. Фонетика. Сб. «Палеографический и лингвистический...», стр. 94.

⁷⁹ Табл. XXXVII, № 2 в неопубликованном альбоме Н. П. Лихачева по русской сфрагистике.
⁸⁰ И. И. Кауфман. Русский вес..., стр. 42, 44, 59. Кауфман писал об обращении на Руси вплоть до XIV в. каких-то мифических гривен в 400 г (96 зол). Такие гривны неизвестны, а имеются только слитки в 200 г (48 зол.), которые Кауфман соответственно называл полугривнами.

⁸¹ Гр. № 65.

смысл, что и имена собственные и прозвища-существительные. Считать их прозвищами позволяет наличие на некоторых слитках аналогично образованных прозвищ, написанных в сочетаниях и в грамматическом согласовании с именами собственными, как №№ 9, 10: Сава Горелов, Охрем Шитков.

Аналогичный притяжательный смысл подразумевался, очевидно, и надписями с окончаниями родительного падежа, каковы №№ 20—24, 100. Это «гривна» или «рубль» Семена, Федора, Княжища, Ласты, Павла, проскурни.

На многих слитках имена и прозвища написаны в именительном падеже (№№ 1—19, 83—91, 98, 99, 101, 103): Матфей, Онисим, Онтон, Павел, Пилип, Стефан, Тимошка, Сава Горелов, Охрем Шитков, Дарья, Настасья, Неронова мать, Волкона, Высота, Конище, Парщя, Чина, Милико, Феодулос, Андрей, Василь, Иван, Павел рижанин, Хомина, Иван, Матфей, Приликовичи, Созим. В сопоставлении с приведенными выше надписями и им никак нельзя отказать в специфическом «притяжательном» значении.

Присущий всем надписям на слитках в наибольшей степени притяжательный смысл указывает, что они обозначают владельцев слитков. Некоторые из надписей, вероятно, и сделаны владельцами. Так, при наличии нескольких надписей, дающих нам различные имена на одном слитке, поводом к нанесению новой надписи могло служить уже самое присутствие первой, вызывавшее у того или другого очередного владельца слитка желание оградить свою собственность от действия чужого имени. Возможны и такие случаи, когда владельцем процарапывалось не собственное имя, а имя того, от кого получен слиток, что могло иметь место при каких-либо сомнениях в весе или качестве серебра. Так можно расшифровать смысл надписи № 57 «У Милида взял» на слитке с хорошо заметным продольным швом, который и мог вызвать те или иные сомнения. Однако подобные отдельные случаи лишь подчеркивают общую закономерность, присущую содержанию всей массы надписей на слитках: это имена, прозвища или слова, производные от них.

Само по себе наличие надписей с именами их владельцев на каких-либо предметах — обычное явление в письменной практике древней Руси. Надписи подобного содержания и тех же грамматических форм известны на шиферных пряслицах,⁸² на деревянных вещах.⁸³ Психологическая причина нанесения подобных надписей на вещи вполне понятна: она заключается в желании владельца отметить свою собственность и, может быть, даже оградить ее от чьих-то посягновений. Но подобное рассуждение безусловно верно лишь относительно собственности, предназначенной для длительного, а то и пожизненного употребления, чего никак нельзя сказать о денежных слитках.

Спецификой слитков как ходячих денежных единиц вообще исключается необходимость их надписывания, так как в качестве платежного средства деньги находятся в бесконечном движении от владельца к владельцу. Кроме того, если бы существовала необходимость надписывания слитков-денег, находящихся в обращении, каждый из них донес бы до нас десятки надписей, так как многие слитки могли участвовать в обращении в течение сотни лет. Однако исключениями являются даже слитки, на которых насчитывается по две-три надписи. Последнее обстоятельство вынуждает по-иному подойти к вопросу об исполнителях большинства надписей.

Если для каждого слитка, как правило, могло быть большое число временных владельцев, то для каждого же слитка единственным и неповторимым был только отливший его ливец — мастер, превративший непригодное для денежного обращения серебро-сырье в денежную единицу узаконенного вида, качества и веса.

Рассматривая надписи слитков с этой точки зрения, приходится прежде всего отказаться от мысли, что на слитке могло помещаться имя самого ливца. Во-первых, среди надписей менее всего наблюдается повторяемость одних и тех же и одинаково написанных имен. Во-вторых, если бы существовала необходимость помечать слитки знаком отлившего их ливца, проще было бы употребление определенных клейм, подобно, например, клеймам ремеслен-

⁸² А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 227, №№ 11—15.

⁸³ Там же, стр. 226, №№ 7, 8; стр. 229, №№ 18, 20.

ников-гончаров.⁸⁴ Подобие таких клейм находится на некоторых слитках.⁸⁵ Однако, судя по отсутствию на подавляющем большинстве известных нам слитков вообще каких-либо знаков, необходимости отмечать производителей слитков не существовало, и надписи на слитках содержат, вернее всего, имена их владельцев, а не ливцов, хотя большинство надписей исполнено ливцами.

В том, что ливцы надписывали слитки именами владельцев, убеждают надписи №№ 25—27, 77, которые являются именами или прозвищами, стоящими в дательном падеже: КОЗЪ, ОЛИСЪ, ОНЪ, СЕМЕНОВН. Каждая из них может быть понята как указание, кому именно предназначается данный слиток, для кого он изготовлен.

Также, по-видимому, в мастерской ливца была сделана единственная в своем роде надпись «ПТРВА» (№№ 42—51, 102) на 11 слитках, происходящих не менее чем из двух-трех кладов. Эти слитки составляют одну группу не только из-за наличия на них одинаковой, одним почерком исполненной надписи. Все они крайне схожи между собой по весу, длине и форме, а два из них, как уже отмечалось, даже отлиты в одной форме. Поэтому-то, принимая во внимание совпадение надписей «ПТРВА» при чрезвычайном внешнем сходстве слитков, на которые они нанесены, можно думать, что вся группа этих надписей была исполнена одновременно и сразу же по изготовлении слитков, т. е. самим ливцом.⁸⁶

Выше указывалось, что одним почерком исполнены 9 из 10 надписей на слитках Рязанского клада XVIII в.: №№ 86—91, 93—95. Исходя из того, что они, находясь на внешне очень схожих слитках, сообщают имена разных лиц, можно думать, что надписи были нанесены на слитки, как и надписи на Петровых гривнах, еще в мастерской и, вероятно, самим ливцом. Исполненная иным почерком надпись № 92 (БОРНСОВЪ НЗРОН) сделана по образцу находящихся на других слитках клада надписей №№ 93, 94 и позже уже имевшейся на данном слитке надписи № 89. Очень возможно, что она сообщает нам имя последнего владельца всех слитков клада.⁸⁷ Фраза «ТНВНЪ МН ВЕЛЕЛЪ» (94) — одна из девяти надписей клада, исполненных одним почерком, — может быть раскрыта как указание, что данный слиток был отлит по приказу тиуна.⁸⁸

Однако необходимо иметь в виду, что литовские слитки, как правило, не несут на себе никаких надписей,⁸⁹ а все упомянутые литовские слитки с надписями происходят только из русских кладов, хотя содержание надписей и обличает какие-то связи данной группы слитков с обращением Прибалтики. На это указывает отмеченный выше термин «изрой». Что касается Павла рижанина, то думается, что такое прозвище могло возникнуть и вне упоминаемого города. Общей закономерностью подобных названий является возникновение их вдали от называемых центров, а не в них самих. Поэтому представляется вероятным и другое объяснение: надписи №№ 86—91, 93—95 были сделаны одним из владельцев с целью зафиксировать прежнюю (или настоящую) принадлежность оказавшихся в его руках необычных для русского обращения слитков.

Как деловые надписи ливцов можно расшифровать и исполненные одним почерком надписи №№ 9, 30.

Судя по документам XVII в., даже и в это позднее время русские денежные дворы все еще не имели собственных оборотных запасов серебра. Они функционировали не круглый

⁸⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. АН СССР, 1948, стр. 363—367, 494.

⁸⁵ Отпечатки знаков: 1) в виде буквы Т (ГЭ, №№ 738, 739, 807—809, 811—819, 821—826, 828—837, 839—851, из клада, найденного в с. Средне-Ахтубинское, Царевского уезда, Астраханской губ. в 1865 г. А. А. Ильин. Ук. соч., № 4); 2) в виде двух параллельных линий П (ГЭ, № 577. Из клада, найденного в Курской губ. в XIX в., А. А. Ильин. Ук. соч., № 127); 3) в виде стрелы ↓ (ГЭ, № 638, слиток неустановленного происхождения).

⁸⁶ М. Сотникова. Петровы гривны, стр. 49—51.

⁸⁷ Подробнее о слитках и надписях клада см.: М. Сотникова. Рязанский клад..., стр. 15—18.

⁸⁸ В. М. Неклюдов (ук. соч., стр. 136) объясняет эту надпись как повеление тиуна «поблюсти, похранить» данный слиток. Подобная ситуация весьма сомнительна.

⁸⁹ Буквообразный знак (может быть А) имеется лишь на двух из 349 литовских слитков, фотографии которых приведены в специально посвященной этим слиткам книге П. Карзини (P. Karzini. 1930 M. Vilniaus lobis. Lobio aprašymas, iliustruotas 39 lentelėmis. Vilniaus, 1932, табл. XXIX, 6; XXXI, 2).

год, а лишь время от времени, по мере поступления серебра от заказчиков, чем целиком определялись величина и продолжительность денежных переделов.⁹⁰ Зависимость денежного производства от заказчиков была так сильна, что еще в XVII в., когда это уже не вызывалось абсолютно никакой необходимостью, прослеживается возвращение заказчику монет, сделанных именно из сданного им серебра.⁹¹ Несомненно, эта практика основывалась на старой традиции. Такая организация денежного дела существовала в течение всего средневековья. Всегда контролировалось государством, несомненно, и литье слитков, которые изготовлялись для каждого отдельного заказчика из его собственного серебра. Таким образом, в пометках, указывающих владельца того или другого только что изготовленного слитка (или группы слитков), были заинтересованы и клиенты денежного двора, и сами ливцы. Надписи, по-видимому, являются одним из видов рабочих пометок, которые наносились ливцами с целью отличить находившиеся в мастерской слитки, отлитые по заказу разных лиц. Помогая ливцу рассчитаться с его заказчиками, эти надписи имели значение, очевидно, только внутри мастерской и теряли его, как только слитки через руки их первых владельцев (заказчиков) выходили в сферу обращения, где о надписях на них уже не помнили, не думали и, возможно, даже не замечали их. Поэтому-то, видимо, их обычно не зачеркивали и так редко присоединяли к ним новые надписи.

Свидетельством служебного смысла большинства надписей и сохранения данного значения их только в мастерской ливца являются, пожалуй, и надписи, не поддающиеся чтению: исполненные кое-как, они все-таки были понятны их авторам и помогали им рассчитываться с заказчиками.

Палеографическая датировка надписей, как видно из перечня их, не противоречит мнению, что появление надписей на слитках следует связывать лишь с определенным моментом в существовании слитка, именно с его изготовлением.

Среди большого количества известных нам слитков экземпляров с надписями сравнительно мало — 88 надписей на 73 из почти 480 новгородских слитков. Сравнительная редкость надписей на слитках объясняется, вероятно, самой организацией денежного производства в древней Руси. Во время происходивших, как уже указывалось, от случая к случаю денежных переделов, когда скапливалось много серебра-сырья, ливец отливал для большинства заказчиков не по одному слитку. Поэтому достаточно было написать лишь один слиток из целой партии. Наряду с надписыванием слитков могла существовать практика мечения их какими-либо другими способами, например, прикреплением к ним надписанных кусочков бересты⁹² или других бироков.

Интересно, что слитками, имеющими более одной надписи, являются главным образом полтины (13, 64; 18, 24; 32, 66; 36, 69; 54, 81; 22, 53, 73; 39, 61, 78; 40, 56, 71; 2, 11, 26, 62), т. е. что новые имена появлялись чаще всего на рубленых слитках. В связи с этим можно высказать предположение, что в отдельных случаях такие имена могут соответствовать именам заказчиков, обращавшихся к весцу-ливцу, чтобы законным образом разделить слиток на две равновесные полтины, или для клеймения последних.

Надписи на слитках чрезвычайным палеографическим сходством с письмом берестяных грамот, новгородскими оборотами в языке и правописании подтверждают угадывавшееся до сих пор лишь по некоторым косвенным данным именно новгородское происхождение слитков-палочек XII—XV вв. Следовательно, вполне правомерно присвоенное им в 1821—1826 гг. наименование, производное от имени места находки первого клада, содержавшего подобные слитки.

Вывод, что большинство рассмотренных выше надписей нанесено на слитки не временными владельцами, а ливцами, конкретизирует и расширяет наши представления о литье серебра как отрасли древнерусского ремесла и попутно позволяет указать еще на одну группу грамотных жителей древнерусского города. Изготовление серебряных слитков относилось

⁹⁰ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг. МИА СССР, № 44, стр. 240, 241.

⁹¹ Там же, стр. 252, 253.

⁹² Как новгородские берестяные грамоты №№ 58, 79.

к числу тех ремесленных профессий, в которых владение грамотой было непременным условием работы в данной отрасли ремесла. Профессия ливца требовала применения определенных расчетов мер и веса. Ливец был особо контролируемым городскими властями производителем, своего рода должностным лицом, причем литье было неразрывно связано с правом и обязанностью взвешивания серебра.

Поэтому существование именно в среде «ливцов и весцов серебряных» элементарной грамотности представляется не только не удивительным, а даже обязательным. Поскольку большинство надписей на слитках можно считать сделанными ливцами, т. е. относящимися непосредственно ко времени изготовления самих слитков, эпиграфические данные слитков приобретают практический интерес для проверки и уточнения датировки, обстоятельств изготовления и обращения слитков. В свою очередь, сравнение датировки слитков по палеографическому признаку с их нумизматической датировкой ставит группу надписей на слитках в ряд заслуживающих доверия эпиграфических источников и несомненно сделает возможным использование ее в дальнейшем при изучении и датировке других древнерусских граффити.

Кроме приведенных выше надписей, на слитках известно более ста букв, слогов и буквообразных знаков. Некоторые из последних весьма определенно ассоциируются с теми или иными буквами, другие остаются непонятными.

На новгородских слитках

Буква А. 1) На плоской стороне слитка из клада, найденного в д. Шигры, Рязанской обл. в 1952 г., ⁹³ Ряз. муз., № 17916/16; 2, 3) на плоской стороне слитка из Слободкинского клада (см. надпись № 48), ГИМ, № 10; 4) на плоской стороне слитка, на котором находится надпись № 1; 5) на торце слитка из Архангельского клада 1901 г. (см. надп. № 9) ГИМ, № 51; 6) на торце слитка, на котором находится надпись № 34; 7) на торце слитка из клада, найденного в д. Потьма, Симбирской губ., в 1890 г., И., № 196; ГЭ, № 593; 8) на торце слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГИМ., № 8; 9 и 10) на плоских сторонах слитков из того же клада, ГЭ, №№ 616, 618; 11 и 12) на плоских сторонах слитков, неустановленного происхождения, ГЭ, № 639; ГИМ, № 194; 13) на плоской стороне клейменого полуслитка из Серпуховского клада (см. надпись № 63), ГЭ, № 803.

Буквы . 14) В лежащем положении, на боковой стороне слитка, ГИМ, № 10 (см. №№ 2, 3 в данном списке); 15) на плоской стороне клейменого слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 304.

Буква . 16) В лежащем положении на плоской стороне слитка из Архангельского клада 1901 г. (см. надпись № 9), ГИМ, № 56.

Буквы . 17) На боковой стороне слитка, найденного в Тульской губ., ГИМ, № 93.

Буква В. 18) На плоской стороне слитка, найденного в Казанской губ. Ряз. муз., № 3321; 19 и 20) на плоской и на боковой сторонах слитка из Нижне-Солотинского клада (см. надпись № 2), ГЭ, № 864; 21) на боковой стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 137.

Буквы . 22) На плоской стороне слитка из Шигровского клада (см. № 1 в данном списке). Ряз. муз., № 17916/34, 39, 36 (три обломка одного слитка).

⁹³ В. С. Ерохин. Ук. соч.

Буква Д. 23) На слитке из клада, найденного в Перевозинской волости, Вятской губ. в 1892 г., И., № 37; ГЭ, № 530; 24) на торце слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГЭ, № 607; 25) На спинке слитка из клада, найденного в с. Старково, Курской губ. в 1883 г., И., № 128; ГЭ, № 519; 26) на плоской стороне слитка, на котором находится надпись № 79.

Буква Е. 27) На плоской стороне слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГЭ, № 604.

Буква Ж. 28) На боковой стороне слитка из Архангельского клада 1901 г. (см. надпись № 9), ГИМ, № 57; 29) на обрубке полуслитка, неустановленного происхождения, ГЭ, № 762.

Буква Н. 30) На боковой стороне слитка из клада, найденного в д. Ментак, Эстляндской губ. в 1908 г., И., № 227; ГЭ, № 543; 31) на плоской стороне слитка из клада, найденного у г. Мглин, Черниговской губ. в 1892 г., И., № 219; ГЭ, № 529; 32) на плоской стороне слитка, ГИМ, № 56 (см. № 16 в данном списке); 33) на торце слитка Ряз. муз., № 3321 (см. № 18 в данном списке); 34) на торце слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГИМ, № 1; 35) на плоской стороне слитка из того же клада, ГИМ, № 4; 36) на боковой стороне слитка из того же клада, ГЭ, № 615; 37 и 38) в лежачем положении на плоских сторонах слитков из того же клада, ГЭ, № 624, 608 (на последнем находится надпись № 31); 39) на плоской стороне слитка неустановленного происхождения, ГИМ, № 138; 40) на обрубке полуслитка, на котором находится надпись № 10.

Буква К. 41—43) На плоских сторонах слитков из клада, найденного в д. Пустополка, Рязанской губ. в 1888 г., И., № 186; ГЭ, №№ 423, 424; ГИМ, № 70; 44) на плоской стороне слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГЭ, № 605; 45) на плоской стороне клейменого полуслитка из клада, найденного у с. Средне-Ахтубинское, Астраханской губ. в 1865 г., И., № 4; ГЭ, № 845.

Буквы КЛ. 46) На слитке из клада, найденного в с. Русское Утяшкино, Казанской губ. в 1905 г., И., № 63; ГИМ, № 78.

Буква Л. 47) На спинке слитка, найденного в Рязани, ГИМ, № 173; 48) на торце слитка, на котором находится надпись № 31 и буква № 38; 49) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 139.

Буква М. 50) На плоской стороне полуслитка неустановленного происхождения, ГЭ, № 768.

Буквы МН. 51) На спинке слитка из клада, найденного в Твери в 1906 г., И., № 206; ГЭ, № 538.

Буква Н. 52) На плоской стороне слитка из Щигровского клада (см. № 1 в данном списке), Ряз. муз., № 17916/7; 53) в лежачем положении на плоской стороне слитка из того же клада, Ряз. муз., № 17916/10; 54) на торце слитка из Рязанского клада 1828 г. (см. надпись № 21), ГЭ, № 501; 55) в лежачем положении на плоской стороне слитка из Архангельского клада, 1901 г. (см. надпись № 9), ГИМ, № 80; 56) на торце слитка из клада, найденного в Новгороде в 1821 г., И., № 155; ГЭ, № 569; 57) на плоской стороне слитка, ГИМ № 4 (см. № 31 в данном списке); 58) на торце слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 288; 59) на торце слитка ГИМ, № 138 (см. № 34 в данном списке); 60) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГЭ, № 554; 61) на обрубке того же полуслитка, на котором находится надпись № 15; 62) на плоской стороне полуслитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 132.

Буквы НА. 63) На плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 135.

Буква П. 64) На плоской стороне слитка из Рязанского клада 1828 г. (см. надпись № 21),

ГЭ, № 510; 65) в лежачем положении, — на плоской стороне слитка из Щигровского

клада (см. № 1 в данном списке), Ряз. муз., № 17916/2.

Буква Р. 66) На плоской стороне слитка, на котором находится надпись № 49; 67) в лежачем положении на плоской стороне слитка из Архангельского клада 1901 г. (см. надпись № 9), ГИМ, № 55; 68) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 15281.

Буквы СН. 69) Дважды на плоской стороне слитка из Стародубского клада (см. надпись № 5), ГЭ, № 584.

Буквы СН. 70) На плоской стороне слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГЭ, № 606; 71) на плоской стороне клейменого полуслитка, неустановленного происхождения, ГЭ, № 797.

Буква . 72) На плоской стороне слитка, ГИМ, № 57 (см. № 28 в данном списке); 73) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГЭ, № 640.

Буква Х. 74) На плоской стороне слитка, ГИМ, № 78 (см. № 46 в данном списке); 75 и 76) на торце и на плоской стороне слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГЭ, № 623; 77) на обрубе полуслитка, на котором находится надпись № 57; 78) на обрубе полуслитка неустановленного происхождения, ГЭ, № 757.

Буква . 79) На торце слитка, ГЭ, № 593 (см. № 7 в данном списке); 80) на плоской стороне клейменого полуслитка из Серпуховского клада (см. надпись № 63); 81) на торце слитка, ГЭ, № 606 (см. № 70 в данном списке).

Буквообразные знаки.

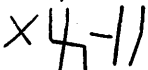
82) (Л, Х?). На плоской стороне слитка из Кадыковского клада (см. надпись № 14), ГИМ, № 5; 83) (у?) на торце того же слитка; 84) (ч?) на плоской стороне слитка из

Рязанского клада 1828 г. (см. надпись № 21), ГЭ, № 505; 85) (Щ в обратную сторону?)

на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 195. 86) (Ж, Я?) на

обрубе полуслитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 124; 87) на плоской стороне слитка из Щигровского клада (см. № 1 в данном списке), Ряз. муз., № 17916/9. 88)

на плоской стороне слитка из того же клада, Ряз. муз., № 17916/6; 89)

на плоской стороне слитка из того же клада, Ряз. муз., № 17916/6; 90) на плоской стороне слитка из Ташкирменского клада (см. надпись № 3), ГЭ, № 590.

На киевских слитках

Буква Д. 91 и 92) На плоских сторонах слитков из клада, найденного у Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве в 1907 г., И., № 79; ГИМ, № 230, 268.

Буква N. 93) На плоской стороне слитка из того же клада, ГИМ, № 223; 94) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 15283.

Буква Р. 95) На плоской стороне слитка из клада Михайловского Златоверхого монастыря 1907 г. (см. №№ 91, 92 в данном списке), ГИМ, № 235.

Буква , 96) На плоской стороне слитка из того же клада, ГИМ, № 236.

Буква . 97—101) На плоских сторонах слитков из того же клада, ГИМ, №№ 250, 252, 253, 261, 263.

Буквообразные знаки

, 102) (Ж?) На плоской стороне слитка из того же клада. ГИМ, № 251; 103) (Ц или У в обратную сторону?) на плоской стороне слитка из того же клада, ГИМ, № 225.

На черниговских слитках

Буква Р. 104) На плоской стороне слитка из Мамекинского клада (см. надписи №№ 83, 84), ГИМ, № 115.

Буква . 105) На плоской стороне слитка неустановленного происхождения, ГИМ, № 4179.

Буква . 106) В лежащем положении на стесанной спинке слитка, неустановленного происхождения, ГИМ, № 203.

На литовских слитках

Буква . 107) На плоской стороне слитка из Слободкинского клада (см. надпись № 48), ГИМ, № 14.

Буква N. 108) На плоской стороне слитка из клада, найденного в Софийской колонии в Волынской губ. в 1866 г., И., № 22; ГЭ, № 689.

Буква П. 109) В лежащем положении на плоской стороне слитка из Слободкинского клада (см. надпись № 48), ГИМ, № 17.

Буква X. 110) На плоской стороне слитка из Тверского клада 1906 г. (см. № 51 в данном списке), ГЭ., № 704.

 (ч?). 111) На плоской стороне слитка из Слободкинского клада (см. надпись № 48), ГИМ, № 18.

На ладьеобразных слитках⁹⁴

Буква Л. 112 и 113) На обоих торцах слитка из клада, найденного в д. Четырла, Самарской губ. в 1908 г., И., № 190; ГЭ, № 658.

Буква П. 114) На плоской стороне слитка из того же клада, ГЭ, № 663; 115) на плоской стороне слитка, неустановленного происхождения, ГЭ, № 669.

Если бы нашлись основания видеть в этих буквах и буквообразных знаках их цифровые значения, весьма заманчиво было бы предположить, что буквами-цифрами отмечались в мастерской какие-либо особенности отдельных слитков или групп слитков, например количество слитков, предназначенных для того или иного заказчика. Однако против такого объяснения букв и буквообразных знаков на слитках можно представить следующие соображения. Повторяемость одной и той же буквы на слитках из одного клада (№№ 8—10, 34—38, 52, 53; 91, 92) означает, возможно, принадлежность слитков одному лицу. Невероятно тоже присутствие на одном слитке двух-трех букв (№№ 2, 3, 14; 16, 32; 18, 33;

⁹⁴ Слитки новгородского веса, но особой формы, топографически наиболее тесно связываемые с территорией Поволжья.

38, 48; 31, 57; 34, 59; 24, 72; 70, 81; 51, 110), т. е. разных чисел, если буквы считать цифрами, или знаков ряда владельцев слитка, если считать их буквами. Серьезным возражением является наличие на некоторых слитках букв, не имеющих цифрового значения (№№ 28, 29; 79—81), а также слогов, которые никак не могут быть поняты как двузначные числа (№№ 14, 15, 17, 22, 46, 51), наконец, явная беспорядочность расположения букв на слитке.

Поэтому правдоподобнее считать буквы и буквообразные начертания на слитках сокращениями имен или прозвищ заказчиков.

НАРЕЗКИ

Своеобразный раздел эпиграфики слитков составляют встречающиеся в основном на новгородских слитках ряды более или менее легких царапин (от 2 до 17), нанесенных на плоской или боковой сторонах слитка приблизительно параллельно между собой и перпендикулярно длине слитка (табл. I, 8, 9). Часто эти царапины, условно называемые нами нарезками, кончаются линией, проведенной наклонно к крайней из параллельных, и как бы замыкающей их ряд.

подавляющее большинство слитков с нарезками имеют только один ряд нарезок, но иногда встречаются слитки с двумя или тремя рядами их, причем количество нарезок совпадает не всегда.

Сколько-нибудь серьезных попыток изучения этого своеобразного письма на слитках не было, и значение нарезок, имеющих на половине изученных слитков, до сих пор не объяснено.

А. А. Ильин только констатировал их наличие⁹⁵. Н. П. Бауер вообще не заинтересовался нарезками, считая, что они, как и надписи, могут быть гораздо младше самих слитков.⁹⁶ А. И. Черепнин необоснованно предположил, что нарезками «обозначался вес гривны, а вместе с тем точно определялась ее стоимость»,⁹⁷ никак не аргументировав это положение.

Без сомнения, нарезки обозначают не вес слитка, так как известно множество слитков одного веса, но с разным количеством нарезок (ср. в таблице на стр. 81 и сл. №№ 4, 15, 46, 124, 191; №№ 58, 100, 183; №№ 45, 69, 92, 200), и слитков разного веса, но с одинаковым числом их (ср. в таблице на стр. 81 и сл. №№ 14, 15; 26, 28; 44, 45, 50; 141—143). К подобному выводу при изучении Нижне-Солотинского клада пришел еще В. М. Неклюдов, отметивший, что количество нарезок «по-видимому, не стоит в прямой, очевидной связи с весом».⁹⁸ Однако относительно смысла и назначения нарезок В. М. Неклюдов высказал совершенно неприемлемое предположение, что «слитки могли служить бирками, на которых записывались расчеты», что «расчеты по взиманию резов (процентов) отмечались на слитках резами же», что на слитке «могли также отмечаться сроки погашения каких-либо обязательств».⁹⁹

Слитки не могли служить счетными бирками, иначе они перестали бы быть денежными единицами. Расчетные записи всегда предназначаются для более или менее длительного хранения, и возможность использования платежных слитков в качестве материала для какого бы то ни было рода документов безусловно исключена, так как, будучи ходячими денежными единицами, подобные «бирки» в любой момент могли уйти от того, кто вел свои расчеты подобным образом. Поэтому В. М. Неклюдов прав только в том, что нарезки могли служить для каких-то расчетов. Но эти расчеты, несомненно, могут касаться только самого слитка, каких-то его внутренних, индивидуальных особенностей. Доводом в пользу

⁹⁵ А. А. Ильин. Ук. соч., стр. 9.

⁹⁶ N. В а с е г. Ук. соч., стр. 77/61.

⁹⁷ А. И. Черепнин. Ук. соч., стр. 205.

⁹⁸ В. М. Неклюдов. Ук. соч., стр. 137.

⁹⁹ Там же.

данного мнения является бросающаяся в глаза повторяемость одинаковых количеств нарезок (т. е. однообразии представляемых ими чисел) на многих слитках, в которой без труда угадывается явная, зависящая, очевидно, от самого слитка закономерность, что было бы невозможно, если бы нарезками отмечались бесконечно разнообразные суммы ростовщических, долговых или других операций. Неверен самый прием, с помощью которого В. М. Неклюдов пришел к выводу об обозначении нарезками долговых записей: он исходил из недопустимого сопоставления древнерусского названия процентов (резы) с наименованием «резы», им самим данным слишком смело нарезкам, древнерусское название которых неизвестно. В предполагаемом В. М. Неклюдовым, совершенно невероятном обычае вести записи о денежных сделках на самих же денежных единицах, по-видимому, и не было нужды. Как стало ясно в результате раскопок последних лет в Новгороде, материалом, обычным для бытовой письменности, если не всей северо-западной Руси, то Новгорода, была береста, причем именно среди берестяных грамот уже известно немало документов, являющихся долговыми записями ростовщиков, перечислением крестьянских повинностей и т. п.¹⁰⁰

Сводка данных о всех слитках с нарезками, хранящихся в Эрмитаже, Государственном историческом музее и Рязанском краеведческом музее, содержится в приводимой ниже, на стр. 81—86, таблице.

Нарезки имеются на 208 из 477 новгородских слитков, на 10 из 223 киевских, на 6 из 102 литовских, на 2 из 30 ладьеобразных. Крайняя редкость нарезок на слитках других типов, кроме новгородских, заставляет думать, что возникновение обычая наносить на слитки нарезки следует связывать с Новгородом, а разгадку нарезок искать именно в новгородской практике денежного обращения.

Число нарезок на одном слитке, как видно из сводки, — от 2 до 17. Однако чаще всего (на 164 из 208 новгородских) встречаются слитки с 7—11 нарезками (с наклонными царапинами и без них). В зависимости от имеющегося на них числа нарезок эти 164 слитка распределяются следующим образом:

Число нарезок	7	7+1 ¹⁰¹	8	8+1	9	9+1	10	10+1	11
Число слитков	15	26	26	21	24	26	13	17	11

Нарезки в количестве от 2 до 6 встречаются менее чем по десятку раз; 11 + 1, 12, 14, 14 + 1 нарезок имеются лишь на 2—3 экземплярах; 16 и 17 нарезок — только на одном и том же слитке.

В сводке хорошо прослеживается отмеченное выше отсутствие прямой зависимости между весом слитка и количеством нарезок на нем. Тем не менее, имеются основания утверждать, что появление нарезок вообще не связано с обращением слитков, что нарезки так же, как и большинство надписей на слитках, являются не следами обращения, а следами производства слитков.

Однообразие внешнего вида нарезок и выраженных ими чисел заставляет думать, что перед нами записи, фиксировавшие какие-то расчеты, которые производились сразу же после отливки слитков, еще до надписывания последних.

Нет ни одного случая, когда нарезки одного и того же ряда были бы исполнены разными, так сказать, «почерками», что позволяло бы различать нарезки, сделанные одновременно: например, увеличение их количества путем продления ряда или вписывания новых нарезок между двумя старыми. Значит, во время обращения нарезкам уже не придавалось никакого значения.

Во всех случаях, когда положение нарезок и надписей на слитках совпадает, надписи всегда оказываются нанесенными поверх нарезок, т. е. исполненными после них (стр. 84, 85, №№ 136, 144, 147, 165, 191). Следовательно, нарезки, как и большинство надписей, процарапывались еще в мастерской, самими ливцами и, подобно надписям, имели какой-то служебный, производственный смысл.

¹⁰⁰ Грамоты №№ 1, 2, 7, 30, 31, 50—52, 138, 161, 162.

¹⁰¹ Знаком +1 отмечаются наклонные нарезки.

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
1. Нарезки на новгородских слитках						
1	ИМ, 9	Плоск. ст.	2	196,1	—	д. Слободка, Минского уезда Минск. губ., 1902 г.
2	ИМ, 143	»	2	195,27	—	Не установлено
3	ИМ, 304	»	2	90,5	—	»
4	Э, 585	»	2 + 1	196,79	—	д. Ташкирмень, Лаишевского уезда Казанск. губ., 1882 г.
5	ИМ, 70	»	3	204,4	—	д. Пустополка, Спасского уезда Рязанск. губ., 1888 г.
6	ИМ, 187	»	3	196,5	—	Не установлено
7	Э, 876	»	3	99,25	—	с. Нижнее Солотино, Обоянского р-на Курской обл., 1933 г.
8	Э, 516	»	3	167,35	—	Новгород, 1850 г.
9	ИМ, 195	»	3+1	202,78	—	Не установлено
10	Ряз. муз., 17916/23	»	4	189,0	—	д. Щигры, Рязанск. обл., 1952 г.
11	Э, 549	»	4	196,75	—	Не установлено
12	Ряз. муз., 17916/13	»	4+1	190,0	—	См. № 10
13	Ряз. муз., 17916/30	»	4+1	192,0	—	То же
14	ИМ, 71	»	4+1	187,7	—	См. № 5
15	Э, 581	Бок. ст.	4+1	196,39	—	Стародуб, Черниговской губ., 1873 г. (угодья с. Остроглядова)
16	Э, 754	Плоск. ст.	4+1	96,06	—	Не установлено
17	Э, 798	»	4+1	94,92	—	Серпухов, 1819 г.
18	Э, 726	»	5	105,95	—	Новгород, 1821 г.
19	Э, 589	»	5	189,3	—	См. № 4
20	Э, 633	»	5	199,24	—	Не установлено
21	Э, 529	»	5+1	193,0	—	Близ г. Мглина, Черниговск. губ., 1892 г.
22	Э, 580	»	5+1	197,21	5	См. № 15
23	ИМ, 10	»	5+1	183,6	—	См. № 1
24	ИМ, 148	»	6	193,33	—	См. № 21
25	Ряз. муз., 17916/4	Бок. ст. Плоск. ст.	5+1 6	202,0	—	См. № 10
26	Э, 524	»	6	207,8	—	См. № 5
27	Э, 552	Бок. ст.	6	191,35	—	Не установлено
28	Э, 640	Плоск. ст.	6	192,47	—	»
29	ИМ, 151	»	6	188,18	—	»
30	Ряз. муз., 17916/10	»	6+1	200,0	—	См. № 10
31	Э, 523	»	6+1	208,47	—	См. № 5
32	Э, 547	»	6+1	194,1	—	Не установлено
33	ИМ, 140	»	6+1	198,2	—	»
34	Э, 736	Бок. ст.	6+1	—	—	»
35	Ряз. муз., 17916/10	Плоск. ст.	4+1	95,83	—	См. № 8
36	Ряз. муз., 17916/8	»	7; 3	211,5	—	См. № 10
37	Ряз. муз., 17916/21	»	7	199,5	—	»
38	Ряз. муз., 17916/25	»	7	202,5	—	»
39	Ряз. муз., 17916/35 37,38	»	7	205,0	—	»
				193,0	—	»

Продолжение

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
40	ИМ, 287	Плоск. ст.	7; 3	190,73	—	Не установлено
41	Э, 528	»	7	197,5	—	См. № 21
42	ИМ, 149	»	7	195,85	—	»
43	ИМ, 150	»	7; 4	192,85	—	См. № 21
44	Э, 554	Бок. ст.	4	—	—	—
45	ИМ, 172	Плоск. ст.	7	203,8	—	Рязань, 1828 г.
46	Э, 545	»	7	195,6	21	»
47	Э, 546	»	7+1	193,8	—	Не установлено
48	Э, 551	»	7+1	196,55	—	»
49	Э, 555	»	7+1	194,25	—	»
50	ИМ, 138	»	7	198,02	—	»
51	Э, 503	»	7; 8	196,98	—	»
52	Э, 506	»	7+1	201,39	—	См. № 44
53	Э, 509	»	7+1	193,75	—	»
54	ИМ, 173	»	7+1	202,8	—	»
55	ИМ, 167	»	7+1	192,98	—	»
56	ИМ, 168	»	7+1	196,87	49	с. Федоровское, Владимирск. губ. XIX в.
57	ИМ, 191	»	7+1	197,63	50	То же
58	Э, 557	»	7+1	197,98	—	Не установлено
59	Ряз. муз., 17916/1	»	7+1	200,61	44	»
60	Ряз. муз., 17916/11	»	7+1	208,5	—	См. № 10
61	Ряз. муз., 17916/15	»	7+1	202,5	—	»
62	Ряз. муз., 17916/17	»	7+1	205,5	—	»
63	Ряз. муз., 17916/20	»	7+1	202,5	—	»
64	Ряз. муз., 17916/29	Плоск. ст.	7+1	207,0	—	»
65	ИМ, 147	»	7+1	200,5	—	См. № 10
66	ИМ, 76	Бок. ст.	7+1	195,5	—	д. Ивановка, Одоевского уезда Тульск. губ., 1895 г.
67	ИМ, 176	Плоск. ст.	7	194,8	—	д. Русское Утяшкино, Чистополь- ского уезда, Казанск. губ., 1905 г.
68	ИМ, 179	»	7+1	198,3	—	Путивль, Курск. губ., 1910 г.
69	ИМ, 93	»	7+1	197,55	—	»
70	ИМ, 141	»	7+1	195,83	—	Не установлено
71	ИМ, 15288	Бок. ст.	8	204,16	—	»
72	Э, 626	Плоск. ст.	7+1	196,57	—	»
73	Э, 737	»	7+1	195,33	—	Скачинский погост, Глазовского уезда, Вятск. губ., 1905 г.
74	Э, 499	Бок. ст.	7+1	4	—	См. № 8
75	Э, 518	Плоск. ст.	8	103,75	—	См. № 44
76	ИМ, 165	»	8	201,96	—	Старково, Корочанского уезда, Курск. губ., 1883 г.
77	ИМ, 72	»	8	197,52	—	См. № 55
78	Ряз. муз., 17916/7	»	8	194,78	—	См. № 66
79	Ряз. муз., 17916/12	»	8	193,78	—	См. № 10
		»	8	200,0	—	»
		»	8	212,0	—	»

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
80	Ряз. муз., 17916/14	Плоск. ст.	8	200,0	—	См. № 10
81	Ряз. муз., 17916/19	»	8	200,0	—	»
82	Ряз. муз., 17916/34, 39,36	»	8	206,5	—	»
83	ИМ, 178	»	8; 2	201,6	82	См. № 67
84	Э, 602	»	8	195,47	55	д. Кадыковка, Пензенск. губ., 1902 г.
85	Э, 558	»	8	184,55	—	Не установлено
86	Э, 560	»	8	200,85	46	»
87	Э, 631	»	8	196,66	17	»
88	Э, 632	»	8; 8	190,5	—	»
89	ИМ, 286	»	8	198,0	—	»
90	Э, 846	»	8	91,039	—	с. Средне-Ахтубинское, Царевско- го уезда, Астраханск. губ., 1865 г.
91	Э, 520	»	8+1			См. № 75
		Бок. ст.	3	197,44	—	
92	Э, 505	Плоск. ст.	8+1	195,58	—	См. № 44
93	Э, 508	»	8+1	200,27	—	»
94	Э, 732	»	8+1	202,1	—	»
95	ИМ, 12	»	8+1	195,0	—	См. № 1
96	ИМ, 181	»	8+1	199,12	—	д. Дураково, Белевского уезда, Тульск. губ., 1909 г.
97	Ряз. муз., 17916/22	На спинке	8+1			См. № 10
		Бок. ст.	8; 2	190,5	—	
98	Ряз. муз., 17916/3	Плоск. ст.	8+1	204,5	—	»
99	Ряз. муз., 17916/27	»	8+1	206,5	—	»
100	Э, 550	»	8+1	200,6	—	Не установлено
101	Э, 559	»	8+1	199,25	45	»
102	Э, 583/427	»	8+1			»
		Бок. ст.	8	204,57	47	»
103	Э, 578	Плоск. ст.	8+1	199,85	—	Стародуб, Черниговск. губ., 1873 г. (угодья с. Суворово)
104	Э, 604	»	8+1	196,67	—	См. № 84
105	Э, 612	»	8+1	195,97	—	»
106	Э, 614	»	8+1	195,16	—	»
107	Э, 625	»	8+1	197,0	—	»
108	ИМ, 55	»	8+1	195,64	—	См. № 108
109	ИМ, 192	»	8			
		Бок. ст.	8+1	194,7	35	Не установлено
110	ИМ, 137	Плоск. ст.	8+1	197,32	—	»
111	Э, 733	»	8+1			См. № 8
		Бок. ст.	8	96,92	—	
112	Э, 744	Плоск. ст.	8+1	105,15	—	См. № 75
113	Ряз. муз., 17916/16	»	9	202,5	—	См. № 10
114	Ряз. муз., 17916/24	»	9,2	202,5	—	»
115	ИМ, 183	»	9	197,3	—	См. № 96
116	ИМ, 73	»	9	198,3	—	См. № 66
117	ИМ, 74	»	9	198,2	—	»
118	Э, 627	»	9	198,98	—	»
119	ИМ, 47	»	9	201,4	—	См. № 108
120	Э, 511	»	9	193,32	—	См. № 8

Продолжение

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
121	Э, 512	Плоск. ст.	9	187,55	—	См. № 8
122	Э, 600	»	9	194,89	27	См. № 84
123	Э, 605	»	9	198,94	—	»
124	Э, 611	»	9	196,32	—	»
125	Э, 616	»	9	196,5	—	»
126	Э, 617	»	9	196,57	—	»
127	Э, 618	»	9	196,86	—	»
128	ИМ, 24	»	9	200,15	—	»
129	ИМ, 15280	»	9	197,15	—	Не установлено
130	ИМ, 15282	»	9	202,14	—	»
131	Э, 643	»	9	196,07	—	»
132	Э, 742	»	9	—	—	»
		Бок. ст.	5	100,12	—	»
133	Э, 886	Плоск. ст.	9	98,06	54,81	См. № 7
134	ИМ, 274	»	9+1	194,3	—	Мих. Златоверх. монастырь в Киеве, 1907 г.
135	Э, 501	»	9+1	201,2	—	См. № 44
136	Э, 598	»	9+1	197,8	9,67	См. № 108
137	ИМ, 54	»	9+1	200,4	—	»
138	ИМ, 79	Бок. ст.	9+1	196,5	65	См. № 66
139	ИМ, 75	Плоск. ст.	10	—	—	»
140	ИМ, 180	Плоск. ст.	9+1	199,12	—	См. № 96
141	Ряз. муз., 17916/5	»	9+1	204,5	—	См. № 10
142	Ряз. муз., 17916/28	»	9+1	196,0	—	»
143	Ряз. муз., 17916/31	»	9+1	203,0	—	»
144	Э, 587	»	9+1	197,78	3	См. № 4
145	ИМ, 67	»	9+1	219,7	—	См. № 5
146	ИМ, 193	»	9+1	197,75	25	Не установлено
147	ИМ, 197	»	9+1	193,1	19	»
148	Э, 562	»	9+1	206,48	—	»
149	Э, 591	»	9+1	196,36	—	д. Танеевка, Спасского уезда, Казанск. губ., 1888 г.
150	Э, 594	»	9+1	197,15	—	д. Потьма, Корсунского уезда, Симбирск. губ., 1890 г.
151	Э, 599	»	9+1	192,76	20	См. № 84
152	Э, 606	»	9+1	199,72	—	»
153	Э, 609	»	9+1	202,04	14	»
154	Э, 615	»	9+1	195,83	—	»
155	ИМ, 3	»	9+1	197,9	—	»
156	ИМ, 5	»	9+1	198,9	—	»
157	Э, 629	»	9,9+1	198,0	—	д. Четырла, Бугульминского уезда, Самарской губ., 1908 г.
158	Э, 748	»	9+1	98,29	—	Не установлено
159	Э, 514	»	10	197,03	—	См. № 8
160	Э, 544	»	10	203,8	—	Не установлено
161	Э, 592	»	10	198,74	—	См. № 150
162	ИМ, 169	»	10	198,75	—	См. № 55
163	ИМ, 170	»	10	179,25	—	»
164	ИМ, 50	»	10	199,4	—	См. № 108
165	Э, 867	»	10	195,48	7	См. № 7
166	ИМ, 194	»	10	196,5	—	Не установлено
167	Э, 607	»	10	200,76	—	См. № 84
168	Э, 608	»	10	201,17	31	»

Продолжение

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
169	ИМ, 6	Плоск. ст.	10	194,3	—	См. № 84
170	ИМ, 7	»	10	200,5	—	»
171	Э, 500	»	10+1	201,33	—	См. № 44
172	Э, 517	»	10+1	192,15	—	См. № 8
173	ИМ, 77	»	10+1,3	—	—	См. № 66
174	ИМ, 83	»	10+1	204,7	—	»
175	ИМ, 182	»	10+1	197,3	—	См. № 96
176	ИМ, 51	»	10+1	—	—	См. № 108
177	ИМ, 80	»	10+1	—	—	»
178	Ряз. муз., 17916/9	»	10	203,5	—	См. № 10
179	Э, 601	»	10+1	—	—	См. № 84
180	Э, 603	»	8 10+1	—	—	»
181	Э, 619	Бок. ст.	8	196,49	—	»
182	ИМ, 1	Плоск. ст.	10+1	196,86	—	»
183	Э, 642	»	10+1	199,7	—	»
184	Э, 634	»	10+1	200,53	—	Не установлено
185	Э, 734	»	10+1	201,2	—	»
186	Э, 755	»	10+1	96,32	—	См. № 8
187	ИМ, 126	»	10+1	100,09	—	Не установлено
				98,03	36,69	»
188	Э, 515	»	11	200,5	—	См. № 8
189	Э, 521	Бок. ст.	5	—	—	»
190	ИМ, 175	Плоск. ст.	11	225,25	—	См. № 5
191	Э, 597	»	11	207,53	1	См. № 67
		»	11,4	196,36	30	См. № 108
			11	—	—	»
192	ИМ, 81	»	11	200,0	—	»
193	Э, 595	»	11	197,59	—	С. Верхний Малый Калмаш, Уфимск. губ., 1892 г.
194	Э, 596	»	11	199,67	4	»
195	ИМ, 8	»	11; 8; 11	190,0	—	См. № 84
196	Э, 639	»	11	203,35	—	Не установлено
197	Э, 766	»	11	98,35	—	»
198	Э, 769	»	11	98,36	29	»
199	ИМ, 144	»	11+1	205,08	—	»
200	Э, 513	»	11+1	195,86	—	См. № 8
		Бок. ст.	11+1;	—	—	»
			11+1	—	—	»
201	Э, 891	»	11+1	78,91	—	См. № 7
202	Э, 504	»	12	193,96	—	См. № 44
		Плоск. ст.	7	—	—	»
203	Э, 583	»	12	195,1	—	См. № 15
204	Э, 532	Бок. ст.	14	201,47	—	Тверь, 1906 г.
205	ИМ, 49	Плоск. ст.	14	199,1	—	См. № 108
206	ИМ, 15286	»	14+1	198,13	—	Не установлено
207	Э, 735	»	14+1	105,02	—	См. № 108
208	Э, 531	»	17; 16	200,95	—	См. № 204

II. Нарезки на киевских слитках

209	Э, 458	Плоск. ст.	3	203,83	—	Не установлено
210	ИМ, 257	»	3	160,66	—	См. № 134
211	Э, 395	»	3+1	161,13	—	См. № 204
212	Э, 399	»	4	155,9	—	»
213	Э, 416	»	4	163,22	—	»
214	Э, 444	»	4; 5+1; 8	215,67	—	»

Продолжение

№ п/п	Инв. номер	Место на слитке	Число нарезок	Вес слитка	Номер надписи	Происхождение слитка
215	ИМ, 202	Плоск. ст.	6	198,3	—	Не установлено д. Задрутье, Рогачевского уезда, Могилевск. губ., 1893 г. Пронск, Рязанской губ., 1872 г. То же
216	Э, 308	Закругл. ст.	6+1	157,17	—	
217	Э, 429	»	7	213,64	—	
218	Э, 421	Плоск. ст.	7+1	207,25	—	

III. Нарезки на литовских слитках

219	ИМ, 20	Плоск. ст.	3	107,05	—	См. № 1 Софийская колония в Волинской губ., 1866 г. То же » » д. Русский Рог, Виленского уезда, Виленск. губ., 1904 г.
220	Э, 688	»	3	107,35	—	
221	Э, 691	»	4	97,97	—	
222	Э, 693	»	6	101,35	—	
223	Э, 689	»	7	102,5	—	
224	Э, 694	»	6	106,33	—	

IV. Нарезки на ладьеобразных слитках

225	Э, 661	Плоск. ст.	4	195,86	—	См. № 157 »
226	Э, 664	»	5	192,36	—	

Но что именно фиксировалось нарезками? Безусловно, это не отметки о полагающихся за литье пошлинах. Против такого значения нарезок — все то же однообразие внешнего вида и количества нарезок на слитках разного веса, вида и времени. Совершенно невозможно считать их предназначенными для обозначения пробы серебра слитков, так как в древнерусском денежном деле необходимости выяснения пробы не существовало. Считалось, что в обращении должно выпускаться только чистое серебро, получавшееся из плавки, при которой, как полагали, все сорные примеси выгорали. Даже в конце XVI — начале XVII в. «чистым серебром» называли слитки, состав которых признавался близким по чистоте к русским монетам.¹⁰² Нельзя рассматривать нарезки и как пометки о количестве серебра, излишнем или недостающем по отношению к весовой норме слитка, так как прямая связь числа нарезок с весом слитка, как указывалось выше, отсутствует.

Наиболее правдоподобным предположением о значении нарезок на слитках является высказанная И. Г. Спасским догадка о том, что нарезками фиксировали «падеж», «угар», другими словами убыль серебра при переплавке серебряного сырья в слитки.¹⁰³

В результате изучения так называемой «Торговой книги» конца XVI в. и записных книг Новгородского денежного двора за 1611—1617 гг., где вопросам литья и угара уделяется так много внимания, И. Г. Спасский установил, что убыль серебра при переплавке в слитки обычно достигала 10—14% веса сырья. Потеря части серебра в процессе производства не могла не интересоваться монетный двор, учитывалась в записных книгах и всегда принималась во внимание при расчетах со сдатчиками серебра.¹⁰⁴ «Падеж» фиксировался в записных книгах не только весом, что, казалось бы, должно было вполне удовлетворить и денежный двор, и заказчика при окончательном расчете, но непременно вычислялся еще и в «долях», т. е. выражался отношением к весу сырья, что является уже как бы обращением к области «теории» плавки.

¹⁰² И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 223.

¹⁰³ И. Г. Спасский. Русская монетная система, стр. 35.

¹⁰⁴ И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 223.

В царской грамоте 1617 г. о возобновлении в Новгороде денежного двора и о порядке производства денежного дела содержится наставление: «а сколько у кого гривенок и серебра и старых денег возмут, и сколько отдадут, и сколько золотничные и плавильные пошлины, и у обменных денег прибыльных денег будет, и сколько у плавленья у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно, порознь, по статьям, а у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей.»¹⁰⁵ Корни этого устойчивого интереса к теории плавки нужно искать в производственных традициях прошлого.

Мы не располагаем, к сожалению, документами, подобными вышеназванным, относительно времени до XVI в. Однако необходимость подсчета убыли серебра при переплавке последнего в слитки существовала, разумеется, и раньше, так как обуславливалась самой практикой литья. Угар серебра не мог не приниматься во внимание как ливцами, так и их заказчиками, ибо окончательный расчет производился в соответствии с весом серебра, сошедшего с «плавежа». Поэтому настойчивый интерес к теории плавки, в частности к величине «падежа» серебра, несомненно был постоянным и традиционным в русском денежном деле всего средневековья, а наставления о литье, изложенные в документах XVI—XVII вв., основывались, очевидно, на какой-то старой традиции. Согласно нормам арифметики XVI—XVII вв., «падеж» неизменно выражался в долях (частях) по отношению к целому, т. е. к весу сырья.

Обладая достаточно выравненным весом, слитки отливались в открытых формах, которые сами по себе не могли ограничивать количество выливаемого в них серебра. Поэтому можно утверждать, что отливка производилась из серебра, которое дозировалось и плавилось индивидуально для каждого слитка. Вес сырого металла (монет или серебряного лома) определенным образом соподчинялся с узаконенным весом слитка как общепринятой единицы. Вполне понятно, что вес готовых слитков мог оказаться ниже или выше их теоретической нормы.¹⁰⁶ Способ учета потерь серебра при плавке обуславливался данными особенностями изготовления слитков. Поэтому определение «падежа» приходилось производить, очевидно, также индивидуально для каждого слитка, взвешиванием его после отливки и сравнением с весом сырья. Чтобы учесть размер «угара», найденного делением большего числа на разность, по-видимому, наносились на слиток нарезки, как своего рода числовое письмо.

Если принять нарезки за обозначение падежа, то уже исходя из повторяемости одинаковых количеств нарезок на слитках разного веса, можно согласиться с тем, что и здесь счет шел на части и что число нарезок означает выраженный как бы дробью вес угоревшего серебра сравнительно с весом сырья, принимаемого в этом расчете за целое. Таким образом, чем больше нарезок на слитке, тем меньший угар произошел при его изготовлении и наоборот. При 10 нарезках угорела $1/10$ часть сырья, при пяти — $1/5$.

Некоторые сомнения могут вызвать только наклонные нарезки, так как не ясно, имели ли они счетное значение или лишь закрывали ряд вертикальных линий. Впрочем, какое бы понимание наклонных нарезок не предпочесть, расхождение в результатах будет незначительным.

Большинство слитков с нарезками имеет, как выше указывалось, по 7—11 нарезок. Допустив, что они обозначают выраженную в долях потерю веса, равную $1/7$ — $1/11$ части веса серебра до плавки, можно высчитать и вес угара, и вес сырья.¹⁰⁷ Если, например, слиток имеет 7 нарезок, то угар составил $1/7$ часть веса сырья, а известный вес слитка составляет только $6/7$ его.

¹⁰⁵ РИБ, т. II, СПб., 1875, стр. 341, 342, № 111. На этот документ обратил мое внимание И. Г. Спасский.

¹⁰⁶ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система, стр. 35.

¹⁰⁷ Нарезки, сохранившиеся на полтинах, были сделаны еще на целых, неразрубленных слитках. Поэтому расчет угара и сырья для полтин возможен лишь в том случае, если существует уверенность, что часть нарезок не осталась на отсутствующей половине слитка.

Если обозначить вес слитка буквой m , число нарезок — n , вес угара — x , вес сырья — y , то $x = \frac{m}{n-1}$, а $y = m + \frac{m}{n-1}$.

При угаре $\frac{1}{7}$ (14,3%) веса сырья:

номер слитка	вес слитка	вес угара	вес сырья
41	197,5	32,92	230,42
217	213,64	35,61	249,25

При угаре $\frac{1}{8}$ (12,5%) веса сырья:

85	184,55	27,37	211,92
86	200,85	28,79	229,64
79	212,0	30,28	242,3

При угаре $\frac{1}{9}$ (10%) веса сырья:

113	202,5	25,31	227,81
121	187,55	23,44	210,99
125	196,5	24,56	221,06

При угаре $\frac{1}{10}$ (9,1%) веса сырья:

189	225,25	22,52	247,77
194	197,59	19,76	217,35

Из приведенных примеров видно, что процентное выражение дробей (14,3—9,1% для большинства слитков), соответствующее числу нарезок, почти совпадает с вышеупомянутым процентным выражением угара (14—10%) для денежного дела XVI—XVII вв. Совпадение не может быть случайным и позволяет считать верным предположение, что нарезки служили для обозначения потерь серебра при литье слитков и что счет при этом велся на части.

Дозировка сырья производилась ливцами, по-видимому, в зависимости от предполагаемой ими в каждом отдельном случае величины угара. Размеры добавок сырья, необходимых для изготовления слитков теоретически нормального веса, определялись, вероятно, на глаз в зависимости от качества серебряного сырья. Для подавляющего большинства слитков они составляли от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$ их веса. Практическое определение качества серебряного сырья, несомненно, как-то фиксировалось ливцами в течение всего периода литья слитков, и, очевидно, именно на нем основывается автор вышеупомянутой «Торговой книги» конца XVI в., советовавший определенные сорта серебра принимать несколькими долями «денежного веса дешевле».¹⁰⁸

Справедливость мнения, что нарезки служили для обозначения угара серебра при изготовлении слитка, подтверждается расчетами сырья для тех слитков, которые из-за бесспорного сходства их внешнего вида могут быть отнесены к одной мастерской. Такие группы слитков встречаются во многих кладах, и объясняется это, очевидно, тем, что слиткам, как очень крупным денежным единицам, было свойственно весьма медленное обращение.

Проверкой и подтверждением происхождения из одной мастерской 11 слитков новгородского типа с надписью «ПТРВА»¹⁰⁹ являются следующие случаи совпадающего веса сырья у некоторых из этих слитков с разным весом и разным количеством нарезок:

¹⁰⁸ И. Г. С п а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве..., стр. 222.

¹⁰⁹ См. выше, стр. 60, 61.

Номер слитка	Число нарезок	Вес слитка	Вес угара	Вес сырья
55	7+1	196,87	32,81	229,68
86	8	200,85	28,79	229,64
49	7	198,02	33,0	231,02
Экз. Чап- ского ¹¹⁰	8+1	202,9	28,98	231,88
58	7+1	200,61	33,43	234,04
102	8,8+1	204,57	29,22	233,79

Аналогичные результаты получились и при вычислении веса сырья для внешне схожих слитков из нескольких других кладов:

1) Рязань, 1828 г.

44	7	203,8	32,96	236,76
53	7	202,8	33,8	236,6
45	7	195,6	32,6	228,2
93	8+1	200,27	28,61	228,88
92	8+1	195,58	27,94	223,52
171	10+1	201,33	22,37	223,70
52	7+1	193,75	32,29	226,04
135	9+1	201,2	25,15	226,35
55	7+1	192,98	32,16	225,14

2) д. Щигры, Рязанской обл., 1952 г.

36	7	199,5	33,25	232,75
141	9+1	204,5	26,62	231,12
60,64	7+1	202,5	33,75	236,25
82	8	206,5	29,5	236,0
39	7	193,0	32,16	225,16
181	10	203,5	22,61	225,61
	10+1			
25	6	202,0	40,4	242,4
63	7+1	207,0	34,6	241,6
79	8	212,0	30,28	242,28
80,81	8	200,0	28,56	229,26
143	9+1	203,0	25,37	228,37

3) д. Кадыковка, Пензенской губ., 1902 г.

84	8	197,47	28,21	225,68
107	8+1	197,7	28,14	225,14
128	9	200,15	25,19	225,34
105	8	195,97	28,28	224,25
104	8+1	196,67	28,09	224,76
152	9+1	199,72	24,96	224,68
106	8+1	195,16	28,16	223,32
108	8+1	195,64	27,94	223,58
123	9	198,94	24,87	223,81
156	9+1	198,9	24,86	223,76
167	10	200,76	22,36	223,12
168	10	201,17	22,35	223,52
125	9	196,5	24,62	221,12
126	9	196,57	24,57	221,14
127	9	196,87	24,67	221,53
182	10+1	199,7	22,19	221,81
124	9	196,32	24,54	220,86
154	9+1	195,83	24,48	220,31
155	9+1	197,9	24,75	222,65
170	10	200,5	22,27	222,77
122	9	194,84	24,35	219,19
180	10+1	196,49	21,83	218,49
151	9+1	192,76	24,09	216,85

¹¹⁰ Надпись № 102.

Подобные совпадения веса сырья у разных слитков могут быть прослежены еще во многихкладах, причем не исключено, что слитки, отлитые (судя по их внешнему сходству и одинаковому количеству пошедшего на них сырья) в одной мастерской, найдутся в разныхкладах, как слитки с надписью «ПТРВА». В целом такие совпадения служат еще одним — и очень убедительным — подтверждением употребления нарезок для обозначения угара. Наиболее интересно, что слитки, для изготовления которых бралось сырье одинакового веса, часто имеют разный вес и соответственно разное количество нарезок, зафиксировавших величину угара. Следовательно, сырье, из которого они изготовлены, будучи на самом деле различным по содержанию серебра, было ошибочно принято ливцами за сырье одинаковой степени чистоты, и ошибка выяснялась в каждом подобном случае уже после отливки слитков. Здесь сказывались, разумеется, не только просчеты ливцов в определении качества металла, но и тепловой режим плавок, отражавшийся на угаре. Более или менее точное предвидение величины угара давалось только большим опытом. В связи с этим делается понятным пристальный теоретический интерес ливцов к цифрам потерь.

Вполне понятно, что на определение пробы слитков, которое всегда в той или иной мере их калечит, можно идти только в крайне необходимых случаях. Однако следует отметить, что, как правило, чем светлее слиток, т. е. чем высокопробнее было его сырье, тем больше на нем нарезок. Слитки, имеющие всего по 3—4 нарезки (№№ 1—17, угар 33,3—25%), очень темны, почти черны; слиток с 17 нарезками (№ 208, угар 5,9%) зеркально блестящ. Зависимость между цветом слитка и количеством нарезок на нем прослеживается на всех слитках с нарезками и тоже может указывать на правильность предположения об обозначении нарезками именно угара.

За обозначение угара могут быть приняты нарезки на большинстве слитков. Сомнения вызывают лишь ряды, насчитывающие очень мало нарезок — 2, 3, 4. Не исключено, конечно, что при изготовлении слитков из предельно-низкопробного серебра угар доходил до 1/2 или 1/3 веса готового слитка. Однако малочисленность слитков с небольшим количеством нарезок позволяет думать, что в некоторых случаях ряды нарезок просто не были почему либо окончены. Так же, очевидно, следует рассматривать наличие нескольких рядов нарезок на одном и том же слитке, разных по величине (№№ 24, 34, 43, 70, 73, 83, 91, 114, 132, 134, 173, 188). Некоторые из них могли быть недописаны или зачеркнуты, например вследствие тут же обнаруженной ошибки или сомнения.

Таким образом, нарезки представляют собой пример практического употребления арифметических дробей в рабочих расчетах древнерусских ремесленников и дают в распоряжение науки вид древнерусского арифметического письма, несомненно интересный при исследовании истории математики в России, и, в частности теории дробей, до сих пор не ставший достоянием науки.

Поскольку нарезки имеются на всех видах новгородских слитков, в том числе и на ранних, сравнительно удлиненных и с ровной спинкой слитках конца XII—XIII вв., можно утверждать, что обычай отмечать потери серебра при изготовлении слитков рядами нарезок возник вместе с практикой литья слитков в Новгороде.

Что касается встречающихся очень редко нарезок на слитках киевского, литовского и ладьеобразного типов, то их, вероятно, можно рассматривать только как результат усвоения практики новгородских ливцов в других центрах изготовления слитков. Основная масса новгородских слитков с нарезками принадлежит к числу отлитых в один прием. Лишь изредка нарезки встречаются на самых старых слитках, отлитых в два приема (13 экз.), и вообще отсутствуют на так же двуслойных клейменных полтинах конца XIV — перв. пол. XV в., которыми закончилось слитковое обращение серебра на Руси. Отказ ливцов от процарапывания нарезок для обозначения потерь серебра при изготовлении слитков, очевидно, связан с появлением в конце XIV в. новой техники двойного литья,¹¹¹ которая потребовала

¹¹¹ М. П. С о т н и к о в а. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. СА. 1957, № 3.

каких то других приемов определения и обозначения угара. Потеря веса, имевшая место при изготовлении слитков, на которых нет нарезок, могла быть отмечена на одном слитке для целой группы, а также на бирках.

Нарезки на слитках делались ливцами с той же целью, что и надписи: они помогали рассчитаться с заказчиком. Нарезки позволяли ливцу обосновать перед заказчиком как вес готовых слитков, так и уменьшение веса принятого в переработку сырьевого серебра. Следовательно, нарезки имели чисто практическое значение. В то же время постоянное исследование и определение угара вооружало ливцов профессиональным опытом, знанием своего дела, умением предвидеть результаты производственных операций.

Надписи на слитках делались ливцами вслед за процарапыванием нарезок, иногда поверх последних, и содержали имена или прозвища владельцев серебра, из которого соответствующие слитки были изготовлены. Таким образом, и нарезки, и надписи являются рабочими пометками ливцов, имевшими значение только в мастерской ливца. Потребность в таких рабочих записях вызывалась необходимостью отдавать заказчику денежные единицы, изготовленные из серебра именно этого заказчика. Данная практика расчетов денежных дворов со своими заказчиками существовала в течение всего средневековья и обуславливалась характером функционирования древнерусских денежных дворов.

И. Г. СПАСКИЙ

„ЗОЛОТЫЕ“ — ВОИНСКИЕ НАГРАДЫ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Вопрос о системе воинских почетных наград, существовавшей в допетровской России, очень слабо разработан, несмотря на представляемый им высокий интерес и наличие богатого документального и вещевого материала.

Старинный русский обычай награждать за ратную службу, а отчасти и за иные заслуги жалованными монетами впервые получил освещение в «Истории Государства Российского». Н. М. Карамзин сделал первую попытку связать сообщения летописей и актов с немногими известными ему нумизматическими памятниками.¹ Вслед за Н. М. Карамзиным к вопросу об особой роли иностранных и русских золотых монет в России XIV—XVI вв. обратился С. И. де-Шодуар в его нумизматической монографии.² Но после опубликованного сто лет тому назад и безнадежно устаревшего для нашего времени труда А. Б. Лакиера³ старинный русский институт наград, за которым стоит определенная система воинского воспитания, почти не привлек к себе внимания исследователей,⁴ а «золотые» в практике собирательства и музейной работы рассматривались как монеты, хотя таковыми не являлись.

А. В. Орешников в одной из своих статей бегло коснулся наград на Руси XVI и начала XVII вв.⁵ Однако ему представлялся очень неясным вопрос о том, какие виды из дошедших до нас золотых XVI в. могут соответствовать сохранным документами названиям, и в конце концов он с некоторыми оговорками повторил мнение Н. М. Карамзина и А. Б. Лакиера о том, что «под именем золотых московок подразумевались все золотые монеты, чеканенные в Москве».⁶

В опубликованной в 1951 г. статье О. А. Яковлевой рассматривается частный и в достаточной степени особый случай награждения (ранее освещенный в названной статье А. В. Орешникова), а общие вопросы награждений в XVI в. почти не затрагиваются.⁷

¹ Н. М. Карамзин. Изд. 5-е, см. по указателю («Ключу») П. Строева: «Золотые».

² С. де-Шодуар. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, ч. I, СПб, 1837, стр. 117—122.

³ А. Б. Лакиер. О знаках отличия за службу в России до времени Петра Великого. Записки СПб. Археолого-нумизматического общества, т. II, 1850, стр. 98—125.

⁴ Посвященная «золотым» глава статьи Е. П. Карновича «Служебные, должностные и словесные знаки отличий в России» (Исторический вестник, 1885, ноябрь) ничего нового в изучение вопроса не вносит. Таков же труд полк. Николаева «Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии», т. J. СПб., 1898, стр. 162—167.

⁵ А. В. Орешников. Три памятника времени царя Ивана Васильевича Грозного. Археологические известия и заметки Московского Археологического общества, 1893, № 5, стр. 153—164. См. о нем же. Русские монеты до 1547 г. (Описание памятников и. Российского исторического музея, вып. 1), М., 1896, стр. 8—9.

⁶ АИЗ, 1893, стр. 157—158; ср. А. Б. Лакиер. Ук. соч., стр. 111.

⁷ О. А. Яковлева. Боевые награды Ивана Грозного и сына его царевича Ивана. Записки Научно-исслед. института при Совете Министров Мордовской АССР, т. 13, Саранск, 1951, стр. 238—243.

Имеющийся обширный актовый материал позволяет составить довольно ясное представление об организации наградного дела, а степень изученности русских монет XV—XVII вв. делает выполнимой задачу — разобраться в системе золотых, служивших предметом пожалования. Изучение их в связи с письменными источниками обещает интересные результаты.

Следует здесь оговориться, что «золотыми», которые в XV—XVII вв. регулярно раздавались в награду за ратную службу, вовсе не исчерпываются разнообразные формы «государева жалованья», знакомые допетровской Руси. Однако институт пожалования «золотыми» как во времени, так и в чисто организационном отношении имеет настолько определенные границы, что нет никакой необходимости ни пытаться во что бы то ни стало увязать его с какими-либо традициями домонгольской Руси, ни рассматривать заодно с ним пожалования платьем, ковшами и т. д. Какие бы ни существовали в тот или иной период традиционные виды подарков, знаков княжеской или царской милости, тянуть все их в систему государственных наград — только затемнять вопрос о золотых, а наша задача — рассмотреть именно его.

Вполне очевидной особенностью рассматриваемой системы наград является ее известное соприкосновение с монетными системами своего времени и самая непосредственная и тесная связь с монетным производством. Поэтому будет полезным кратко остановиться на тех монетах, посредством которых осуществлялось денежное обращение Руси в рассматриваемый период.

Русское денежное обращение с XIV по XVII в. не знало золотых монет, за исключением короткого периода с 1610 по 1613 г. Серебряная денга была основной, а для многих центров Руси и единственной монетной единицей до начала XVI в. После реформы Елены Глинской (1534 г.) на всей территории Русского государства обращение осуществлялось посредством серебряных монет: новгородки (копейки), московки (денги, $\frac{1}{2}$ копейки) и полушки (полденги, $\frac{1}{4}$ копейки). Со времени Бориса Годунова в обращение выпускались уже только одни новгородки.⁸

До начала XVII в. копейка-новгородка сохраняла свой первоначальный вес — около 0.68 г. В течение же XVII в. ее вес (а следовательно, и размер) уменьшился более чем в два раза и дошел к концу века до 0.28 г. Во второй половине века она была уже крохотной плечочкой серебра диаметром в 7—8 мм.

Не вдаваясь в историю возникновения приведенных выше названий монет, необходимо отметить, что для XVI и XVII вв. первые два были только названиями общегосударственных монет и не скрывали за собою ничего специфически новгородского или московского. Однако название «новгородка», встречающееся в тысячах московских документов XVI и XVII вв., в собирательской среде очень давно было неправомерно перенесено на новгородские денги XV в. (периода самостоятельности); привычка к такому пониманию «новгородки» помешала в свое время А. В. Орешникову ближе подойти к рассматриваемому вопросу. Итак, новгородка, или копейка и денга, или московка — это два вида монет Московского государства XVI—XVII вв. С обоими названиями мы встретимся ниже как с названиями наград.

Совершенно особый, чрезвычайный характер имел выпуск в обращение золотых новгородок и денег (по удешевленной цене серебряных) в 1610 г., за месяц до падения Шуйского, когда в казне вовсе не осталось серебра, а нужно было платить наемным войскам. Это вынужденное начинание примерно в течение двух лет было продолжено интервентами, перечеканивавшими на Московском денежном дворе в новгородки с именем Владислава золото царской сокровищницы и храмов, чтобы платить иноземным солдатам.⁹ Последние монеты, чеканившиеся в обложенном городе, хотя и носят русское обличье, но к русскому денежному обращению, по существу, никакого отношения не имеют и должны рассматриваться как явление чужеродное.

С 1613 г. денежное обращение снова обслуживалось только серебряными монетами, а на деле только копейками, так как денга в обращении уже почти не участвовала.

⁸ И. Г. П а с с к и й. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. МИА СССР, 1955, № 44, стр. 273 сл.

⁹ Там же, стр. 294—296.

Попытка Шуйского выпустить в обращение золотые копейки и денги была технически подготовлена тем, что в Москве на Денежном дворе уже давно производилась в особых целях чеканка золотых разных видов, отчасти повторявших привычную форму русских серебряных ходячих монет, а отчасти следовавших композиционному канону и весовой норме различных западноевропейских золотых монет. Знакомство Руси с последними и породило эту чеканку еще в XV в.

Никакие иностранные монеты в русское обращение XV—XVII вв. не допускались. Ввозившаяся в страну большими массами серебряная монета без задержки вся переплавлялась для целей монетного и ювелирного производства. Но несколько иным было отношение к иноземной (западноевропейской) золотой монете.¹⁰ Хотя она также использовалась как сырье для местного ювелирного производства, для золочения, а также и для чеканки русских золотых, часть ее сохранялась. Иностранные золотые свободно поступали на русский рынок как товар, а не как платежное средство. Из специфических функций денег им было свойственно только то, что в весьма ограниченной мере они служили средством накопления и постепенно собирались в царских и церковных сокровищницах.¹¹ Кладов золотых монет XV—XVII вв., столь обильных на Украине и в Белоруссии, на территории Русского государства мы не знаем.

Составленное в конце XVI в. руководство для торговых людей под названием «Торговая книга» содержит ряд наставлений, касающихся покупки иностранных золотых монет, и перечисляет их основные «товарные» разновидности. «Золотые имати как чистое золото. А золотой угорский тянет 10 денег с полуденгой, а корабельный тянет 3 алтына 3 денги, а португальский со крестом 17 алтын 3 денги. (Речь идет о весе золотых, который выражен в весе русских серебряных монет, — И. С.). В тех всех золотых золото ровно красное... А на товары золото емлите дороже своих серебряных денег в 10-ро; ино станет угорский золотой по 17 алтын и 3 денги, корабельный по рублю и 10 денег, португальской по 5 рублей 8 алтын и 2 денги».¹² (Здесь говорится о цене, выраженной в русских деньгах). Расчет по весу денги XVI в. (0,34 г) дает для угорского вес около 3,5 г, для корабельника — около 7,15 г и для португала — около 35,5 г; таким образом, последний равен 10 угорским.

Упоминание на первом месте угорского вполне соответствует значению, которое получил западноевропейский дукат в русском импорте золота. Для России это была основная, наиболее привычная форма, в которой поступало в страну золото. Слово «угорский» (т. е. венгерский) стало русским метрологическим термином, лишенным какого бы то ни было конкретно-государственного содержания.

Впервые основательно познакомившись в XV в. с дукатом в его итальянском и венгерском облике, русские люди перенесли ставшее привычным название «угорский» на любые дукаты, когда Венгрия в XVI и XVII вв. уступила первенство в чеканке золота другим центрам Западной Европы. Было вполне естественным называть угорскими и золотые русской чеканки, если они соответствовали весовому и качественному стандарту дуката.

Клады Украины и Белоруссии дают представление о государственном составе монет европейского золотого обращения XVI и XVII вв., в котором ведущую роль получили монеты Голландии. Особенно показателен в этом отношении знаменитый клад Киево-Печерской лавры 1898 г., в котором из 6 тысяч золотых монет было более половины голландских.¹³

¹⁰ По свидетельству Павла Алеппского, приехавшего в Москву в 50-х годах XVII в., там явно не любили восточные динары и предпочитали им западноевропейские (Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, вып. IV, М., 1898, стр. 137).

¹¹ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства середины XVII в. и реформы 1654—1663 гг. АЕ за 1959 г.

¹² Записки Отд. русской и славянской археологии Археол. общества, т. I. СПб., 1850, отд. III, стр. 117.

¹³ [А. К. Марков]. Список старинных золотых монет и медалей, принадлежащих Киево-Печерской лавре. Киев, 1899, стр. 3—32. См. также выше статью А. А. Марковой, стр. 39—43.

Вместе с дукатами на русский рынок поступало сравнительно незначительное количество двойных и тройных дукатов и еще более тяжелых золотых монет. К числу последних принадлежат корабельные (корабельники) и португалы.

В документах XV и XVI вв., чаще всего в связи с различного рода подношениями великому князю, упоминаются золотые корабельные или корабельники. Со времени С. И. де Шодуара принято было считать, что это название относится к английским розеноблям¹⁴ — большим, красивым и довольно тонким монетам весом до 7,5 г, чеканка которых начата в правление Эдуарда IV (1461—1483). Однако в Россию попадали, по-видимому, в основном не английские монеты, вывоз которых из Англии в XVI и XVII вв. постоянно встречал препятствия в английском законодательстве, а подражания розеноблям, чеканенные на континенте, преимущественно в Нидерландах, с такими же изображениями, как на английской монете, — розой на одной стороне и ладьей со стоящим в ней королем на другой.¹⁵ Помимо подражаний, полностью повторявших тип и легенды оригинальных английских монет, на континенте в ряде государств чеканились и собственные монеты с аналогичными изображениями.

Изображение корабля находится и на английских монетах меньшего веса — половинных розеноблях и (в сочетании с другим изображением) на энджелсах, но их Россия, вероятно, почти не знала; для нее корабельниками были только монеты, названные в «Торговой книге», весом около 7,15—7,5 г. Таким образом, и «корабельный» стал в России вполне четким метрологическим понятием.

В XVI в. в России появляются португалы — крупные золотые монеты, по-разному кратные дукату (в десять, пять и два с половиной угорских). Первоначально они выпущены в Португалии королем Эммануилом (1521—1577), а затем чеканились в ряде государств Европы: в Швеции (1569—1592), в Дании (1591—1607) и др. «Торговая книга» свидетельствует, что для России португалом был только золотой в 10 дукатов — угорских.

Корабельники и португалы были высокоценной и редкой по сравнению с дукатами монетой. Основную массу ввозимого в Россию XVI—XVII вв. золота составляли последние.

Великий князь Василий Иванович, посылая в 1490 г. посольство за границу, наказывал привезти золотые «венедитские» (венедианские) и «угорские».¹⁶ В Эрмитаже хранится старейший угорский «московского дела» — уникальный золотой Ивана III. Он повторяет тип угорского XV в. настолько, что на нем сохранены даже герб Венгрии и изображение св. Владислава, и только русские надписи — имена князя и наследника отличают его¹⁷ (табл. I, I). Даты на нем нет, но подобные золотые, вероятно, уже чеканились в 80-х годах XV в., так как известно, что в 1484 г. Иван III посылал в Валахию задержавшимся там по дороге в Москву двум фряжским мастерам «поминок» по золотому московскому. В документе поясняется, что золотые предназначались «на протор»¹⁸ и, следовательно, посылка в данном случае имела более практический, чем почетный характер. Но основное назначение русских золотых было иным, и в позднейших документах мы встречаемся с ними только как с почетными знаками.

Именно ко времени Ивана III восходит первый известный нам случай почетного княжеского пожалования «золотыми» за ратные подвиги. Возможно даже, что чеканка золотых по типу угорского была уже вторичным явлением, пришедшим вслед за чеканкой золотой денги. В привычной русским мастерам технике (чеканка на расплюсненном обрезочке проволоки), повторявшей тип, вес и размер русской ходячей серебряной монеты, гораздо естественнее было начать производство русских золотых, делая из одного угорского несколько

¹⁴ С. де-Шодуар. Ук. соч., стр. 60.

¹⁵ A. Thompson. Continental imitations of the rose noble of Edward IV. The British numismatic Journal, 1947, т. XXV, (3-я серия, т. V., ч. II, 1948), стр. 183, сл.; он же. Elizabethan reals and their Dutch imitations 1584—1592. Numismatic Chronicle, 6-я серия, т. I, 1941, стр. 139—168; см. также: F. Sgrötter, Wörterbuch der Münzkunde. Berlin, 1937, «Rosenoble».

¹⁶ Карамзин, т. IV, примеч. 342.

¹⁷ Н. П. Лихачев. «Московский золотой». АИЗ, 1897, №№ 7—8, стр. 209—214.

¹⁸ Сборник и. Русского Исторического общества, т. 41, стр. 43.

денег. Затем уже и сами угорские и другие более крупные золотые западные монеты вызвали вполне понятное в обстановке религиозной нетерпимости и недоверия к «фряжскому» искусству желание поставить производство подобных им русских знаков, несущих на себе имя князя и отечественные эмблемы.

Частное применение золотые имели также в обряде княжеских, а потом царских венчаний. В определенный момент церемонии специально назначенные лица осыпали князя золотом и бросали монеты народу. Своего рода пожалованием были посылки от князей и царей золотых к особо чтимым иконам в качестве привесок.

В 1469 г. ходившая на Казань Устюжская судовая рать пробилась, преодолев все препятствия, к Нижнему, и оттуда «бить челом посылали великому князю, чтоб пожаловал, и князь великий послал двжды по денге золотой, они обе денги попу Ивану, кой с ними под Казанью был, отдали, а велели бога молити о государе и всем его воинстве». ¹⁹ Если бы не упоминание о попе Иване, можно было бы предположить, что текст летописи подвергся искажению. Принимая во внимание постоянно массовый характер подобных пожалований впоследствии, награждение целой рати одной денгой кажется странным, но сообщение это особенно важно не только потому, что оно первое для нас, но и потому, что уже в нем идет речь о жалованье целой рати, хотя бы оно состояло всего из одной денги. Именно таким остается основное содержание жалованья в течение нескольких веков.

Сохранились сведения о раздаче жалованных золотых Василием III в Смоленске в 1514 г. присягнувшим ему смолянам. Позже, когда смоленские князья и паны изменили, воевода князь Шуйский на виду у призванного ими войска Константина Острожского перевешал изменников на стенах города: кто чем был пожалован, воевода «того с тем и повесил» ²⁰.

Ко времени Грозного относится целый ряд сообщений о наградах войску; они свидетельствуют, что своеобразный русский институт ратных пожалований в это время был вполне сложившимся и традиционным. В 1551 г. было послано для раздачи войску большое число золотых к Шигаю и его воеводам по окончании постройки Свяжской крепости. ²¹ Такие же посылки имели место в 1558 г. к Д. Вишневецкому с дьяком Ржевским за поход на крымцев, в 1559 г. окольничему Д. Адашеву за поход со стрельцами и украинскими казаками по Днепру в Крым. Тогда же были посланы золотые в Коломну к воеводам И. П. Федорову, В. А. Бутурлину и В. М. Троекурову за отражение набега крымцев. В 1560 г. была посылка в Казань к воеводе И. Ф. Мстиславскому, его помощникам и «тем татарам, которые прямо служат» ²².

Многочисленные награждения за Ливонскую войну открываются посылкой золотых для участников взятия Алыста-Мариенбурга в 1560 г. ²³

Большое число награждений известно от 1564 г. Князь В. Прозоровский и Ф. Третьяков донесли о приходе отряда П. Сапеги под Чернигов: «...они литовских людей от города отбили и многих... побили и знамя сапегино взяли. И послан к ним с золотыми и с речью Яков Шетнев, а послано с ним по золотому». ²⁴ А. Басманов и его сын Федор сообщили из Рязани об успешных действиях против крымских татар; «с речью и с золотыми» был послан к ним князь П. Хворостинин. ²⁵ Псковские воеводы сообщили, что Василий Бутурлин совершил успешный поход «в литовские места», привел языков и полон; «с золотыми послан»

¹⁹ Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до 1598 года (Архангелогородская летопись), М., 1819, стр. 172—173.

²⁰ Карамзин, т. VII, стр. 41 и 44; Архангелогородская летопись (изд. 1819 г.) стр. 221—222.

²¹ Карамзин, т. VIII, стр. 77.

²² Там же, стр. 179, прим. 554; стр. 181, прим. 564; стр. 134, прим. 396.

²³ Там же, стр. 186, прим. 578.

²⁴ ДРВ, изд. 2-е, ч. XII, 1790, стр. 355—356.

²⁵ Там же, стр. 356.

к нему Н. М. Бутурлин,²⁶ — следовательно, не для одного Василия Бутурлина, но и для других участников похода.

В упомянутых выше статьях А. В. Орешникова и О. А. Яковлевой рассматриваются личные боевые награды Грозного и царевича Ивана как участников первого ливонского похода — золотая цепь первого и золотой второго, переданные ими к иконе в новгородский Знаменский собор.²⁷ Сами награды не сохранились и известны только по уцелевшим пластинкам с соответствующими надписями. Весьма вероятно, что «цепь» состояла из цепи и висящего на ней золотого. А. В. Орешниковым приведена запись из «Разрядной книги» об одном награждении в 1577 г. во время второго Ливонского похода: «...и государь за ту службу Богдана (Бельского, — И. С.) пожаловал золотой португалской да цепь золоту, а Деменши Черемисинову золотой угорский, а дворянам государевым по золотой ноугородке, а иным по московке золотой, а иным по золоченой, а з золотыми приезжал Фома Афанасьевич Бутурлин».²⁸

Н. М. Карамзиным отмечены два пожалования в 1580 г.: золотые были посланы за защиту Смоленска Д. Ногтеву и Ф. Масальскому и за успешный поход под Оршу, Шклов и Могилев ржевским воеводам.²⁹ В 1582 г. посылаются золотые Д. Хворостинину и другим воеводам за поражение шведов у села Ляличица за Невой.³⁰

Особый характер имело государево жалование за «полонное терпение» вернувшимся на родину в 1552 г. после многолетнего плена боярину князю М. Булгакову — золотой и сыну боярскому Селеховскому — денга золотая.³¹

Для понимания природы старинных наград важны отраженные в Разрядах местнические дела о золотых. В 1562 г. «писал к царю и великому князю Замятня Сабуров, пожаловал бы государь за службу; прислал к боярину князю Дмитрию Хилкову золотой, а ему (Сабурову, — И. С.) да Володимеру Карпову двум золотой (т. е. по 1/2 золотого, — И. С.), и ему князя Дмитрия меньше быти невместно...» Карпов тоже был недоволен: «...а Володимер Карпов ползолотого не взял, а писал... что б его государь пожаловал, прислал ему золотой, а написано наперед Замятне Сабурову, и ему в меньших быти не мочно... И царь... к Володимеру Карпову писал: то он чинит не гораздо, дати ему меньше Замятни пригоже и ползолотого ему у Замятни государь велел взяти».³²

Для правящей верхушки Московского государства воспитанное вековой традицией представление о специфическом почетном значении золотых нашло масштаб в их величине и весе. Конфликт, возникший между царем Федором и английской королевой Елизаветой показывает, что и царь находился во власти таких представлений.

Существо дела видно из письма Б. Ф. Годунова к королеве: «...посол твой (Д. Флетчер, — И. С.) привез от тебя от государыни ко государю нашему, ... поминки золотые и в полы золотой и в четверть золотого и в денгу золотого, и такие поминки меж вас, великих государей, преж сего не бывали, и государь наш... тех поминок имать не велел...»³³

Вернее всего, что королева посылала в качестве маленького знака внимания набор своих довольно изящных золотых монет, от соверена до четверти энжеля, присоединив к ним, быть может, и миниатюрную свою портретную медаль, какие тогда были в моде³⁴ (именно такая медаль может подойти по весу к денге). Отказ царя принять поминок вызвал полную взаимных обид трехлетнюю переписку, в которой обе стороны не в силах были понять друг друга, так как совсем по-разному смотрели на один и тот же предмет.

²⁶ Там же, стр. 376.

²⁷ АИЗ, 1893, стр. 153; см. также: О. А. Яковлева. Ук. соч.; Карамзин, т. IX, пр. 465.

²⁸ АИЗ, 1893, стр. 154.

²⁹ Карамзин, т. IX, стр. 185, 186—187, прим. 553.

³⁰ Там же, стр. 244.

³¹ СИО, т. 59, стр. 355—356.

³² ДРВ, ч. XII, стр. 321—322.

³³ Ю. Голстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553—1593 (документы). СПб., 1875, стр. 358.

³⁴ См. E. N. A. W. K. i. n. s. Medallie illustrations of the history of Great Britain and Ireland, т. I, стр. 182—183, № 185.

В августе 1590 г. королева писала Федору: «Из государской нашей любви и приязни к вам, наш любезный брат, мы повелели послать к Вашему высочеству прелестный подарок (a delectable present)... Теперь когда мы уразумели желания вашего величества, мы знаем, что подарок этот был не удовлетворителен; однако же он не был до такой степени ничтожен, чтобы и менее ценные подарки не пересылались между государями. Если бы в. в. когда либо прислали нашему высочеству подарок ценою в десять раз дешевле, и не хуже нашего отделанный, наше государское величество приняли бы его не из за самой вещи, но из уважения к превосходству того, кем она подарена...»

Но все было напрасно, и в июле 1591 г. Федор продолжал свое: «относительно подарков, привезенных твоим посланником, они были не таковы, какие следовали, и мы с нашей стороны когда будем отправлять своего посланника, также уменьшим наши подарки...»³⁵

В 1591 г., вскоре после набега крымцев, в Серпухов приехал с золотыми стольник И. П. Юрьев «да подал князю Мстиславскому, да конюшему боярину и дворовому воеводе Б. Ф. Годунову государево жалованье золотые португальские, а иным бояром и воеводою и окольными и всей рати в два золотых корабельных, а иным корабельные, а иным в полтора угорских, а иным угорские по росписи». ³⁶ Поскольку корабельный здесь больше, чем полтора угорских, значит имеется в виду розенбуль, и метрологически задача монет может выглядеть примерно следующим образом: португалы по 10 угорских, т. е. по 34 г; двойные корабельные по 15 г; корабельные по 7,5 г, полтора угорских по 5,2 г; угорский 3,4 г. Золотые этой раздачи образуют довольно сложную систему, однако можно думать, что перечислены не все виды наград и не названы золотые, посланные для простых ратников.

Не следует принимать на веру иностранные названия наград; однако о золотом Ф. И. Мстиславского известно, что это, действительно, была португальская монета. ³⁷

Несколько раньше золотой был послан царем Федором Ивановичем думному дворянину М. Безнину, отряд которого нанес поражение крымцам на Оке. ³⁸

Ко времени Федора Ивановича относится запись Флетчера о русских воинских наградах, особенно важная в том отношении, что в ней говорится о ношении награжденными почетных знаков на одежде. «Тому, кто отличится храбростью перед другими, или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением св. Георгия на коне, который носят на рукавах или шапке, и это почитается самую большую почестью, какую только можно получить за какую бы то ни было услугу». ³⁹

Судя по описанию, Флетчер имеет в виду золотые новгородки, так как только на них находилось изображение царя-всадника с копьем, которое англичанину легко было принять за изображение св. Георгия. ⁴⁰ На червонцах Федора Ивановича, в отличие от чеканки других государей, помещалось также изображение царя на коне, но без копыя и со скипетром в руке; всадник, изображенный на московках, имеет в руке саблю.

Царь Борис Годунов за бой с войсками Лжедмитрия близ Добрыничей 21 января 1605 г. посылал с золотыми князя Д. И. Мезецкого; воевода В. Морозов золотого не взял, считая себя обиженным по сравнению с другими. ⁴¹

Нарушая несколько хронологическую последовательность, упомянем здесь неудавшееся награждение царем В. Шуйским в 1606 г. отряда боярина Воротынского, действо-

³⁵ Ю. Толстой. Ук. соч., стр. 382, 374.

³⁶ Карамзин, т. X, стр. 90, прим. 270.

³⁷ См. В. П. Семенов. Россия, т. II, стр. 292.

³⁸ Карамзин, т. X, стр. 33.

³⁹ Д. Флетчер. О государстве Русском. б/г, б/м (статья из ЧОИДР 1848 г., кн. 9, уничтоженная цензурой), стр. 54. О чеканке золотых в Москве в начале XVII в.; см. также: «Сказания современников о России», т. III, стр. 87 (Маржерет) и ЧОИДР, 1866, т. II, стр. 222 (Петрей).

⁴⁰ В середине XVII в. некоторые жившие в Москве англичане считали, что изображение св. Георгия на щитке в центре русского государственного герба (на груди орла) и на русских монетах обязано своим происхождением тому, что королева Елизавета будто бы когда-то прислала Ивану Грозному знак ордена Подвязки. (См. С. Коллинз. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. ЧОИДР, 1846, т. I, стр. 17).

⁴¹ Карамзин, т. XI, стр. 98—99, прим. 285.

вавшего против И. Болотникова близ Ельца: посланный с золотыми встретил победителя и его войска в паническом бегстве.⁴²

Особенно большую ценность для изучения наград XVI—XVII вв. представляют опубликованная полностью Раздаточная книга с подробными записями о государевом жалованье участникам защиты Новгорода-Северского от литовских людей в 1605 г.⁴³ и Приходо-расходная книга Разряда за первые годы правления Михаила Федоровича.⁴⁴

Первая дает живую картину проведения раздачи наград на месте специально посланным от Разряда лицом. Кроме раздачи золотых, в книге записана и дача всем награжденным иного вида жалованья — «дорогов, и тафт, и сукон и денег». Последнее стоит подчеркнуть, поскольку это обстоятельство особенно наглядно показывает, что дача золотых ни в какой мере не имела характера денежной дачи.

По приезду в Новгород-Северский стольник П. Чюмаков лично вручил по золотому в 5 угорских воеводам боярину Н. Ф. Трубецкому и окольникему П. Ф. Басманову и по золотому угорскому еще двум воеводам, а остальное жалованье «по государеву указу» раздавали уже оба старших воеводы в присутствии Чюмакова. При этом им было дано право делать некоторые изменения в привезенной Чюмаковым росписи. Так, например, выдав одному голове и дьяку «по золотому по московскому», они сверх росписи дали золотой, предназначенный отсутствовавшему в момент раздачи голове Данилову, другому голове — Биркину, а для стрелецкого головы Дурова позаимствовали золотой у одного из названных выше младших воевод. Московским золотым здесь назван золотой в $\frac{1}{2}$ угорского.

«По золотому вполю московского» (т. е. в $\frac{1}{4}$ угорского) получили четверо голов, а по денге золотой десять стрелецких сотников,⁴⁵ причем десятая была дана тоже сверх росписи, — она оказалась у Чюмакова в результате просчета. Сотника Зиновьева в росписи заменили Алымовым, а предназначенную Алымову золоченую новгородку отдали Зиновьеву. 163 детям боярским, 185 московским «первым» стрельцам, и 53 новгород-северским пушкарям и затинщикам дали по золоченой новгородке. Стрельцы московские «последние» (из тех же рот, что и «первые») получили 78 золоченых денег; та же награда досталась 175 новгород-северским и белевским казакам и 42 новгород-северским стрельцам.

Сверх росписи воеводы роздали 14 золоченых новгородок и 15 золоченых денег пушкарским, казацким и стрелецким детям, «которые государю служили», и дали по золоченой новгородке чернецу Спасского монастыря Ферапонту да двум бортникам дворцовых сел, «которые государю служили и из пушек стреляли». Таким образом, воинскую награду могло получить и духовное лицо. Последним в списке пожалованных значится доброволец-разведчик «слепой старец (нищий, — И. С.) Васка, который ходил к литовским людям».

После подведения итога у Чюмакова остались «с запасными» 145 новгородок и 225 московок золоченых. Запас и давал возможность производить раздачу «сверх росписи». Кроме того, судя по раздаче «вещевого» жалования и денег, некоторые из числившихся в росписи умерли от ран и по другим причинам после осады; за некоторых получили ткани и деньги вдовы, но почетные знаки им не отдавались. Это обстоятельство особенно подчеркивает персональный, воинский характер наград и отграничивает почетную награду от денежных дач.

Отчетность по раздаче проходила по «Десятне раздачи бояром золотых Московского розряда». В Разряд были сданы раздаточные книги и оставшиеся за раздачей новгородки и московки, а ткани и деньги в Новгородскую четь.⁴⁶

«Раздаточная книга» завершала делопроизводство по отдельному награждению. «Приходо-расходная книга золотых и золоченых денег в Розряде» за 7121—7127 гг. дает наи-

⁴² Карамзин, т. XII, стр. 20; см. также стр. 32 и прим. 122 (Награждение боярина Романова за сражение с войсками Болотникова у Калуги).

⁴³ АМГ, т. I, 1571—1634, № 42, стр. 66—72.

⁴⁴ РИБ, т. XXVIII, стр. 753—810.

⁴⁵ О награждении одного из них — А. П. Ртищева — см.: Н. Н. К и ш к и н. Родословные разведки, т. I, стр. 161.

⁴⁶ АМГ, т. I, стр. 66—72.

более полное представление о практике наградного дела в целом, каким оно было в начале XVII в. Она содержит записи о 32 групповых награждениях, имевших место с июня 1613 г. по март 1619 г. Некоторые дополнительные сведения имеются также в общих приходо-расходных книгах Разряда за те же годы.⁴⁷ За пять лет по Разряду была назначена 33871 награда, причем награждения воевод и прочего начальства золотыми от 10 от $\frac{1}{4}$ угорского составляют только 620 единиц, а все остальные награды были золотыми и золочеными новгородками и московками, достававшимися основной массе ратников — дворянам, казакам, стрельцам и другим. За семь месяцев 1613 г. произошло 4 награждения; за весь 1614 — тоже 4, за 1615 — 10, за 1616 — 2, за 1617 — 4 и за начало 1619 — 3 награждения.

Жалованье 1613 и почти всего 1614 г. в своеобразном аспекте показывает безысходную нужду, которую испытывала казна разоренного государства. Именно к этим годам относится попытка ввести новый вид награды — обыкновенную «белую» копейку. Все другие награды в эти годы в сравнении со сложившимися ранее нормами получили более высокое значение; золотая новгородка служит наградой для сотенных голов, а для воевод высшая награда — угорский. Лишь с конца 1614 г. намечается оживление наградного дела в смысле большей его массовости и применения более широкого набора разных наградных знаков, которые надолго закрепляются за определенными прослойками войска. Данные этой книги сведены ниже в таблицу (стр. 102—105). Следует иметь в виду, что записи №№ 9, 13, 14 и 16 относятся к ранее начатым наградным делам. Мы ограничимся более подробным изложением только одного дела.

В апреле 1615 г. воевода князь Б. М. Лыков и стольник И. В. Измайлов да дьяк Б. Ильин донесли царю об успешных действиях их отряда в январе—апреле того же года.⁴⁸ Под их началом были не только русские ратники и казаки, но и рота «литвы», рота немцев и отряд романовских и юртовских татар. Борьба велась против «разорителей крестьянских» — отряда З. Заруцкого на территории Юрьевец-Польского уезда. В стычках, преследованиях и осадах было перебито, а порою и пожжено в избах много врагов, когда они не желали сдаваться, брались языки, пленные и трофеи — знамена, литавры, набаты, трубы и сурны.

По докладу Разряда царь указал «послати со своим государевым жалованьем з золотыми к боярину и воеводам, ко князю Борису Михайловичу Лыкову с товарищи, и к стольникам, и к головам, и к дворяном, и к детям боярским, и ко всяким ратным служилым людям стольника Прокопия Измайлова», однофамильца и, вероятно, родственника одного из воевод, что можно наблюдать и в других случаях награждений.⁴⁹

2-го июля для «посылки» взято «от денежные разделки» 1 золотой тройной (для боярина), 1 двойной (для стольника), 31 «золотых московских в четверть золотого угорского», 4 золотых новгородки и 1444 московки, золоченых новгородок 35 и московок 87. «Московские золотые» ($\frac{1}{4}$ угорского) назначены перечисленным поименно еще двум стольникам, дьяку, 22 головам сотенным, двум немецким капитанам — «шкоцкому и эрляндскому», двум ротмистрам, немецкому и литовскому, и двум татарским мурзам. Золотые новгородки пожалованы казачьим атаманам, также названным по именам. Названы и три есаула, награжденные золотыми московками. Остальные золотые московки расписаны без имен числившимся в сотнях 15 жильцам и 1097 дворянам и детям боярским разных городов; только последние и названы. Еще 87 золотых московок определены «литве», 125 немцам, 132 татарам. Золоченые новгородки назначены 35 казакам, а такие же московки — 87 стрельцам и охочим людям.

⁴⁷ РИБ, т. XXVIII, стр. 280, 509—510, 679—682.

⁴⁸ См.: Книга сеунчей 123 г. Временник МОИДР, 1849, кн. IV, отд. 2-е, стр. 67. Сеунчем приезжал Селуян Васильев, получивший в награду чарку в 3 рубля и 8 аршин камки доброй ценой в 6 рублей (там же). В названной книге отражено и несколько других награждений конца 1614 и 1615 гг. (по октябрь).

⁴⁹ 18 июля в знак государевой милости боярину и воеводе Б. М. Лыкову была назначена шуба «камка бурская розные шолки на соболех» ценою 87 рублей 22 алтына с денгой (там же, стр. 8).

30 июля стольник Измайлов представил в Разряд раздаточные книги и не врученные золотые — 1 двойной, 17 московских (в $\frac{1}{4}$ угорского), 926 золотых московок, 7 золоченых новгородок да 26 московок и объяснил, что многие сотни оказались в отсылке, да и весь отряд при нем спешно снялся и пошел под Москву на воров-казаков. Думные дьяки приказали произвести раздачу оставшегося жалованья на месте в Москве.

Далее в книге следуют на этот раз полные поименные списки московской раздачи, снова с разбивкой по городам и иным названным выше группам, кончая татарами. Остаток после раздачи — 5 московских золотых, 433 московки золотых и 7 новгородок да 26 московок золоченых отданы в Денежный стол. Наградная операция закончилась.⁵⁰

Так же тщательно, с именными списками или с упоминанием об имеющихся росписях оформлялись и другие награды независимо от того, награждался ли небольшой отряд в несколько десятков человек или многотысячная рать.

Изучение Книги показывает, что начало каждому наградному делу клало полученное с сеунчем-гонцом донесение воеводы, которое являлось своего рода представлением к награде или, как мы бы сказали теперь, «наградным листом». В нем излагались ход боевой операции и ее результаты; показывался ущерб, нанесенный противнику, назывались трофеи и давалась оценка мужеству и стойкости воинов. «А зелья да и свинцу от многих приступов у них в городе не стало и он деи Степан (воевода С. Ушаков, — И. С.) со всеми служивыми и жилецкими людьми выходили на выласку и с литовскими людьми бились коротким боем, з города кольем да камнем, а в рове копыи да ножи резались...» — записано о защитниках города Михайлова, отразивших длившиеся две недели непрерывные приступы отряда «литовских людей», т. е. запорожских казаков под командой гетмана Петра Сагайдачного.⁵¹

К донесению прилагался список участников, поименный для начальства, обобщенный для ратников. На основе его в Разряде составлялась наградная «роспись», подбирались комплект наградных знаков и дело докладывалось царю. Обычно оно утверждалось, и в некоторых случаях сам царь назначал лицо, соответствовавшее важности случая по родовитости и чину, для посылки с золотыми и «речью», а порою и давал от себя, «сверху», золотые. Посылаемому вручался подготовленный в Разряде текст «речи». Но иногда дело останавливалось; так, например, не последовало указа на посылку в Калугу (1613 г.) 2200 золоченых московок.⁵² В августе 1617 г. посылка в Дорогобуж к уже награжденному ранее в апреле и мае 1617 г. воеводе князю Ю. А. Сулешеву комплектовалась дважды, но золотые так и не были отосланы за неполучением указа.⁵³

В Разрядной книге 1617 г. среди других дел подробно изложено прохождение первого и второго награждения войска Сулешева. (Приезд сеунча-гонца отмечался в особой книге, где отмечались и выданные лично ему награды — обычно ковш или чарка, деньги и другие вещи). В Книге излагалось содержание воеводского донесения, затем вписывался указ о посылке назначенного царем лица «з жалованым словом и з золотыми», и наконец подробный наказ посылаемому, содержащий все слова, которые он должен был «молыти», спрашивая награждаемых о здоровье от имени царя, и полный текст «речи», произносимой перед вручением золотых.⁵⁴

Речь приходилось произносить не менее двух раз, так как сперва награждались только воевода «с товарищи» — младшим воеводой и дьяком, а после этого уже спрашивались о здоровье, выслушивали речь и награждались остальные. При раздаче наград за разгром отряда полковника Чаплинского под Дорогобужем отряд Сулешева был разделен на две группы. Сперва награды вручались «стольникам и стряпчим и дворянам московским и мурзам и капитану и жильцом и головам и дворяном и детям боярским разных городов», а уже после них — «иноземцом литве, и немцом и сотником стрелецким и атаманом и ясаулом и

⁵⁰ РИБ, т. XXVIII, стр. 765—767.

⁵¹ Там же, стр. 802—803; см. «Повесть об осаде г. Михайлова» («Киевская старина», 1885, декабрь), стр. 684—689.

⁵² РИБ, т. XXVIII, стр. 745, 753, 798.

⁵³ Там же, стр. 679—680, 681—682.

⁵⁴ Временник МОИДР, кн. III, М., 1849, отд. 2-е, стр. 17—24.

НАГРАЖДЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ РАЗЯДОМ С ИЮНЯ 1613 г. ПО МАРТ 1619 г.
(Курсивом обозначено количество знаков, о вручении которых нет сведений)

№ п/п	Посылки на места и выдачи в Москве	Золотые										Золоченые		Белая ново-родка	Примечание					
		Золотые										ново-родка	мос-ковка							
		10	6	5	4	3 1/2	3	2 1/2	2	1 1/2	1					1/2	1/3	1/4		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
1	1613 г. 12 июня.	В Елец к воеводе Ф. Со- ковину										1			7	5	58	2028		Стр. 755
2	17 июля.	В Ливны к воеводе Г. Колтовскому, за осадную службу									1				3	43	335	20	130	Стр. 755— 756
3	30 июля.	В Карачев к воеводам князю Д. Долгорукому и др.									3	1			15	65	16	80		Стр. 756
4		В Рыльск к воеводе П. Воейкову									1				10	42	25	16		Стр. 756
5	1614 г. 6 марта.	В Путивль к воеводам князю Т. Мещерскому и др. «за Синетскую и за Логвицкую службу 122 г.»									2				1	9	44		8	Стр. 757
6		В Новгород Северский к воеводе М. Борятин- скому «за Гомскую службу 122 г.»									1				1	5	51			Стр. 758
7	27 октября.	В Тихвин к воеводе кня- зю С. Прозоровскому								1	2				14	10	267	79	1040	Стр. 758— 759
8	15 декабря.	Под Старую Русу каза- кам																	1086	
9	1615 г. 6 марта.	В Новгород-Северский к воеводе М. Борятин- скому «за Литовскую за Гомскую службу»										1				5	51			Стр. 759
10	13 марта.	В Путивль к голове Юрию Безубовцу «за Литовскую службу»										1			1	9	44			Стр. 759

11	1615 г. 18 апреля.	Под Старую Русу за оборону Рамышевского острожка ратным людям										12	637		Стр. 760	
12	Без даты.	Ратным людям за бой с Борой мурзой на Олонце										5	49		Стр. 760	
13	24 апреля.	В Тихвин, для отсылки казакам, которые были на Олонце										5	1	70	Стр. 760	
14	»	Выдано в Москве участникам Олонецкого дела и Рамышевской обороны 1614 г.					1					3			Стр. 760—761	
15	28 февраля.	Отдано в Торопецкую посылку					5					8	135	54	Стр. 761	
16	С апреля по июль	Участникам дела на Олонце и Рамышевской обороне 1614 г. Выдано в Москве и разослано в Рамышевский острожек, под Новгород и в Тихвин				2	3	3				31	123	2090 284	89	Стр. 765 и 766
17	2 июля	В Юрьевец Польский к воеводам князю Б. М. Лыкову и др. для участников преследования отряда Заруцкого. Не врученные на месте знаки раздавались потом в Москве													Стр. 768—776	
18	Не указано	Послано в Торопец и роздано в Москве за оборону Торопца в декабре 1614 г.													Стр. 778—779	
19	»	Послано в Невель													Стр. 780	
20	26 сентября.	В Болхов к воеводе С. Волынскому за осадное сиденье против Лисовского													Стр. 779	

Продолжение

№ п/п	Посылки на места и выдачи в Москве	Золотые													Золотые		Золоченые		Белая новгородка	Примечание
		Золотые										новгородка	московка	новгородка	московка					
		10	6	5	4	3 1/2	3	2 1/2	2	1 1/2	1					1/2	1/3	1/4		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
21	1615 г. 10 ноября. В Лихвин к Ф. Стрешневу, за службу и за осадное сиденье									1					7		31	45		Стр. 780—781
22	24 ноября. В Брянск к воеводе П. Воейкову за осадное сиденье									1					9	104	64	430		Стр. 781
23	7 октября. В Новгород Северский к воеводе Ф. Волынскому и к ратным людям									1					17	49				Стр. 782
24	1616 г. Январь. В Псков к воеводам В. П. Морозову и др. за осадное сиденье	1							1	1	8			16	400 95	200 55	1000 65	3400 1676		Стр. 783—784
25	Со 2 февраля по 20 марта. Послано в Дорогобуж к боярину князю И. М. Воротынскому «с товарищи» и к воеводам князю И. А. Хованскому и др. и роздано в Москве								1	1	15			85 9	78	747 103	4253 15			Стр. 789—792, см. 780
26	1617 г. Апрель. Послано в Дорогобуж к воеводе Ю. Я. Сулешову и выдано в Москве за разгром отряда полковника Вишля								1	2	1					120	140			Стр. 793—794 и стр. 681
27	27 мая. Послано в Дорогобуж за разгром отряда Чаплинского								1	1	12 11			208 31	194 42	984 920	2247 2247			Стр. 794—796, 682, см. стр. 680, 682
28	29 ноября. В Можайск к боярину и воеводе князю Б. М. Лыкову за разгром отряда Резицкого и Оноровского в с. Олешне						3		1	1	1	8				710	370			Стр. 798—799
29	2 декабря. В Белую, к воеводам Б. Хилкову и И. Благову за взятие воровских								1	1	3					9	503			Стр. 800

30	1618 г. 30 июля.	острожков в Понизовской волости Дано в Москве борисовским осадным сидельцам и воеводам князю Б. М. Лыкову и др.	1	2	1	8	6	200	39									Стр. 801—802		
31	11 сент.	Послано в Михайлов к воеводе С. Ушакову за двухнедельную защиту города в августе 1618 г.	1	1		9	10	2	470									Стр. 801—804		
32	11 сент.	В Можайск к воеводе Ф. Волюнскому за оборону города от королевича со многими польскими, литовскими и немецкими людьми с июня по сентябрь 1618 г., по росписи и по усмотрению воеводы. Отдельные дачи — на Москве.	1	2	2	47	19	1049	118									Стр. 804—807		
33	В декабре.	В Ярославль к воеводе И. Б. Черкасскому «с товарищи» за разгром поляков у села Ильинского в ноябре 1618 г. отрядом И. Бутурлина.	1	2		15		2000										Стр. 807—808		
34	1619 г. Январь.	Государев указ послать в Галич к воеводе князю И. Дашкову... и ко всяким ратным людям золотые за отражение приступов черкасов с 22 ноября по 5 декабря 1618 г.	Сведений нет																Стр. 808	
35	Март.	В Ярославль к воеводам И. Б. Черкасскому и др. за преследование и уничтожение вражеских отрядов в Белозерском уезде и близ Устюжны	1	2		5			1345									Стр. 809—810		
36	Без даты.	В Зарзаской городок к воеводе В. Коробьину за поражение черкасов		1														Стр. 802		
Всего назначено к раздаче.....			1	2	1	2	1	5	3	22	7	23	97	47	409	1277	8404	13246	10186	138
Не было вручено (возвращено в Разряд).....								1	1	3	1	16	14	46	158	1563	758	1702		

романовским и темниковским и касимовским татаром и казаком и стрельцом московским и украинских городов».

После почетного вопроса о здоровье каждый раз повторялась одна и та же речь, лишь с необходимыми изменениями в обращении:

«В нынешнем во 125 году мая в 18 день писали к нам, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, боярин и воевода князь Юрий Яншеевич Сулешов с товарищи, и прислали с сеунчом князя Петра Борятинского, что мая в 14 день приходили под Дорогобуж полковник Чаплинской, а с ним многие польские и литовские люди и черкасы, и вам с теми людьми под Дорогобужем был бой, и польских и литовских людей и черкас побили на голову и языки многие и знамена и литавры поймали, а в языцах взято литовских людей 240 ч. и топтали тех литовских людей розными дорогами за реку за Уржуг до Дорогобужа двадцать верст. И то зделалось божиею милостию и пречистыя богородицы помощью и заступлением, и всех святых молением, а отца нашего великого господина преосвященного митрополита Филарета Никитича, и матери нашей великой государыни старицы иноки Марфы Ивановны молитвами, а нашим царским счастьем, а боярина нашего и воеводу князя Юрья Яншеевича Сулешова с товарищи промыслом и раденьем, а вашею к нам прямою службой, и за вашу службу пожаловали есмь вас, послали к вам с нашим царским жалованным словом и з золотыми. И вы бы и впредь нам служили, над польскими и над литовскими людьми нашим делом промышляли, сколько милосердый бог помочи подаст, а мы вас за вашу службу пожалуем нашим царским жалованьем».⁵⁵

Повторные награждения не были редкостью и многие войны имели возможность украсить себя несколькими знаками. О таких награждениях мы можем судить по немногим именам воевод и их товарищей в Приходо-расходной книге,⁵⁶ но, несомненно, жалованье распространялось и на их подчиненных, уже отличившихся ранее под их командованием.

При одном из подобных повторных награждений мы вновь встречаемся с уже знакомым нам проявлением недовольства со стороны награжденного. Стольник и второй воевода князь Семен Прозоровский, получивший недавно золотой в два угорских, был вторично награжден золотым в «полтретья золотых угорских», т. е. в два с половиной угорских, но посланный с наградами князь Г. Тюфякин по возвращении заявил, что «у него того золотого князь Семен не взял».⁵⁷ Какой то иной характер имел групповой отказ от золотых большой группы (около 400 человек) казаков, есаулов и атаманов.⁵⁸

Не врученные по разным причинам почетные знаки в соответствии с раздаточной книгой, в которую вносились имена всех награжденных, возвращались в Разряд и приходовались там для будущих раздач. Вот одна из простодушных формулировок при возвращении остатка знаков: «а дворяня и дети боярские и атаманы и казаки у роздачи про них (отсутствующих, — И. С.) сказали, что они с ними в осаде сидели, а после осады с государевы службы збежали, а иные съехали к Москве и в свои поместья, а иные дворяня, и дети боярские, и казаки, и стрельцы побиты, а иные померли.»⁵⁹

Наличие раздаточных книг позволяло установить, что награда, причитавшаяся тому или иному лицу, не была вручена и за ним оставалось право получить ее непосредственно в Разряде.

Своеобразный характер имеют два отмеченных в Книге случая замены назначенной награды: в 1613 г. второму воеводе за московский золотой в $\frac{1}{2}$ угорского были даны три золотые новгородки,⁶⁰ а в 1615 г. вместо золотой новгородки казачий атаман, по его просьбе, получил две золотых московки.⁶¹

⁵⁵ Временник МОИДР, кн. III, стр. 23.

⁵⁶ РИБ, XXVIII, стр. 758—759 — награждение сотенного головы князя Ф. Борятинского, стр. 764 и 766 — награждение головы Ивана Загоскина, стр. 793—798 — упомянутые награждения Сулешова, стр. 797—798 — награждение боярина Б. М. Лыкова.

⁵⁷ Там же, стр. 794, 795, 796—797.

⁵⁸ Там же, стр. 779.

⁵⁹ Там же, стр. 759.

⁶⁰ Там же, стр. 754 и 756.

⁶¹ Там же, стр. 763.

Подобно тому как было при наградах за защиту Новгорода Северского в 1605 г., в некоторых особых случаях посылаемому с жалованием лицу давался запас знаков низших достоинств, и это оговаривалось в указе; главным образом это касается «осадного сидения». Так было с награждением за псковское сиденье в осаде от шведов в 1615 г. Здесь наряду с ратными людьми широко награждались мирные жители — купцы, церковные дьячки и другие, ставшие в ряды защитников героического города.⁶² Самая высокая награда за все пять лет была дана боярину и воеводе псковскому В. П. Морозову — «золотой португальский» в 10 золотых угорских; четверо гостей псковских наравне с сотенными головами получили по золотому «вполы золотово угорского». Сверх росписи было послано 17 золотых новгородок и 66 московок и золоченых 18 новгородок и 240 московок. Возивший жалование стольник князь И. Татев должен был давать их «советуя з боярином».⁶³

Сохранились краткие упоминания о ряде награждений, имевших место в 20—30-х годах. В 1628 г. золотые были посланы к Ф. Бутурлину и И. Rogозину за дело против татар между Ливнами и Курском;⁶⁴ в 1633 г. золотые посылались к Баиму Болтину в Новгород-Северский⁶⁵ и к воеводам князю Масальскому и И. Уварову за Батурическую и Роменскую службу,⁶⁶ а в 1634 г. — в Брянск к князю В. Ромодановскому и к Н. Оладьину, для почепских голов Т. Колычева и Г. Тухачевского, отразивших нападение литовских людей.⁶⁷

Составленная по случайному поводу краткая выписка о наградах, полученных наемными иностранцами за участие в Калмыцком походе воеводы А. Плещеева (1644 г.), показывает, что наградное дело к середине века не претерпело каких-либо существенных изменений. Иностранцы-полковники получали золотые в полтора угорских, низшие по чинам по золотому без чети ($\frac{3}{4}$ угорского), по половине и четверти угорского, по золотому против трех денег; все прочие, кончая рядовыми, — по новгородке золотой.⁶⁸ Этот перечень обогащает ассортимент уже известных нам знаков еще двумя видами ($\frac{3}{4}$ золотого и $1\frac{1}{2}$ копейки).

В рассмотренных документах упомянуты следующие виды золотых, для которых мы имеем возможность обозначить и их вес, исходя из веса угорского. Мы не включаем в таблицу двойные корабельники (15 г) и корабельники (7,5 г), которые после 1591 г. не упоминаются.

10 зол.	— 34,0 г	3 зол.	— 10,2 г	$\frac{3}{4}$ зол.	— 2,5 г
6 »	— 20,4 »	$2\frac{1}{2}$ »	— 8,5 »	$\frac{1}{2}$ »	— 1,7 »
5 »	— 17,0 »	2 »	— 6,8 »	$\frac{1}{3}$ »	— 1,12 »
4 »	— 13,6 »	$1\frac{1}{2}$ »	— 5,1 »	$\frac{1}{4}$ »	— 0,85 »
$3\frac{1}{2}$ »	— 11,9 »	1 »	— 3,4 »		

Постоянный вес не может быть обозначен по всему периоду для новгородки, золотого в 3 денги и для московки. До 1610 г. новгородка весит около 0,65 г, с 1613 г. — около 0,5 г, во второй четверти века — около 0,47 г. Денга весит соответственно вдвое меньше.

Распределение наград в приведенном выше награждении воинов Б. М. Лыкова наиболее характерно для всей первой половины XVII в. Низшую прослойку войска составляли стрельцы, пушкари, затинчики, боярские и охочие люди, засечные сторожа, воротники и тому подобный люд. Для них предназначалась золоченая московка, и пределом их возможностей в части наград была золоченая новгородка. Последняя была наиболее частой наградой для казаков, так же как золотые новгородка и московка для их атаманов и есаулов.

Дворяне и дети боярские, жильцы, служилые татары, наемные литва и немцы составляли контингент награждаемых золотой деньгой — самой массовой из наград. Интересно

⁶² Там же, стр. 782—785.

⁶³ Там же, стр. 784.

⁶⁴ АМГ, т. I, стр. 491 и 490.

⁶⁵ Там же, стр. 485.

⁶⁶ Там же, стр. 520.

⁶⁷ Там же, стр. 560—561.

⁶⁸ АИ, т. III, № 240, стр. 398.

отметить, что казацкие атаманы, всегда награждавшиеся знаками более высокого достоинства, чем дворяне, в росписях писались, как правило, ниже последних, что имело свое значение.

Золотая новгородка стоит на грани высших наград. До нее иногда опускаются сотенные головы, но обычно их знак — «московские золотые» в $\frac{1}{4}$ и в $\frac{1}{2}$ угорского, а изредка в $\frac{1}{3}$. От угорского начинается сфера воевод и их товарищей: золотой — обычная награда дьяка при воеводах; нужно, однако, отметить, что в исключительных случаях угорский или даже двойной золотой мог получить и голова, если по воле случая он становился старшим начальником, выполнявшим самостоятельную задачу, например возглавившим оборону городка. Вообще же кратность золотого должна была соответствовать уже не так принадлежности к определенному социальному слою войска, как бесконечным оттенкам родовитости; как мы видели, для этого не хватало целых чисел и использовались дополнительные достоинства — золотые в $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{2}$ угорских и т. д.

Особо почетной наградой был золотой, жалуемый с «чепью» — золотой кольчатой цепочкой, служившей для ношения знака. Такую награду иногда именовали просто «чепью», но деловые записи Разряда каждый раз уточняют, что выдавался золотой с цепью или цепь с золотым. Характера самостоятельной награды цепь не имела и лишь усиливала значение пожалования золотым высокого достоинства. Португалы, как можно думать, всегда жаловались с цепями.

Подводя итоги, можно сказать, что для наградного дела XVII в. в целом наиболее характерна массовость награждения: несмотря на все почести, выпадающие на долю воевод и их товарищей, военный успех постоянно рассматривается как ратный подвиг всего воинства. Этот принцип как бы переводит на язык наград старую поговорку: «Один в поле не воин». Не случайно в формулировку указов непременно входит тщательное перечисление составляющих рать социальных категорий, от воевод до охочих людей; жалованье и государева милость обращаются на всех.

Как это ни парадоксально выглядит, должно быть отмечено принципиальное равенство любых наград в каждом конкретном случае, так как при всем различии между золоченой московкой и португалом в 10 золотых, обе награды — знаки одинакового государева жалованья, а различие между ними определяется только социальной принадлежностью награждаемых, а не различной оценкой их воинской заслуги. Как общество было поделено на множество слоев «лучших» и «худших» людей, так и награды только в этом смысле были «лучшими» и «худшими», и у каждой социальной прослойки войска был свой предел возможности в пожаловании.

Многие записи Прихода-расходной книги показывают «наградное хозяйство» Разряда — постановку учета наград и их заготовку. За пять лет отмечено получение извне (не считая знаков, возвращаемых от раздач) 28681 предмета. Из них 542 составляют золотые от $\frac{1}{4}$ угорского и выше, а все остальные — золотые и золоченые новгородки и московки.

Чаще всего в книге встречаются краткие упоминания о получении золотых обоих видов (золотых и позолоченных) и любых достоинств «от денежных разделки» или «от денежного дела»,⁶⁹ но они существенно уточняются упоминанием имени выдававшего их Ефима Теплева, о котором известно, что в те годы он был руководителем Денежного двора.⁷⁰ Он называется и в тех случаях, когда указано, что получение производится «с Казенного двора».⁷¹

По-видимому Денежный двор в то время был подчинен Казенному приказу. Позже, как известно, он находился в ведении приказа Большой Казны;⁷² но возможно, что в дан-

⁶⁹ АИ, т. III, № 240, стр. 762, 767, 769, 786, 793, 795, 798, 799, 800, 804, 808 и 810; стр. 779, 781, 801, 805 и 807.

⁷⁰ Там же, стр. 70, 283; см. по указателю; РИБ, т. IX, стр. 2.

⁷¹ АИ, т. III, стр. 753—754.

⁷² Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е, СПб., 1906, стр. 97.

ном случае имело место двойное подчинение, поскольку Денежный двор систематически занимался изготовлением золотых. Сам Денежный двор как место получения золотых не упомянут ни разу, но дважды записано о получении золотых из Денежного приказа,⁷³ а это название, с упоминанием все того же Е. Телепнева, встречается несколько раз в тех случаях, когда речь идет совершенно несомненно о Денежном дворе.⁷⁴ Записи эти тем важнее для нас, что именно в них говорится о получении «португальского» в 10 золотых, двойного, полоторного угорского и угорского, которые, следовательно, все были московского дела, а вовсе не иностранными монетами.

Золочением серебряных монет ведал также Казенный двор (приказ⁷⁵). Он передавал эту работу Серебряному приказу или отдавал за плату мастерам Серебряного ряда. На золочение 100 новгородок требовался, примерно, один угорский: для золочения 5000 шт. было куплено в рядах 50 золотых (по 18 алтын); в другом случае на 1000 новгородок пошло 12 золотых.⁷⁶ За работу мастерам Серебряного ряда платили 2 алтына с сотни.⁷⁷

В Расходной книге Казенного приказа есть записи о том, что золочение производилось и по непосредственному требованию царя. Следовательно, Казенный приказ снабжал знаками не только Разряд, но и царский двор, и возможно, что награждения могли проходить иногда помимо Разряда. («Золотили денги к государю в Верх»).

В одном случае в книгах Разряда записано, что его руководитель думный дьяк «снес с Верху», от царя, золотые и золоченые знаки: 1 двойной золотой, 9 золотых угорских «московское дело», 109 золотых новгородок больших, 475 меньших и 2978 золоченых. Все меньшие новгородки и угорские московского дела было приказано переделать в следующий набор: 1 тройной золотой, 14 — по ползолотого, 15 — в четверть золотого, 17 новгородок (очевидно, больших) и 83 московки, что и было выполнено.⁷⁸ Вполне понятно, что и здесь перед нами «московское дело», т. е. изготовление на Денежном дворе наградных знаков любого достоинства, как бы они не назывались. Отсылка золотых в Разряд «с Верху» упомянута и в расходных книгах Казенного приказа, ведавшего заготовкой золотых (11 марта 1614 г., для посылки в Новгород-Северский 3 золотых угорских).⁷⁹

Казенный приказ обязан был обеспечивать золотом производство почетных знаков. Золотые в его книгах упоминаются очень часто; то их покупают для разных надобностей, причем интересно отметить, что покупались и московские золотые,⁸⁰ которые, следовательно, каким-то образом даже находили путь на рынок, то получают в виде приношения: в 1614 г. «ударили челом государю» 15 золотыми муромские посадские люди, 60 и 30 золотыми — псковичи посадские люди (угорских и московских), 10 золотыми — кайгородцы посадские люди.⁸¹ Много раз записаны выдачи крестовому дьяку золотых «московского дела» или «угорских», которые государь приложил в разные церкви к иконам.⁸²

Вероятно, царь не был одинок в его благочестивых приношениях; подобно тому, как некогда Грозный с царевичем «приложили» свои награды в церковь, могли поступать и многие награжденные; пример этому мы видели в поступке устюжан, отдавших свои золотые попу Ивану, а в различных церковных описях «прикладные» золотые от икон упоминаются до-

⁷³ РИБ, т. XXVIII, стр. 778, 783.

⁷⁴ Там же, стр. 520, 521.

⁷⁵ Там же, стр. 753.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ РИБ, т. IX, стр. 2.

⁷⁸ РИБ, т. XXVIII, стр. 757.

⁷⁹ РИБ, т. IX, стр. 82 и 254.

⁸⁰ Там же, стр. 1, 3, 106 (куплены московские золотые, 10 шт.)

⁸¹ Там же, стр. 90. См. также: А. В и к т о р о в. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, М., 1877, т. I, стр. 13 («400 золотых на проволоке на меденой, с дырками. Сто золотых угорских — государю царевичу челом ударили гости...»); см. также стр. 10—12, 28, 105, 243—246; ч. II (М., 1883), стр. 605.

⁸² РИБ, т. XXVIII, стр. 71, 79, 89, 90, 95, 100 (московские); 80, 84 (угорские), также 93, 109 и 103 (20 золотых в поход царя к Троице); РИБ, т. IX, стр. 66, 67, 71, 89, 109.

вольно часто.⁸³ Возможно, что на рынок и поступала часть таких вкладов, а те или иные золотые, вернувшись в Казенный приказ, из которого они в свое время вышли, могли снова быть отданными в жалованье.

Золото приходило в Россию в виде иноземных монет, имевших определенный вес и подчиненных закономерностям общей для всей Западной Европы метрологии золота. Проще всего было производить перечеканку готовых кружков, какими являлись сами иностранные монеты. Вполне естественным было усвоение как их метрологии, так и названий для определенных весовых групп монет, хотя бы уже и русской чеканки, чем и объясняется метрологическая и терминологическая зависимость системы русских золотых старших достоинств от дуката.

Выше мы много раз встречались с упоминаниями о различных золотых московского дела; такое уточнение, разумеется, могло иметь место только в отношении знаков ценностью в угорский и выше, так как новгородки, московки и «московские золотые» в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ угорского являются «московским делом». Однако подобные уточнения имеются далеко не всегда, хотя бы угорские, португалы и другие золотые получались «из разделки», т. е. были совершенно бесспорно русскими. Употребление переосмысленных на Руси иностранных названий долго создавало ложное и, правду сказать, неприятное впечатление, что для награждений постоянно употреблялись иностранные монеты, поэтому-то для золотых русской чеканки, как отмечено выше, и пытались найти какое-то особое название.

Теперь мы видим, что на Московском денежном дворе, кроме обычного производства серебряной ходячей монеты, издавна существовал и золотой «медальный» передел, выпускавший золотые любых достоинств. Чеканка золотых копеек и денег не требовала особого оборудования; даже штемпели употреблялись те же, что и для серебра. Для золотых в $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ червонца имелись особые штемпели, но как и копейки и денги, они чеканились на русский манер на плющенных обрезках проволоки. Только по этому сходству с копейками их и зовут «московскими золотыми», чтобы отличить от чеканенных на кружках золотых. Но производство золотых от $\frac{2}{3}$ угорского и выше в тех случаях, когда не производилась перечеканка западноевропейских монет, уже требовало изготовления кружков или подгонки имеющихся (для золотых в $\frac{2}{3}$ угорский слегка обрезавали). Высокая пластичность золота делала возможной чеканку сравнительно крупных золотых при обычной «ручной» технике, когда по наставленному на кружок штемпелю ударяли молотом.

Производившуюся на Московском денежном дворе чеканку золотых для царских пожалований воинам по случаю побед отметил в 30-х годах XVII в. А. Олеарий для своего будущего сочинения о России.⁸⁴

В отдельных и весьма редких случаях чеканка наградных знаков низших достоинств могла производиться и на других денежных дворах. В Эрмитаже имеются уникальный серебряный позолоченный и проколотый алтын Бориса Годунова, отчеканенный обыкновенным копеечным штемпелем Псковского денежного двора и подобные же «золотые» Шуйского. Известны и отдельные экземпляры золотых псковских копеек Федора Ивановича, Лжедмитрия, Шуйского и Михаила Федоровича.⁸⁵ Чеканка их могла производиться в отдельных случаях по требованию царя в походной обстановке, когда удобнее было отчеканить золотые поблизости от царской ставки. Золотые же старших достоинств могли чеканиться только в Москве, поскольку для этого требовались и специальное оборудование и достаточно опытные мастера.

«З о л о т ы е» было общим названием всех русских наградных знаков, независимо от того, что множество их изготовлялось из серебра и только золотилось. Вследствие их ред-

⁸³ ЧОИДР, 1915, т. III, стр. 360 (1608 г. — «18 прикладных золотых, кроме того золоченая новгородка и две белых»); Известия Археологического общества, т. V. СПб., 1865, стр. 155 (опись 1714 г. Новгородсеверского монастыря — золотые и серебряные вызолоченные копейки).

⁸⁴ А. О л е а р и й. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906, стр. 227—228.

⁸⁵ См. МИА СССР, № 44, стр. 296.

кости золотые «золотые» издавна высоко ценились в собирательской среде. Описания их имеются в ряде изданий,⁸⁶ обычно во главе разделов, посвященных монетам тех или иных правлений, но серебряные позолоченные «золотые» чаще всего вводились в коллекции как серебряные монеты, а то и отбрасывались как «испорченные» монеты. Выделение золотых из монетных коллекций Эрмитажа позволило противопоставить почти каждому из названных выше видов наград соответствующие золотые русской чеканки, а отчасти и пополнить приведенный выше список некоторыми не названными в нем номиналами.⁸⁷

С конца XVI в., когда окончательно прекратились эпизодические награждения монетами иностранной чеканки, и до последней четверти XVII в. система золотых не претерпевала сколько-нибудь серьезных изменений, почему и рассмотрение самих золотых указанного времени удобнее вести обобщенно, почти не отступая от порядка номиналов, с тем, чтобы затем особо рассмотреть развитие системы золотых в конце века.

Все золотые высших достоинств, начиная от $\frac{1}{4}$ червонца, подчиняются метрологии дуката — «угорского» — как его части или кратные. Названия их определяются весовым отношением к нему — золотой в четверть, в половину, в треть, в две трети и даже в три четверти угорского, затем сам угорский и золотые в полтора, два, два с половиной и т. п. Название португал относилось, по-видимому, к самым крупным золотым в десять угорских.

Самый старый из крупных золотых русского дела — золотой Ивана Грозного в пять угорских (со следами ушка), принадлежащий Историческому музею (табл. I, 2). Известен и идентичный второй экземпляр, ушедший из коллекции Кунсткамеры во Францию во второй половине XVIII в.⁸⁸ На обеих сторонах кружка, весом в 17,25 г находится почти одинаковое изображение двуглавого, увенчанного двумя коронами, орла; на лицевой стороне, на прикрывающем грудь орла щитке изображен единорог, долго игравший видную роль в русской геральдике, а на другой стороне там же московский герб — св. Георгий. Круговая надпись: «*Божию милостию государь и великий князь Иван Васильевич всея России, Владимирский, Московский — Новгородский, Псковский, Тверской, Полотский, царь Казанский, царь Астраханский*» переходит с лицевой стороны на обратную.

Упоминание Полоцка, вошедшее в титул в 1563 г., способствует уточнению даты, что имеет немаловажное значение, так как ни служившие наградами монеты, ни специально чеканившиеся золотые знаки XVI и первой половины XVII вв. обозначения дат не имеют и датируются лишь годами правления по стоящему на них имени.

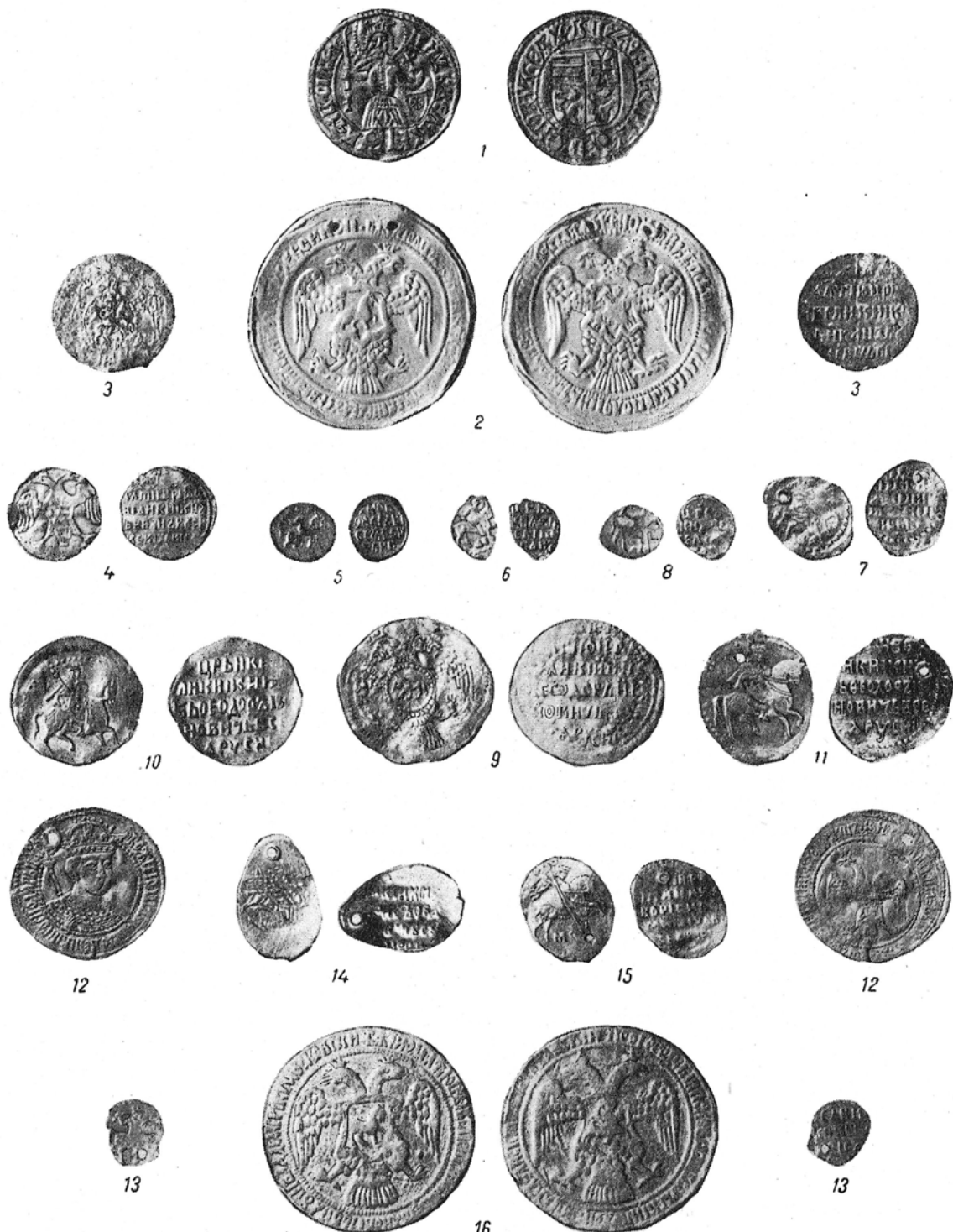
Описанный тип композиции, совмещающий два почти одинаковых, окруженных надписью изображения, закрепился для наиболее крупных золотых. Таковы в собрании Эрмитажа португал Лжедмитрия в 10 угорских (34,0 г, табл. I, 16), два золотых Михаила Федоровича в 4 угорских (13,72 г и 13,54; табл. II, 11), его же золотой в 3 угорских (10,34 г; чеканен теми же штампами) и золотые Алексея Михайловича в 10, 8 и 3 угорских (34,47 г, 27,67 г, 10,32 г и 10,23 г; табл. III, 1—3). Такова же и общая композиция многих угорских полуторных, полных и трехчетверных, но на них уже на обоих щитках находится изображение св. Георгия. В Эрмитаже такие угорские имеются только времени Михаила Федоровича и более поздние ($\frac{3}{4}$ угорского весом от 2,9 до 2,4 г, 8 экз., табл. II, 12 и 13). Ко времени

⁸⁶ С. И. де-Шодуар. Ук. соч., тт. I и II и «Собрание изображений» (1837); J. Reichel. Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, I, 1842; Ф. Ф. Шуберт. Описание русских монет и медалей собрания..., ч. I, СПб., 1843, и три заграничных издания его каталога; Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси, СПб., 1875 и др.; см. также: П. И. Зубов. Материалы по русской нумизматике, М., 1897; А. А. Карзинкин. О медалях царя Дмитрия Иоанновича. Труды Московского нумизматического общества. т. I, М., 1898; он же. Некоторые редкие русские монеты и медали из собрания и. Российского исторического музея и А. Н. Ленинова, там же; А. Д. Нечаев. Нумизматические редкости московских собраний, там же, ч. II, М., 1901; в. кн. Георгий Михайлович. Монеты царствования императора Петра I, т. II, СПб., 1914.

⁸⁷ Среди серебряных монет XIV и XV вв. в коллекции Эрмитажа также имеется несколько экземпляров с проколами и следами позолоты: две московские денги Василия Дмитриевича, денга дмитровского князя Петра Дмитриевича, две — Василия Темного и другие. Однако признать их наградными знаками нет достаточных оснований.

⁸⁸ И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник, ч. I (Труды Государственного исторического музея, вып. XXV), М., 1955, стр. 45—46 и 69—73.

Таблица 1

ИВАН III. 1 — угорский, ИВАН ГРОЗНЫЙ. 2 — золотой в 5 угорских, после 1563 г. ГИМ; 3 — $\frac{1}{2}$ угорского; 4 — $\frac{1}{4}$ угорского; 5 — золотая денга, около 1535 г.; 6 — золотая денга, после 1547 г.; 7 — позолоченная копейка, после 1547 г.; 8 — позолоченная денга, после 1547 г. ФЕДОР ИВАНОВИЧ. 9 — угорский 1-го типа (ср. с № 3); 10 — угорский 2-го типа; 11 — серебряный позолоченный знак (штемпли угорского). БОРИС ГОДУНОВ. 12 — угорский; 13 — золотая денга; 14 — алтын (Псковского денежного двора); 15 — позолоченная копейка. ЛЖЕДИМИТРИЙ. 16 — португал.

Алексея Михайловича относятся два золотых в полтора и двенадцать золотых в угорский (табл. III, 5—7); ко времени Федора Алексеевича семь угорских (табл. IV, 1).

На крупных золотых титул приведенного типа повторен только на португале Лжедмитрия; а ко времени Михаила Федоровича он изменился: «*Божиею милостию (мы) великий государь, царь и великий князь (имя) всея России самодержец*». Устойчивости типа самих знаков способствует использование одних и тех же штампов для чеканки знаков смежных достоинств (в 8—3 угорских, в $1\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ угорского) и переход лицевых штампов, несущих на себе только начало титула (без имени), в чеканку следующего правления.

Ранние угорские имели особый вид. Об угорских Грозного мы можем судить по штампу лицевой стороны его золотого в $\frac{1}{2}$ угорского (табл. I, 3). На ней находится изображение очень широкого, занимающего весь кружок двуглавого орла со св. Георгием на щитке; отсутствующая легенда, по-видимому, занимала всю оборотную сторону. Именно такова композиция одного из двух типов угорских Федора Ивановича, с тем отличием, что на груди орла в щитке изображен единорог. На оборотной стороне — пятистрочная надпись: «*Божиею милостию царь и великий князь Феодор Иванович всея Руси*» (три экз., табл. I, 9). На угорских второго типа, который можно считать сменяющим описанный, изображен едущий вправо царь-всадник со скипетром у плеча; вся надпись тоже размещена в пяти строках на оборотной стороне, но она еще короче (как на копейках): «*Царь и великий князь Феодор Иванович всея Руси*» (четыре экз., табл. I, 10).

Уникальный золотой Годунова имеет на одной стороне грудное, повернутое в $\frac{3}{4}$, изображение царя, на другой — двуглавого орла; надпись с пространством титулом: «*Божиею милостию великий государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси самодержец*», переходя с лицевой стороны на оборотную, окружает оба изображения (табл. I, 12). На двух золотых В. Шуйского сочетаются изображения орла на лицевой стороне и всадника с копьем на оборотной, круговые надписи содержат неполный титул: «*Божиею милостию царь и великий князь Василий Иванович всея Руси*» (табл. II, 1).

Совсем особый тип имеет эрмитажный двойной золотой Алексея Михайловича (6,95 г), на котором поясное изображение царя впрямь с крестом и скипетром в руках окружено надписью: «*Божиею милостью великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси*»; на другой стороне находится изображение Иисуса Христа — Пантократора и круговая надпись: «*Пречистому ти образу покланяемся благии просяще прощения прегрешение*» (табл. III, 4). Композиция этого золотого невольно рождает мысль о том, что ее создателю был знаком златник Владимира, или, во всяком случае, византийский солид X в. с аналогичной композицией, что вполне возможно. У патриарха Никона было «восемь золотых, на них образ царя Константина и матери его Елены» — несомненно византийские солиды с портретами двух императоров, имевшие «нумизматические» определения, которые и были сохранены описью, составленной после падения Никона.⁸⁹

По литературным данным список разновидностей русских золотых может быть пополнен четырехкратными золотыми Грозного и Лжедмитрия (вес около 13,7—14,9 г) и еще несколькими экземплярами четырехкратных золотых Михаила.⁹⁰

Не вполне устойчив тип «московских золотых» в $\frac{1}{2}$ угорского. Золотой Грозного (1,74 г), принадлежащий Эрмитажу, как уже отмечено, имеет на лицевой стороне изображение двуглавого орла без круговой надписи; но на груди орла имеется щиток со св. Георгием. На оборотной стороне шестистрочная надпись: «*Божиею милостию царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси*» (табл. I, 3). На таких же знаках Шуйского и Михаила Федоровича (круглом) орел без щитка, надпись самая краткая, как на копейках (табл. II, 2 и 14); два «прово-

⁸⁹ В этой же «коллекции» московского «нумизмата» середины XVII в. было «24 золотых прикладных червонных, 2 золотых пятерных, да золотой четвертной, 27 золотых двойных, 4 золотых полоторных, ... 19 золотых одинаких..., 74 золотых червонных, 4 золотых червонных...», а также и «золотые арабские». Эта группа золотых была явно обособлена от казны патриарха, в которой среди денег оказалось еще 496 золотых (Временник МОИДР, кн. 15, М., 1852, стр. 23, сл.). Следует отметить запись в каталоге коллекции Г. И. Лисенко о покупке им в 1833 г. в г. Нежине на столике рыночного менялы золотого Алексея Михайловича, подобного описанному (Нумизматический сборник, I, М., 1955, стр. 87, сл.).

⁹⁰ С. де-Шодуар. Ук. соч., т. II, №№ 240, 305, 337—340; ТМНО, I, табл. IV, 2.

лочных» золотых Алексея Михайловича, с такой же краткой надписью на оборотной стороне, с лицевой стороны чеканились штемпелем угорского и сохранили остатки круговой надписи (табл. III, 8). Все остальные знаки этого веса, выпущенные при Алексее Михайловиче, имеют изображение орла без щитка на груди (табл. III, 9), но на двух из них находится строчная надпись более полная: «*Божиею милостию мы государь, царь и великий князь и т. д... самодержец*» (табл. III, 10); еще четыре экземпляра имеют наиболее краткую надпись, как на копейках.

По своей фактуре золотые в $\frac{1}{2}$ угорского составляют переходную ступень от чеканившихся на кружках (или перечеканенных из готовых монет) золотых к золотым копейке и денге; подобно последним, часть их чеканили на расплющенных обрезках проволоки. Форма их неправильная, что свойственно подобным монетам, однако некоторые имеют обрезные, не всегда аккуратно сделанные кружки.

Так же неправильны по форме и напоминают большие копейки многие золотые в $\frac{1}{4}$ угорского со средним весом в 0,85 г, дошедшие до нас и известные по описаниям в особенно большом числе. Тип их единообразен и повторяет тип половинного угорского; щиток на груди орла не встречается вовсе, и надпись самая краткая у всех, за исключением золотых Грозного (три экз.), вырезных и имеющих более пространный надпись, чем его золотые в $\frac{1}{2}$ угорского (табл. I, 4). Правильную форму, но краткую надпись имеют два знака Михаила Федоровича (табл. II, 15). Особенно обильны золотые в четверть червонца среди золотых Алексея Михайловича; к ним еще предстоит нам вернуться.

Рассмотренные нами виды золотых XVI и первой половины XVII вв. точно идентифицируются с большинством видов наград, упоминания о которых имеются в рассмотренных выше наградных документах. В целом список разновидностей или «степеней» их даже увеличивается за счет золотого Алексея Михайловича в 8 угорских. Если до нас не дошли некоторые из упоминавшихся видов знаков тех или иных правителей, то все же мы окончательно получаем право отрешиться от буквального понимания названий и высказать убеждение, что в течение всего XVI и в XVII вв. награждение производилось, как правило, только знаками русской чеканки, с русской эмблематикой и русскими надписями, что придает всему институту наградений гораздо более осмысленный и целостный характер.

Многие угорские русской чеканки сохранили на себе явные остатки изображений и надписей венгерских, голландских и других западноевропейских дукатов, послуживших готовыми кружками для чеканки (табл. II, 12, 13; III, 5—7; IV, 1). Но многие золотые, особенно старших достоинств, чеканились несомненно на заново изготовленных и приведенных к определенному весу кружках.

Золотые Бориса Годунова очень редки и в коллекции Эрмитажа представлены наиболее скромно. Тем больше оснований обратиться к вопросу об известной по литературе XVIII в. большой «медали» Годунова. Сообщение о ней имеется в сочинении капитана Т. Салмона, впервые опубликованном в 1727 г.⁹¹ Многомный труд Салмона вскоре был переведен на голландский, а с голландского на немецкий. Переводчики, как водилось в XVIII в., не стеснялись вносить различные дополнения в основной текст, но интересующее нас сообщение, находящееся в посвященном России томе немецкого издания, несомненно принадлежит самому Т. Салмону.⁹²

Описание русской монетной системы заканчивается рассмотрением золотых монет, в связи с чем упоминаются и старинные червонцы царевны Софьи. Далее говорится: «Еще старее и реже та золотая медаль, которую Петр I подарил Оксфордскому университету во время своего посещения. Она висит на шелковом зеленом, плетеном с золотыми нитями шнуре и приблизительно на одну четверть больше обыкновенного талера. На одной стороне изображен на коне святой Георгий, на другой — двойной орел. Вокруг первого находится начало

⁹¹ T. S a l m o n. Modern history, or present state of all nations. London, 1727, стр. 1—32, 80. К сожалению, ни это, ни второе издание (в 3 томах, 1744 г.) в библиотеках Ленинграда и Москвы обнаружить не удалось и пришлось пользоваться немецким переводом 1752 г.

⁹² Салмон хорошо знал Оксфорд, описанию которого посвятил некоторые свои другие труды. См. «Nouvelle biographie générale», т. 43, Paris, 1864.

Рис. 1. Вислая печать Бориса Годунова.

Ашмолеан музей, Оксфорд.

надписи: «*Boschieju Millostyju welikii Gospodar, Tsar i welikii Knias Boris Phedorowitsch*», которая продолжается на другой стороне ...*vseja Russijah Samoderschetz, innich mnogich Gospod Gosudar novajahdatel*».⁹³

Благодаря любезному содействию ученого сотрудника Ашмолеанского музея доктора А. Томпсона удалось с исчерпывающей точностью установить, что Салмон описал позолоченную пустотелую вислую печать Бориса Годунова, которая хранилась в Оксфорде уже задолго до визита Петра (8 апреля 1698 г.). Она была одним из первых приобретений Бодлеанской библиотеки, поступивших в нее в 1621 г.,⁹⁴ а рассказ о подарке Петра является домыслом, связавшим визит русского царя в Оксфорд с хранившимся там русским памятником старины. Неизвестно, видел ли ее Петр, но сохранились сведения, что в 1711 г. ее осматривал князь Б. Куракин во время посещения Оксфорда.⁹⁵

При печати сохранился даже шелковый шнур, на который в свое время обратил внимание Салмон. Рассматривая ее, можно убедиться, что Салмон довольно точно передал надпись, не справившись только с самым концом ее («*всезя Руси самодержеца и иных многих господарств государь и обладатель*»). (Рис. 1).

Низшие степени золотых знаков почти до конца XVII в. составляют чеканившиеся обыкновенными монетными штемпелями, но из золота, копейка и денга. На первой находится изображение едущего вправо царя-всадника с опущенным копьем в руке, на второй такой же всадник, но с саблей в руке. «Копеечная» краткая надпись приведена выше; на денге она еще короче, так как слова «*всезя Руси*» из нее исключены. До времени Федора Ивановича отче-

⁹³ Die heutige Historie, oder der gegenwärtige Staat aller Nationen in Europa nach ihrer geographischen, politischen, Kirchlichen und moralischen Verfassung und Beschaffenheit beschrieben. Aus dem Englischen des Hrn Kapitain Salmon mit Zuziehung der Holländischen Übersetzung des Hrn M. van Goch ins Deutsche übersetzt mit verschiedenen Zusätzen und Anmerkungen vermehrt und bis auf itzige Zeiten fortgeführt von Elias Caspar Reichard. Altona u. Leipzig, 1752, стр. 153.

⁹⁴ Первая публикация ее: E. Ashmole. Institutions, Laws and Ceremonies of the Most Noble Order of the Garter, London, 1672, стр. 229.

⁹⁵ S. Konovalov. Oxford and Russia (An inaugural lecture). Oxford, 1947, стр. 6, сл.

ство царя в эти надписи также не входит. Под конем на многих копейках находится знак денежного двора — одна или несколько букв.

Как мы видели, золотая денга в XVI в. и в первой половине XVII в. была наиболее массовым наградным знаком, так как в системе наград она соответствовала тем социальным слоям, которые составляли наиболее обширный контингент войска. В документах можно даже встретить чисто арифметическое счисление золотых денег в рублях. Однако и золотые копейки и денги сравнительно редки. В Эрмитаже имеются золотые копейки только московского чекана, начиная со времени Шуйского (мы имеем в виду только проколотые экземпляры), которых насчитывается шесть, Михаила Федоровича — четыре экз., Алексея Михайловича — десять (табл. II, 4, 8 и 16; III, 15).

Упомянутая выше переделка «меньших» копеек Михаила в «большие» делается понятной, когда мы обратимся к весу золотых. Три золотые копейки Михаила Федоровича и одиннадцать его денег в эрмитажной коллекции имеют вес старых «больших» копеек и денег (0,65—0,66 г и 0,33—0,34 г) и являются «большими», тогда как «меньшие» это, быть может, не понравившиеся пробные копейки веса серебряных (0,47—0,50 г).⁹⁶ Возможно, что большие золотые копейки некоторое время рассматривались с точки зрения метрологии угорского как его $\frac{1}{5}$ часть. Но все десять золотых копеек Алексея Михайловича «меньшие»; вес их не превышает 0,47 г; вес же двух его денег (табл. III, 16) составляет 0,31 и 0,20 г. Выше упомянута награда 1644 г. в три денги. Вероятно, это просто старая золотая копейка весом в 0,65—0,68 г.

Золотые денги имеются времени Грозного, — одна без имени в титуле, чеканенная около 1634 г. (табл. I, 5), другие с царским титулом, следовательно, выпущенные не ранее 1547 г. Последних в Эрмитаже три с одинаковым знаком ДЕ под конем (табл. I, 6). Уникальная денга Годунова (табл. I, 13) особенно замечательна, так как серебряные его денги неизвестны вовсе; проколотая денга Шуйского в коллекции только одна (табл. II, 5), Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, как указывалось, тринадцать и две (табл. II, 17; III, 16).

Две низшие «степени» наград составляли покрытые позолотой самые обыкновенные серебряные денга и копейка.⁹⁷ Через них вся система наград смыкалась с ходячей монетой, которая, как уже говорилось, после 1613 г. состояла главным образом из копеек. Ни вкладах монет, ни в коллекциях до нас не дошла ни одна серебряная денга Годунова, Лжедмитрия или Шуйского (золотые денги Годунова и Шуйского известны). Между тем мы видели, что в наградном деле в те годы серебряная позолоченная денга широко применялась. Поэтому остается признать, что для награждений употреблялись серебряные денги Грозного и Федора Ивановича, взятые из обращения, хотя, казалось бы, помещенное на знаке пожалования имя не могло не иметь значения.

В Эрмитаже имеются позолоченная денга Грозного с царским титулом, не проколотая (табл. I, 8), одна позолоченная и проколотая копейка московского чекана со знаком ИВА (табл. I, 7), по одной копейке Годунова (табл. I, 15) и Шуйского (табл. II, 6). Привлекают внимание три однотипных позолоченных и проколотых копейки Владислава и его же одна золотая копейка (табл. II, 9, 10 и 8). Если допустимо предположение, что в качестве наград могли использоваться серебряные денги прежних законных государей, то использование в таких целях копеек Владислава кем-либо, кроме выпускавшего их боярского правительства, представляется очень сомнительным.

Поскольку в золочение могли отдавать не обязательно новые, только что отчеканенные монеты, для нас не может иметь большого значения знак денежного двора на жалованных серебряных копейках (денги чеканились только в Москве). Впрочем, все эрмитажные экземпляры наших копеек только московские.

Следует отметить, что, встречая позолоченные и проколотые копейки, мы не можем сохранить полную уверенность, что перед нами всегда монеты, действительно служившие наградными знаками. Те или иные из них могли быть позолочены и как народные украшения.

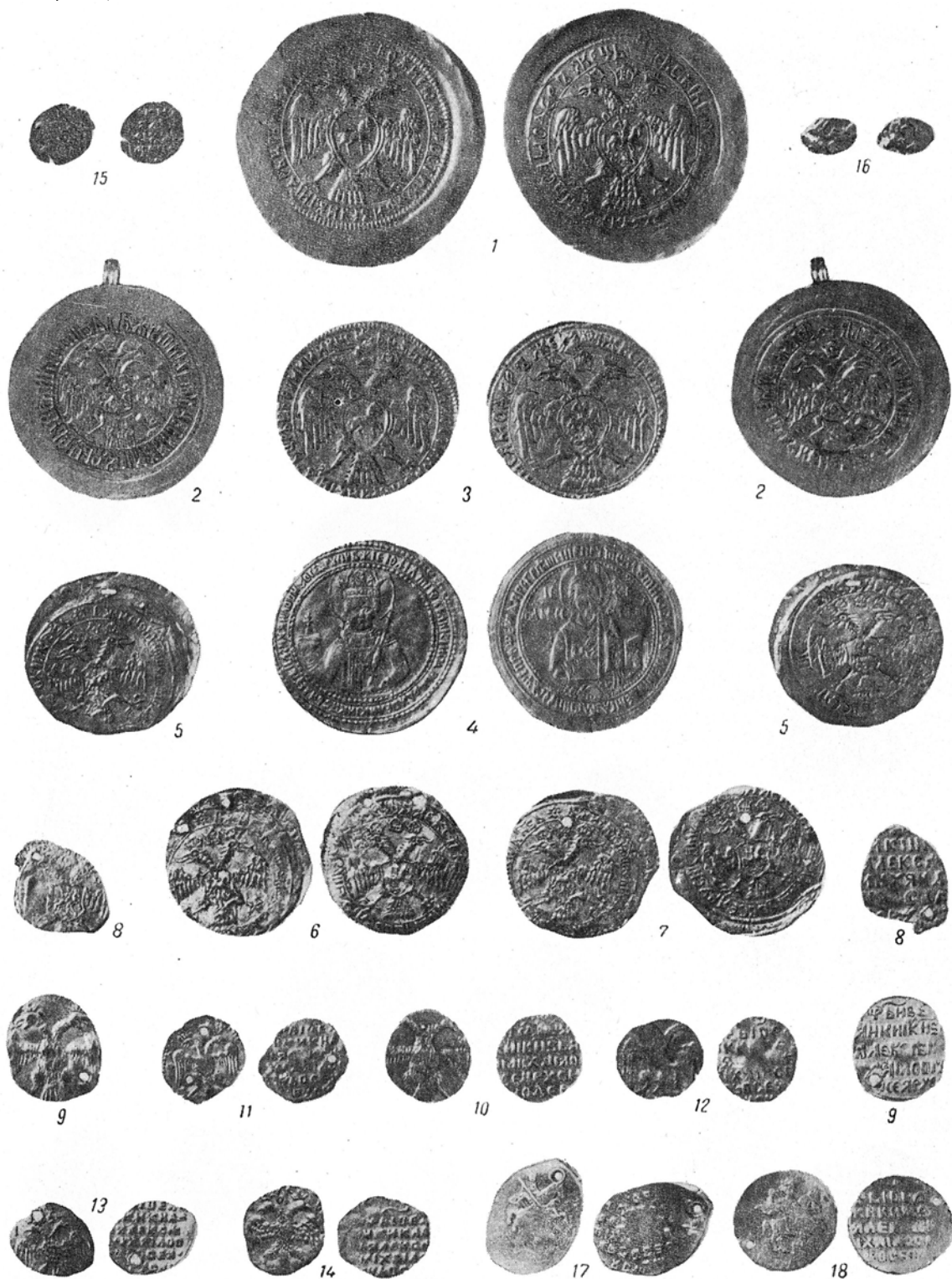
⁹⁶ После 1610 г. вес копейки, установленный в 1534 г. (0,68 г), был уменьшен. В Эрмитаже имеется одна золотая копейка Михаила веса «меньших» (0,43 г) и две денги (0,26 и 0,28 г).

⁹⁷ В 1613 и 1614 гг. для награждений служила и «белая» новгородка.

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ. 1 — угорский; 2 — $\frac{1}{2}$ угорского; 3 — $\frac{1}{4}$ угорского; 4 — золотая копейка; 5 — золотая денга; 6 — позолоченная копейка; 7 — позолоченный знак веса двух копеек (Псковский денежный двор). ВЛАДИСЛАВ. 8 — золотая копейка; 9 и 10 — позолоченные копейки. МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ. 11 — золотой в 4 угорских; 12 — $\frac{2}{3}$ угорского, перечеканка на голландском дукате; 13 — $\frac{2}{3}$ угорского, перечеканка на данцигском дукате; 14 — $\frac{1}{2}$ угорского; 15 — $\frac{1}{4}$ угорского; 16 — золотая копейка около 1613 г.; 17 — золотая денга; 18 — позолоченный серебряный знак веса 5 копеек, около 1615 г.; 19 — алтын (Псковского денежного двора); 20 — позолоченный знак в 3 денги (30-е годы). 21 — позолоченная копейка, около 1613 г.

Таблица III

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, 1 — португал; 2 — золотой в 8 угорских; 3 — золотой в 3 угорских; 4 — золотой в 2 угорских; 5 — золотой в 1½ угорских, перчеканка на венгерской монете имп. Фердинанда в 2 дуката; 6 и 7 — угорские, перчеканенные на голландских дукатах; 8 — ¼ угорского, лиц. сторона чеканена штемпелем угорского; 9 и 10 — ½ угорского; 11 и 12 — золотые в ¼ угорского; 13 и 14 — золотые 1654 г. в ¼ угорского; 15 — золотая копейка; 16 — золотая денга; 17 — проволочный алтын; 18 — круглый алтын.

Но с гораздо большей уверенностью мы можем подходить к серебряным монетовидным знакам государственной чеканки, когда они имеют необычно тяжелый вес, хотя в рассмотренных выше документах упоминаются только копейки и денги. Питая полную уверенность, что дошедшие до нас подобные тяжелые знаки (как правило, проколотые и позолоченные) монетами быть не могли, мы имеем все основания рассматривать появление их в конце XVI в. как попытку создать наградные знаки низших достоинств более импозантного вида, чем копейки. Если в начале XVII в. даже в чеканке золотых знаков наблюдается сохранение веса и размера старой копейки, то тем более понятными делаются поиски Московского правительств в области чеканки серебряных наградных знаков XVII в., когда копейка постепенно превратилась в крохотную пленочку металла.

Старейшим свидетельством поисков подобного рода являются очень редкие кружки, отчеканенные из серебра штемпелями одного из угорских Федора Ивановича (с всадником). Экземпляр Эрмитажа имеет вес 2,3 г ⁹⁸ (табл. I, 11). Выше упоминался чеканенный псковским штемпелем позолоченный и проколотый «алтын» Годунова, точно соответствующий весу трех копеек — 2,05 г (табл. I, 14). Две проколотые и позолоченные проволочные «монеты» Шуйского, тоже псковской чеканки, имеют приблизительно полуторный вес копейки 1,02 и 0,91 г (табл. II, 7).

Наряду с чеканкой в обычной технике (на плюшевой проволоке) среди «алтынов», как принято называть эти «монеты» в собирательской среде, встречаются и круглые обрезные знаки. Московским копеечным штемпелем Михаила Федоровича отчеканен позолоченный и проколотый обрезной знак весом в 2,32 г, который соответствует примерно пяти копейкам (табл. II, 18). Имеются пять проколотых и сохранивших следы позолоты очень тонких и потому довольно широких вырезных кружков, чеканенных таким же штемпелем Михаила в весе старой копейки от 61 до 70 г, вместо 0,47 г (табл. II, 20). Известны и редкие проволочные копейки Михаила этого же веса.

От времени Алексея Михайловича в коллекции Эрмитажа имеются чеканенные только московскими копеечными штемпелями проколотые и позолоченные проволочные знаки весом в 0,65 г (полторы копейки = 3 денги), 1,02 г (приблизительно двойной вес копейки), 1,56 г (два экземпляра, несколько тяжелее алтына) (табл. III, 17). Один из них чеканен на вырезном кружке; таков же самый тяжелый, соответствующий по весу примерно 4 копейкам (1,75 г) (табл. III, 18). Столь же неопределенный вес имеют три знака московской чеканки (других денежных дворов уже не было) времени Федора Алексеевича (табл. IV, 2).

Таким образом, можно думать, что в связи с уменьшением веса копейки примерно уже с середины XVII в. наградные серебряные знаки все более порывают метрологическую связь с монетами и подыскивается новый вид почетного знака низшего достоинства.

Редкость русских золотых и большой интерес к ним среди собирателей имели следствием появление на рынке большого числа антикварных подделок. Большинство их легко распознается по слишком правильной форме кружков и по неумению овладеть стилем изображений и передать характер надписей. Некоторые из них изготовлялись в конце XVIII в. Петербургским монетным двором. В 40-х годах XIX в. их штемпели вместе с подобными им другими новыми штемпелями были уничтожены по ходатайству Археолого-нумизматического общества. Отдельные экземпляры поддельных золотых, вероятно позднейшей работы, выполнены со знанием дела и способны вводить в заблуждение. В Эрмитаже и в Историческом музее имеются небольшие собрания таких подделок.

Прежде чем обратиться к рассмотрению системы наградных знаков второй половины и конца XVII в., подводящих нас ко введенной Петром I системе воинских наград, следует обратиться к наградным делам середины XVII в., связанным с воссоединением Украины с Россией в 1654 г. ⁹⁹

⁹⁸ См. Нумизматический сборник, т. I. М., 1955, стр. 43.

⁹⁹ И. Г. С п а с к и й. Русские государственные награды в войске Богдана Хмельницкого в 1654 г. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. XIV, 1958.

Во многих украинских летописях, с особенной подробностью излагающих события XVII в., содержится сообщение о царском жалованье, розданном осенью 1654 г. казакам войска Богдана Хмельницкого в лагере близ города Фастова. В зависимости от времени составления летописей, а главным образом от степени оригинальности их текста, может быть прослежено постепенное переосмысление и искажение первоначальной редакции.

Летопись Самойла Величко (1720 г.) излагает событие с ясностью, не оставляющей места произвольным толкованиям: «Того же 1654 року в среду в пост Спасов страшное было слонца затмене о полдне ... А Хмельницкий, з войском козацким и московским ему приданым, для осторожности Украины от поляков, стоял тогда обозом под Хвастовом; где неякийсь от царского величества посланный значний персона прибывши, дал каждому козакове царского жалованя по червоному малому».¹⁰⁰

Изложение в Летописи Самовидца (XVII в.) так же безупречно, но в целом менее конкретно, что уже делает возможным неверное истолкование в связи с содержанием следующей фразы: «А гетман Хмельницкий стоял з войсками своими и его царского величества под Хвастовом... и от его царского величества прислано козакам жалованья копейки золотые, которая важила полталляра. Того же часу и медяные копейки повстали, которые розною ценою ишли з серебряными. А талляр битий под печатью царской был, которого по шести золотых брано».¹⁰¹

Умолчание о «значной персоне», лично вручающей монеты, снимает здесь впечатление торжественности и необычности события; недостаточно ясно сказано и о том, что каждый казак получил только одну монету. По вполне понятной ассоциации Самовидец переходит далее к рассказу о новых русских монетах. Память подвела его, подсказав, что они были выпущены в том же 1654 г. Именно так нужно понять несколько расплывчатое «того ж часу», так как далее он сообщает, что в том же году произошло и затмение.

В Летописи Грабянки (1710 г.) имеется уточнение веса золотых копеек; в остальном Грабянка следует Самовидцу, но делает первый заметный шаг в смысловом слиянии двух фраз последней: «Також и Хмельницкий з войсками своими и московскими под Хвастовом стоял, и прислано было козаком жаловане копейками золотыми, которая важила четверть червоного золотого. Того же часу и медные копейки были дани, которые ровной ценою из серебряными шли, також и талляре битие под печатью царскою давано».¹⁰²

Компилятивные летописи XVIII в. окончательно искажают истинный смысл события. В «Кратком описании Малороссии» (30-е годы XVIII в.) сообщается: «Да того же 1654 года его царское величество с под Смоленска пошел на зиму до Вязьмы, ибо на Москве в ту пору моровая язва была. Тогда ж Хмельницкий с войсками своими и великороссийскими стоял под Фастовым, куда прислано козакам жаловане копейками золотыми, — важила всякая копейка четверть червонца, и к тому медными в одной цене, и серебряными копейками, да и талляре битие давано с печатью царскою».¹⁰³

«Летописец или описание знатнейших действ и случаев...» сообщает: «Тогда ж Хмельницкий стоял под Хвастовым с войсками козацкими, куда прислано ему и войску жалованье золотыми копейками и медными в одной цене с серебряными, да ефимками с печатью царскою».¹⁰⁴

¹⁰⁰ Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке, сост. Самойл Величко, бывший канцелярист Канцелярии Войска Запорожского 1720 г., т. I. Киев, 1848, стр. 191. — Отряд А. В. Бутурлина пришел под Фастов на соединение с войсками Хмельницкого 11 июля 1654 г. (А. Н. Мальцев. Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов... Сборник «Воссоединение Украины с Россией 1654—1954», М., 1954, стр. 274). Уточняющее дату события солнечное затмение происходило 2 августа (Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888, стр. 98).

¹⁰¹ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878, стр. 38—39. Автором летописи считается Роман Ракушка-Романовский. См. Микола Петровський. До питання про певність відомостей літопису Самовидця й про автора літопису. Записки Ніжинського Інституту народної освіти, кн. VI, Нежин, 1926.

¹⁰² Григорий Грабянка. Действия преславной и от начала поляков кривой небывалой брани Богдана Хмельницкого..., року 1710. Киев, 1854, стр. 131.

¹⁰³ Летопись Самовидца, стр. 241.

¹⁰⁴ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888, стр. 14—15.

В «Летописном повествовании» Ригельмана (1785—1786 гг.) говорится, что под Фастов «прислано было в жалованье золотыми копейками, каждая в тридцать копеек, российский же талер битой серебряный под гербом царским состоящий, ценою ходил в шесть золотых, что составляло до двадцати копеек тогдашних». ¹⁰⁵ В действительности талер оценивался в 64 копейки. ¹⁰⁶ В примечании указано, что «с сего времени начались медные деньги». ¹⁰⁷

Приведенные сообщения в той или иной мере дополняют друг друга и в то же время затемняют смысл сообщения, наиболее ясно изложенного в Летописи Величко. Суммируя сказанное, легко решить, что речь идет о выдаче «жалованья», обычной платы войскам за их службу.

Уточнение достоинства «золотых копеек» в Летописи Самовидца («важила полталяра») не противоречит их оценке в $\frac{1}{4}$ червонца в двух других. В 1650-х годах четверть червонца была равноценна половине талера (по крайней мере по московским ценам), так как и целый червонец («угорский» дукат) и два талера одинаково ценились в один рубль. ¹⁰⁸ «Битый талер» соответствует выражению «специес-талер», т. е. талер в виде монеты, а не счетный, собранный из нескольких номиналов низших достоинств. Слово «розный» в Летописи Самовидца поставлено ошибочно, вместо «ровный»: при первом своем появлении медная копейка Алексея Михайловича приравнивалась в цене к серебряной, что и отмечается в других летописях.

Впрочем и медные копейки и клейменные талеры, упоминание о которых придает рассматриваемому сообщению отмеченный выше ложный смысл, совершенно неуместны здесь, так как в 1654 г. они еще не существовали. Талеры под царскими клеймами — хорошо известные «ефимки с признаком», выпущенные в Москве только в 1655 г. вскоре после отъезда царя к войску (11 марта). ¹⁰⁹ Они клеймились на одной из сторон штемпелем с датой «1655» и вторым круглым штемпелем. Медные копейки выпущены в обращение еще позже, только во второй половине 1655 г. ¹¹⁰ Таким образом, ни те, ни другие, ни даже серебряные копейки, о которых говорится в некоторых летописях, к описываемому событию никакого отношения не имели.

Таким образом, может заслуживать доверия только рассказ о том, что в августе 1654 г. некая «знатная персона», присланная царем в лагерь войска Б. Хмельницкого, произвела раздачу жалованья всем казакам — по одному золотому, весом в $\frac{1}{4}$ «червоного золотого». В этой раздаче мы без труда угадываем традиционное пожалование золотых за воинскую службу. Однако актовый материал вносит существенные поправки и в это сообщение.

Не названный в летописи Величко представитель царя дворянин П. Д. Протасев (Протасов) в июне 1654 г. был послан в сопровождении дьяка И. Амирова к Б. Хмельницкому «с государевым жалованьем, с золотыми», имея указание лично произвести всю раздачу, но неожиданно встретился с такими затруднениями, что должен был ограничиться вручением золотых только самому гетману, его сыну и войсковому писарю И. Выговскому, а раздачу золотых войску перепоручить гетману и, не ожидая раздачи, уехать. ¹¹¹

Решение о посылке почетного жалования возникло еще в ходе протекавших в апреле—марте 1654 г. переговоров с посольством Хмельницкого, которое настаивало на немедленном зачислении на жалованье, т. е. твердо установленное годовое денежное содержание шестидесяти тысяч реестрового казацкого войска. Откладывая рассмотрение этого требования до той поры, когда будут приведены в ясность местные доходы Украины, представители царя каждый раз последовательно переводили переговоры к почетному жалованью золотыми, которое и было обещано для всего войска посланникам Хмельницкого С. Богданову и П. Тетере при отпуске их 19 марта. ¹¹² Таким образом, отклонение требований посольства смягча-

¹⁰⁵ А. Ригельман. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще (1785—1786), М., 1847, ч. I, стр. 277.

¹⁰⁶ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в., АЕ, т. III.

¹⁰⁷ А. Ригельман. Ук. соч., стр. 277.

¹⁰⁸ АЕ, III.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ АЮЗР, X (дополн. к III т.). СПб., 1878, стр. 683—704. О Протасеве см. «Русский биографический словарь». Притвиц-Рейс, СПб., 1910, стр. 89.

¹¹² АЮЗР, X, стр. 476 и 568, 569.

Рис. 2. Рублевик Алексея Михайловича 1654 г.

лось и в известной мере даже вуалировалось, поскольку и та и другая стороны говорили о жалованье, хотя и вкладывали в это понятие совсем различный смысл.

Заготовка золотых для этой огромной раздачи, вероятно, началась вскоре после отъезда посольства, а ее особый характер не мог не учитываться. Незадолго до того был узаконен новый титул царя, отразивший воссоединение Украины с Россией; уже в марте были изготовлены новая большая государственная печать и войсковая печать для отсылки гетману с новым «государским именованьем». ¹¹³ В Москве началась чеканка новой русской монеты — серебряных рублей и медных алтынов, в легенде которых была названа Малая Россия, ¹¹⁴ а на денежном дворе имелись для чеканки золотых только старые, строго говоря, вовсе непригодные в данном случае штемпели.

Ведавший всем монетным производством в Москве князь М. Пронский нашел выход из положения только в части изготовления португала для гетмана и донес об этом царю: «...а что твоего государева жалованья велено послать к гетману к Богдану Хмельницкому, золотой в десять золотых, и в старом, государь, чекане такому золотому в твоем государеве именованьи вырезано всеа Русии, а Малой Росии не вырезано; а на ефимочных, государь, на новых рублевых чеканех твое государеве имянование вырезано: Великия и Малыя Росии и мы холопи твои, вместо того прежнего чекана велели тот золотой, которой послан к гетману Богдану Хмельницкому, ... начеканить ефимочным чеканом, а меньшие, государь, золотые чеканены старыми чеканами для того, что вновь чеканов сделать было некому...» ¹¹⁵

Выше отмечалось, что все известные нам русские португалы XVI и XVII вв. имеют на обеих сторонах единообразные изображения государственного герба, одинаково окруженные надписью вдоль края кружка. Можно предполагать, что португал для Богдана Хмельницкого был отчеканен с использованием двух одинаковых чеканов лицевой стороны рублевика, на которой изображен едущий на коне царь и вдоль края полностью помещена надпись, содержащая имя и новый титул. В донесении Пронского и сказано об использовании рублевого чекана, а не чеканов. При этом португал приобретал относительно большее сходство со старыми португалами и в то же время не нес на себе совершенно излишнюю в данном случае надпись «рубель», находящуюся на оборотном штемпеле рублевика (рис. 2). Во всяком случае мы можем довольно ясно представить себе уникальный золотой гетмана, весивший около 34 г, и почти несомненно имевший и «чепь», хотя она и не упоминается в документах.

Наибольшие затруднения при организации раздачи вызвал просчет в части определения реального количества казаков в войске Хмельницкого. Отвечая на требования посланников, имевших в виду постоянный регулярный шестидесятитысячный «реестр» для мирного времени,

¹¹³ Там же, стр. 501, 502.

¹¹⁴ АЕ, III.

¹¹⁵ АЮЗР, X, стр. 686.

в Москве и готовили золотые именно на это количество, тогда как в полках Хмельницкого сверх и вне всякого реестра находилось огромное количество восставшего народа — вчерашних помещиков — крестьян. С этим затруднением прежде всего встретился сам царь.

Крупный отряд казаков под командой нежинского полковника И. Золотаренко находился под Смоленском; 15 июля по требованию царя в его ставку было отослано 18 тысяч золотых «меньших» для казаков, два тройных золотых для полковников и 150 золотых (в один дукат) для прочей войсковой старшины;¹¹⁶ Протасьеву оставалось отвести остальные 42 тысячи «казачьих» золотых и соответствующее количество старшинских в ставку гетмана. Однако казаков у Золотаренко оказалось гораздо больше, чем предполагалось реестром, и 4 июля по дополнительному требованию царя к нему было отправлено еще 12 тысяч «меньших», один золотой в пять золотых — вероятно для самого Золотаренко, два двойных и десять одиночных.¹¹⁷ Очевидно, эту партию золотых чеканить пришлось дополнительно. Протасьев был уже отправлен, и можно было предвидеть, что и ему не хватит золотых. Таким образом, только для вспомогательного украинского войска потребовалось 30 тысяч одних только «малых» золотых, не считая старшинских. Эта раздача, по всей вероятности, была в конце концов произведена без особых затруднений и с соблюдением связанных с этим обычаев. Известно, что в сентябре 1654 г. также было произведено пожалование золотых 166 казакам, составившим почетный конвой И. Золотаренко, приезжавшего представляться царю.¹¹⁸

Протасьев прибыл в казачий лагерь под Фастовым около 10 июля и был принят гетманом 14 июля. Отчитываясь в своей миссии, Протасьев писал: «и изговоря, государь, речь, дал я холоп твой ему гетману твое государево жалованье, золотой в десять золотых,.. да сыну его гетманову Юрию золотой в четыре золотых, да писарю Ивану Выговскому золотой в шесть золотых».¹¹⁹

В Москве учитывали, что государево жалование посылается людям, недостаточно знакомым со старинным московским обычаем. В речи Протасьева было разъяснено, что жалование дается царем «по давним обычаям предков своих, великих государей, царей и великих князей российских, как в предках к поданным повелось».¹²⁰

Награды были приняты «с великой честью и с радостью», но когда Протасьев потребовал росписи для дальнейших раздач, гетман попросил отсрочки, чтобы «подумать» с полковниками, а в следующие дни в гетманском шатре, из которого были высланы все посторонние, атмосфера порою так накалялась, что дело доходило и до «великого шума». Еще до получения отчета Протасьева в Москве стало известно о возникших затруднениях из доверительного письма И. Выговского В. В. Бутурлину от 19 июля, в котором сообщалось, что Протасьев привез жалованья на 60 тысяч казаков (в действительности у него было только на 42 тыс.), тогда как в лагерь собралось больше 100 тысяч народу, почему возникли опасения, что обиденные наградой могут учинить «рокош» и не пойти на государеву службу.¹²¹

После нескольких дней горячих дебатов гетман и полковники «прирадили», что роспись на 60 тысяч казаков составить совершенно невозможно, так как казаки собрались «большим сбором, кто был и не козак, и тот ныне козак, и все они ставятя в ровенстве козаками».¹²² Называлось то же количество казаков, что и в письме Выговского. Строго придерживаясь полученных в Москве указаний, Протасьев упорно настаивал на немедленной личной раздаче «всем сороку двум тысячам по рукам, чтоб им всем... государево жалованье и милость были явно»,¹²³ и между прочим предложил разверстать золотые по полкам в относительном соответствии с составом последних. Послу отвечали вежливо; но когда его поддержал судья и бывший посол Б. Хмельницкого С. Богданов, миргородский полковник Лесницкий «зашумел» на него «с великой досадой: то де вы хотите того, чтоб нас полковников казаки побили?

¹¹⁶ Там же, стр. 685.

¹¹⁷ Там же, стр. 687.

¹¹⁸ АЮЗР, XIV, стр. 88 и 180.

¹¹⁹ АЮЗР, X, стр. 692.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ АЮЗР, XIV, стр. 49 и 50.

¹²² АЮЗР, X, стр. 694.

¹²³ Там же, стр. 695.

Ведаешь де какие у нас люди самовольные? Кому де государева жалованья не достанет и они де чают, что мы полковники тем завладели сами; не только де нам полковником взяти на полчан своих твое государево жалованье, а им де полковником и своих золотых, что прислано к ним... жалованье, взяти ... не уметь; и рады де они...государевой милости и жалованью вседушно, только де ... топереве принять им... государеву милость и жалованье не уметь, опасно ото всего войска».¹²⁴

Наконец было достигнуто соглашение, что «государево жалованье» и милость будут объявлены войску немедленно, однако с тем разъяснением, что раздача золотых последует только тогда, когда соберутся все полки вместе, «как служба минется»¹²⁵. Протасьев послал гонца к царю 21 июля и 5 августа получил одобрение своим действиям и приказ: «золотые и роспись, кому что дать (имеется в виду старшинская роспись, — И. С.) отдать гетману, а самому, взяв листы у гетмана, ехать к государю...»¹²⁶

Таким образом, утверждение украинских летописей о том, что каждый казак получил по золотому в Фастовском лагере, не получает подтверждения в русском актовом материале. Лагерь был оставлен войском Б. Хмельницкого 26 августа,¹²⁷ и возможность раздачи жалованья сразу же после отъезда Протасьева представляется наименее вероятной. Основанием для приведенных выше сообщений летописей, по всей вероятности, явилось лишь объявление государевой милости со всеми подробностями, но не сама раздача. Имела ли она вообще место впоследствии и было ли послано в таком случае дополнительное количество золотых — неизвестно. Остается бесспорным, что 42 тысячи «малых» золотых, во всяком случае остались на Украине, а больше 30 тысяч было вручено как награды казакам Золотаренко.

Московский золотой в $\frac{1}{4}$ червонца, названный украинскими летописцами золотой копеейкой, постоянно упоминался выше как награда среднего «офицерского» класса, которую получали преимущественно сотенные головы дворянских ополчений и стрелецких полков. Награждение им простых казаков и вчерашних посполитых с точки зрения Разряда и царя производилось с крупнейшим превышением любых возможных в таком случае норм.

Дошли ли до нас награды, отчеканенные и розданные в таком огромном количестве, и можно ли распознать их среди золотых, сохранившихся в наших музеях?

Среди золотых Алексея Михайловича с весом в $\frac{1}{4}$ червонца привлекает особенное внимание группа уже давно известных и даже не очень редких золотых, чеканенных многими парами разных штемпелей, со средним весом около 0,83 г. Одной из особенностей их является почти полное отсутствие на них отверстий (только на 17 из 60 известных экземпляров). По типу они не отличаются от описанных выше. Одна сторона занята обычной «копеечной» пятистрочной надписью: «Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси», а на другой находится изображение двуглавого коронованного орла, но по сторонам головок и между ними размещена дата арабскими цифрами: 1—65—4. Вследствие овальной формы пластинок чаще всего от даты остаются только цифры «65» между головами, а на некоторых разновидностях, по упущению резчиков штемпелей, цифры представлены в зеркальном порядке (табл. III, 13 и 14).

Необходимо напомнить, что на монетах московской чеканки до 1654 г. никогда не помещалась дата,¹²⁸ не только на копеечках, но и на любых золотых, даже самых крупных. Впервые в этом году славянская дата *ꙗꙗꙗꙗ* была помещена на новых монетах Алексея Михайловича — серебряных рублевиках и полуполтинах и на медных полтинах. Дата на «московских золотых» 1654 г. — первая дата арабскими цифрами в русской чеканке. После надчеканки талеров клеймом с датой «1655» даты снова надолго исчезли с любых русских монет, что делает датированные московские золотые еще более исключительным явлением, открывая в них особую группу обильно чеканившихся по специальному заданию жалованных монет.

¹²⁴ Там же, стр. 696.

¹²⁵ Там же, стр. 697.

¹²⁶ Там же, стр. 697, 703 и 704.

¹²⁷ АЮЗР, XIV, стр. 29 и 70.

¹²⁸ Лишь Новгородский денежный двор в течение нескольких лет (с 1596 по 1610 г.) выбивал даты на своих копеечках, пользуясь славянской нумерацией.

Такие же золотые монеты без дат гораздо более редки, чем датированные (табл. III, 11). Существо реформы Алексея Михайловича 1654 г. достаточно хорошо известно, чтобы сразу же отбросить, как совершенно несостоятельную, догадку (которую может подсказать отсутствие отверстий) о чеканке золотых монет для обращения в системе новых монет 1654 г. Сообщение украинских летописей о жалованье 1654 г., очищенное от затемнявших его привнесений, настолько удачно сочетает в себе ряд точных примет — материал, вес и меру, дату, название, сходство с копеейкой, что едва ли остается место для каких-либо сомнений в том, что русские золотые 1654 г. чеканились специально для войска Хмельницкого.

Отсутствие отверстий на большинстве монет само по себе может служить лишним доказательством украинской принадлежности этих золотых и находит объяснение именно в том, что одна часть их могла получить чисто платежное применение, а другая была роздана украинским казакам, незнакомым с русской традицией награждения жалованными золотыми. Украина знала обычное денежное обращение «червонных золотых» — дукатов многих западноевропейских государств. Червонцы часто звенели в карманах и кошельках старшины Хмельницкого, и пожалование двойными и тройными червонцами, при отсутствии понимания русского обычая, едва ли производило большое впечатление.

Червонные золотые даже использовались на Украине довольно широко как носимое на груди украшение, однако исключительно женское и девичье — дукаты прикреплялись к монисту. В украинских имущественных реестрах XVII в. мы постоянно встречаем среди описаний женских «клеинодов» упоминания о монистах и ланцюжках (цепочках) с золотыми «поодинковыми», двойными, португалами и т. д. Даже название золотого в украинском языке («дукат») стало названием специального женского украшения («дукач»), носимого в качестве подвески на ленте или на монисте.

Специфика золотых как женских украшений, должно быть, делала для казаков почетный характер пожалования 1654 г. еще менее постижимым. Сохраняя полученное как памятный подарок, они вряд ли проявляли готовность украшать себя монетами. Ведь даже авторы украинских летописей в большинстве проявляют полное непонимание существа награждений 1654 г.

Разумеется, никак не исключено, что датированные золотые 1654 г. в общем порядке жаловались и сотенным головам или иным лицам в русском войске в ходе военных действий. Но сколько бы их ни было выдано, их количество не может идти в сравнение с массовой раздачей казакам, которой мы в основном и обязаны дошедшими до нас ценными реликвиями эпохи Воссоединения.

В 1678 г. Разрядом было послано «копеек золоченых пять рублей» как государево жалованье ратным людям Белгородского полка за «чигиринское осадное сиденье» 1677 г. Из опубликованных документов видно, что Разрядный приказ посылал «на обмену» такое же количество «серебряных мелких денег»; следовательно, предназначенные к раздаче копейки чеканились для этой цели специально с именем правящего государя.¹²⁹

Угорские царя Федора Алексеевича не представляют каких-либо отличий от золотых его предшественников. Они чеканились со старой формулой титула, без упоминания Малой России (табл. IV, 1). Наградные копейки Федора Алексеевича известны (табл. IV, 3), однако в его время особенно возрастает роль «алтынов», крупных овальных знаков, чеканенных копеечными штемпелями (табл. IV, 2). К ним примыкают сохранившиеся во множестве алтыны Ивана Алексеевича и Петра, одно количество которых говорит о том, что они быстро вытесняли серебряную копейку как низший наградной знак и занимали ее место в системе наград конца XVII и даже начала XVIII в. (табл. V, 11—20).

С новым явлением в наградном деле знакомят нас золотые медали, пожалованные за Троицкий поход 1682 г., закончившийся казнью И. А. Хованского. О них мы можем судить

¹²⁹ Нумизматический сборник, т. 1, М., 1911, стр. 630—631.

Таблица IV

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ. 1 — угорский, перечеканка на голландском дукате; 2 — алтын; 3 — позолоченная копейка. ИВАН, ПЕТР И СОФИЯ. 4 — наградная медаль генерала Агея Шепелева за Троицкий поход 1682 г. (Оловянный слепок оборотной стороны); 5, 6 и 7 — золотые в 4,3 и 2 червонца, тип 1682—1684 г.; 8 и 9 — золотые в $1\frac{1}{2}$ и 1 червонец, около 1685—1686 г.; 10 — золотой за Крымские походы 1687 и 1689 гг. Серебряная позолоченная копия; 11 — золотой в 5 червонцев, ювелирная чеканка; 12 — золотой в 3 червонца; 13 — золотой в $\frac{1}{4}$ червонца.

только по одной из них, но несомненно одной из нескольких. Ею был награжден думный генерал Агей Шепелев, сопровождавший царский двор, который бежал из Москвы от стрелецкого своеволия в Троице-Сергиевскую лавру. Изображение герба со св. Георгием на щитке окружено двумя кругами надписи: «*Божию милостию мы великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная — царевна и великая княжна София Алексеевна всея Великия и Малыя и Белья России самодержицы*». Надпись продолжается и заканчивается на оборотной стороне в 11 прямых строках: «*пожаловали генерала думного нашего Агея Алексеевича Шепелева за службы 74а года, что он был в нашем великих государей походе в Троицком Сергиеве монастыре з ближним нашим боярином и оберегателем и дворовым воеводою со князем Василием Васильевичем Голицыным в товарищах*»¹³⁰ (табл. IV, 4).

Перед нами первая русская персональная наградная медаль, в надписях которой упоминается не только конкретное событие с его датой,¹³¹ но и личность награжденного. Нет никакого сомнения, что и Голицын и другие его ближайшие помощники, боярин М. И. Лыков и думный дворянин А. И. Ржевский, получили подобные персональные знаки отличия. Для каждой медали был вырезан специальный штампель оборотной стороны только для одного оттиска, тогда как лицевой штампель с началом надписи годился для всех награжденных.

Персональный характер знаков не мог найти применение в награждении менее высокопоставленных участников похода — стрельцов, голов и др., о вполне вероятном награждении которых сведения не сохранились. Это и подобные ему другие награждения тех лет осуществлялись дошедшими до нас золотыми, композиция которых построена почти по такому же принципу, как и шепелевская медаль. На лицевой стороне их находится изображение государственного герба в ободке, но вовсе без круговой надписи. Вся легенда размещена в 8 прямых строках на оборотной стороне и содержит тот же титул, только без первых трех слов («*божию милостью мы*»). В Эрмитаже имеются такие золотые в четыре (13,81 и 13,96 г), три (10,44 г) и два червонца (6,36 г) (табл. IV, 5—7).

По-видимому, непосредственно примыкают к этой серии, сменяя ее, знаки отличающиеся иной композицией. Здесь на обеих сторонах находится одинаковое изображение государственного герба, окруженное надписью, состоящей только из начальных букв слов: «*БМПІВГЦІКІАПА — ІГБЦІКСАВВІІРС*», т. е. «*божию милостию повелители и великие государи цари и князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич — и государыня благоверная царевна и княжна София Алексеевна, всея Великия и иных России самодержицы*». В Эрмитаже они представлены знаками в полтора (4,3 и 4,9 г; табл. IV, 8) и в один червонец (3,28 г; табл. IV, 9).

Датирующее значение для этого типа золотых может иметь то обстоятельство, что к 1686 г. относится выпуск так называемых севских чехов (особая монета для Украины), на которых титул (без упоминания Софьи и с перечислением Великой, Малой и Белой России) точно так же передан начальными буквами, причем образец монеты был выработан в Москве.¹³²

Обе композиционные разновидности золотых Иоанна, Петра и Софьи могут относиться только ко времени между 1683—1687 гг., так как в связи с первым Крымским походом, а еще более в связи с отчаянной борьбой царевны за самодержавную власть, был создан новый, резко отличный от прежних тип золотого.

Золотые многих достоинств с портретами Иоанна, Петра и Софьи, сохранившиеся в наших музеях в большом количестве, являются памятниками бесславных походов В. В. Голицына на Крым в 1687 и 1689 гг. Замысел их композиции был несомненно делом самой царевны и позже ставился в вину именно ей — даже народной молвой.¹³³ На лицевой стороне, определяемой по началу надписи, находятся изображения братьев-государей в княжеских шап-

¹³⁰ Ю. Б. Иверсен. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц, т. II. СПб., 1883, стр. 330—331; медаль не сохранилась. См.: Нумизматический сборник, I, 1955, стр. 83 и 91.

¹³¹ Поход происходил в сентябре 1682 г., т. е. в первом месяце нового 7191 г., который и обозначен на медали и Иверсеном неверно переведен на наше летоисчисление как 1683 г.

¹³² В. кн. Георгий Михайлович. Ук. соч., №№ 20—28; М. Г. Деммени. К вопросу о чеканке севских чехов. Записки и. Русского археологического общества, т. I—II. СПб., 1909, стр. 97—147; АЕ, III.

¹³³ Нумизматический сборник, т. I, М., 1955, стр. 51.

ках, над которыми втиснуто маленькое изображение государственного герба, а другая сторона отведена для более крупного портрета царевны; она изображена в царском венце и со скипетром в руке. Легенда, окружающая изображение на обеих сторонах, также передана начальными буквами слов и отличается от приведенной выше только отсутствием на лицевой стороне букв «П. I.» («повелители и...»)

Нечитаемость легенды для рассматривавшего золотой делала главной стороной ту, на которой находится гораздо более импозантный портрет царевны — почти царицы. Замысел этой медали находится в несомненной связи с известным гравированным портретом царевны, сочиненным в 1688 г., а впоследствии печатавшимся в Амстердаме.¹³⁴

В коллекции Эрмитажа имеется большой литой серебряный медальон, покрытый позолотой и снабженный ушком, весом 39,29 г. По величине он соответствовал бы золотому в 12—15 червонцев. Изображение царевны на нем имеет дополнительные детали — крест и цветок по сторонам (табл. IV, 10). По стилистическим данным подлинность его не вызывает сомнений, которые, однако, могут порождаться материалом. По всей вероятности, он отлит с подлинного медальона ручной чеканной работы. Именно в такой технике выполнен вдвое меньший золотой медальон с ушком, имеющий вес 16,38 г, примерно равный 5 червонцам (табл. IV, 11). В золоте же такие медали имеются чеканенные, достоинством в три, два, полтора, в один золотой, в две трети, в половину и в четверть червонца, последние многих штемпелей (табл. IV, 12; табл. V, 1—6).

Упоминание о почетных награждениях за поход 1687 г. находится в записках де ла Невилля, приезжавшего в Москву в качестве посла польского короля. По его словам, при роспуске войска после похода «каждый генерал получил золотую медаль с изображением обоих царей с одной и царевны с другой стороны для ношения на золотой цепи, из которых каждую с медалью ценили в 10 червонцев; каждый полковник получил по медали, но без цепи, ценою в червонец, каждый подполковник и майор — медали в полчервонца и каждый солдат и стрелец — золотую копейку в 25 су ценою (серебряная копейка стоит 1 су)». ¹³⁵

Сообщение де ла Невилля существенно дополняется, а отчасти и поправляется дневником И. Гордона, в котором рассказано о том, что 14 августа 1687 г. посланный навстречу возвращавшемуся из похода войску боярин Б. П. Шереметев вручил В. В. Голицыну осыпанную драгоценными камнями медаль на золотой цепи в 300 червонцев (вероятно, ценою). Его помощникам и генералам были розданы медали от 9 червонцев и ниже; сам Гордон получил золотой в 5 червонцев. Солдаты выборных полков получили по золотому (вероятно, в 1/4 червонца, — И. С.), а прочих полков — по серебряной копейке. ¹³⁶

И. И. Голиков повторяет рассказ о медали Голицина, но утверждает, что «все войско получили одни позолоченные, а другие без позолоты серебряные медали в 20 копеек каждая». ¹³⁷

Таким образом, есть основание поверить, особенно принимая во внимание свидетельство непосредственного участника похода Гордона, что наградные знаки самого низшего достоинства были во всяком случае серебряными.

В. К. Трутовский опубликовал принадлежавший к собранию П. С. Уваровой серебряный, позолоченный внутри и снаружи стакан начала XVIII в., украшенный многими врезанными в его стенки и дно петровскими серебряными монетами 1701—1709 гг., от полтины (в дне стакана) и ниже (27 шт.) и одним «золотым» Ивана, Петра и Софьи, размером в червонец. Трутовский утверждает, что эта медаль тоже серебряная, не объясняя, каким образом удалось убедиться в этом. ¹³⁸ Поскольку стакан позолочен с обеих сторон, не исключена возможность, что, видя 27 заведомо серебряных монет, Трутовский заключил, что и двадцать восьмая должна быть только серебряной. Такая ошибка может быть подсказана наличием на стакане пробирных клейм. Но если вделанный в стакан кружок даже и в самом деле от-

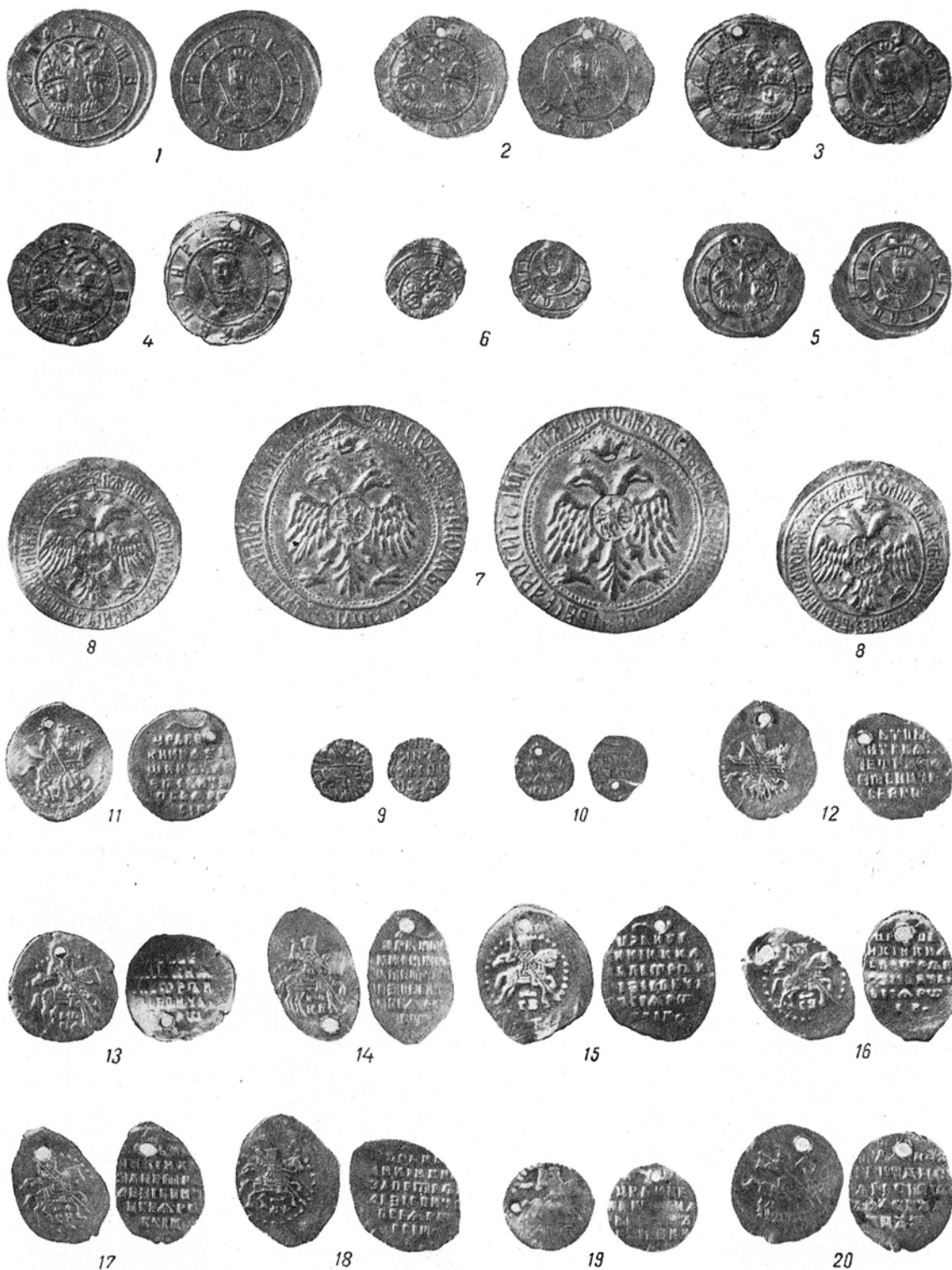
¹³⁴ Н. Устрьялов. История царствования Петра Великого, т. II. СПб., 1858, стр. 45—48.

¹³⁵ Записки де ла Невилля о Московии. «Русская старина», 1891, сентябрь, стр. 449.

¹³⁶ Н. Устрьялов. История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, стр. 211.

¹³⁷ И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. IV. М., 1790, стр. 65, 66.

¹³⁸ В. К. Трутовский. Серебряная медаль эпохи двоевластия (1682—1689). Нумизматический сборник, I. М., 1911, стр. 540—544.

ИВАН, ПЕТР И СОФЬЯ. 1-6 — золотые в 2, 1½, 1, 2/3, ½ и ¼ червонца. ИВАН И ПЕТР (1689—1696). 7 — золотой в 9 червонцев. 8 — золотой в 2½ червонца; 9 — золотая копейка Ивана; 10 — золотая копейка Петра; 11 и 12 — алтыны Ивана и Петра времени совместного правления. ПЕТР I. 13 — алтын Петра, около 1696 г.; 14—16 — алтыны 1698, 1693 и 1699 гг.; 17 и 18 — алтыны 1700 г.; 19 — алтын 1706 г., чеканен старыми штемпелями на кружке нового алтына; 20 — алтын 1716 г.

чеканен из серебра, то и в таком случае наличие единственного подлинного серебряного экземпляра (существуют еще серебряные антикварные подделки), рядом с великим множеством дошедших до нас золотых, никак не может решать «в положительном смысле», как считал Трутовский, вопрос о чеканке наградных серебряных знаков 1687 г. теми же штемпелями, что и золотых. Даже технически это было не так уж просто до 1700 г., когда в Москве наконец появились удовлетворительные механизмы для чеканки.

Суммируя сообщения всех трех наших источников, кажется, самым правильным будет считать, что в набор наградных знаков за Первый поход 1687 г. как низшая степень входили упоминавшиеся выше серебряные «алтыны», ставшие на место серебряных копеек. По размеру они действительно более или менее соответствуют екатерининским двугривенным, которые мог иметь в виду Голиков. Такие алтыны как позолоченные, так и белые, и всегда проколотые, дошли до нас в очень большом числе. Как и копейки для обращения, они чеканились раздельно, от имени каждого из государей — Ивана Алексеича и Петра (табл. V, 11 и 12).

Вынужденная, как никто до нее, заискивать и перед стрельцами, и перед дворянством, Софья не ограничилась раздачей золотых одним только участникам похода. В том же 1687 г. был издан указ о раздаче золотых «по указным статьям» (т. е. по нормам, определенным основным, не сохранившимся указом) вдовам и сиротам погибших в походе или умерших до раздачи.¹³⁹

Желая затушевать неудачу Второго похода 1689 г. и представить ратные «подвиги» В. В. Голицына в наиболее выгодном свете, Софья не жалела ни средств, ни наград. Не уступала ей в этом и сам Голицын. Подготавливая свой «триумф», он писал из обратного похода Ф. Шакловитому: «О том милости твоей прошу, чтоб ратные люди по милости государской повеселены были; и буде милость государская будет посылка золотыми, чтобы мне, по милости их, отдел (отличие, — И. С.) хоть малый был такой золотой, каков изволят, и чтоб привешена к нему хотя худа была чепь, для славы государского имени»¹⁴⁰. Шакловитый отвечал: «Золотых готовить велено: тебе против прежних, Шеину 15, Шереметеву 10, Долгорукову 8, а достальным с убавкою»¹⁴¹. Софья со своей стороны поспешила успокоить Голицына: «золотые не поспели, не покручиньтесь, за тем вас держать жаль, тотчас поспеют, тотчас пришлю».¹⁴²

Из дневника П. Гордона видно, что Петр по мере возможности противился этому награждению, а когда пришлось согласиться на него, не пожелал принять Голицына и других, явившихся к нему с изъявлениями благодарности.¹⁴³ Гордону на этот раз достался золотой в 3 червонца, «в убавку» против первого похода.¹⁴⁴

Указ от 27 июля 1689 г., как и в 1687 г., предписывает раздать золотые сиротам погибших участников похода.¹⁴⁵ Тогда же раздача государева жалованья золотыми нового образца была распространена на войска, вовсе не участвовавшие в походе: 18 августа 1689 г., когда в Москве ход событий уже приобрел для Софьи трагический характер, в далекий Тобольск были привезены для раздачи еще невиданные там, и потому подробно описанные местным историографом, новые золотые. Окольников и воевода Ф. А. Головин получил восьмикратный золотой, второй воевода и дьяк — золотые; то же, вероятно, получили «полковники и начальные люди», а московские стрельцы и ратники сибирских полков — золотые копейки¹⁴⁶, т. е., вероятно, золотые в 1/4 червонца. Последние дошли до нас в очень боль-

¹³⁹ ПСЗ, III, № 1273, 22 декабря 1687 г.; Собрание государственных грамот и договоров, ч. IV, М., 1826, стр. 575.

¹⁴⁰ Н. Устрялов. Ук. соч., т. I, Приложения, стр. 352, № 33.

¹⁴¹ Там же, стр. 355, № 60.

¹⁴² Там же, стр. 383, № 2.

¹⁴³ Н. Устрялов. Ук. соч., т. II, стр. 51; А. Брикнер. Патрик Гордон и его дневники, СПб., 1873, стр. 68.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ ПСЗ, III, № 1343 (стр. 30).

¹⁴⁶ ДРВ, III, стр. 273—274. В 1695 г. был бит кнутом подъячий Разряда Г. Афанасьев за хищение золотых, предназначавшихся к раздаче за Второй крымский поход. См. Записки И. А. Желябужского. СПб., 1840, стр. 41.

шом числе (табл. V, 6). В этом именно и заключается отличие между системами наград 1687 и 1689 гг.; на этот раз и все низшие награды были изготовлены из одного только золота.

Об отношении Петра к Крымской эпопее свидетельствует его указ от 20 января 1697 г., запрещающий упоминать, хотя бы в качестве примера, награждения 1687 и 1689 гг. в документах по текущим наградным делам.¹⁴⁷

К периоду совместного правления Петра и Иоанна 1689—1696 гг. в собрании Эрмитажа относятся золотые в 9 червонцев, а также в 2½ червонца¹⁴⁸, с круговыми надписями: «*Божиею милостию мы великие государи и цари и великие князи — Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея России самодержцы*» и с изображением двуглавого орла на обеих сторонах (табл. V, 7 и 8). Ими, вероятно, награждались наиболее высокопоставленные участники переворота 1689 г. Имеются и редкие золотые копейки с именем одного Петра или одного Иоанна (табл. V, 9 и 10).¹⁴⁹ Наконец, сохранились в большом числе золоченые и белые алтыны этого времени, с именами Иоанна и Петра. Среди них также встречаются круглые; вес этих знаков самый неопределенный — от 0,67 до 1,34 г, а один особенно тяжелый весит 4,24 г (табл. V, 11 и 12).

С 1696 г. на всех серебряных монетах, выпускавшихся для обращения, ставилась дата; поэтому появилась она и на наградных алтынах, чеканившихся по-прежнему копеечными штемпелями. Петровские алтыны с датами славянской нумерации имеются 1697, 1698, 1699 и 1700 гг. (последние двух видов, с датами по старому и по новому летосчислению, от сотворения мира и от рождества христового) (табл. V, 13—18). Сохранилось также по одному экземпляру алтынов 1706 и 1716 гг.¹⁵⁰ (табл. V, 19 и 20).

В сентябре 1696 г. было выдано большое число наград за службу под Азовом. А. С. Шейн был награжден золотым в 13 червонцев, Ф. Лефорт — в 7 червонцев, П. Гордон и Ф. А. Голловин — в 6 червонцев. Рядовые солдаты и стрельцы получили золоченые копейки.¹⁵¹ Весьма возможно, что в сообщении об этом награждении копейками названы алтыны, которых до нас дошло много больше, чем копеек, в том числе и датированные алтыны 1697 г., чеканка которых могла начаться с нового года, т. е. с 1 сентября 1696 г. Названные генеральские награды затруднительно идентифицировать с какими-либо дошедшими до нас золотыми: Иван Алексеевич умер 29 января 1696 г., поэтому упомянутые выше золотые с именами Петра и Ивана казалось бы уже не могли получить применение, а между тем какие-либо золотые одного Петра, которые можно было бы отнести к этому времени, неизвестны вовсе.

Монетная реформа Петра, начавшаяся в 1700 г., дала русскому денежному обращению монету правильной формы. В 1704 г. в обращении вышел серебряный рублевик, выпуском которого завершилось создание новой серии золотых, серебряных и медных монет; новые технические возможности должны были сказаться и в наградном деле. Но и обращение старых серебряных копеек не было прекращено, и чеканка их продолжалась еще более полутора десятка лет. Следовательно, сохранялась и техническая база для чеканки жалованных монет старого образца.

До нас дошел золоченый «проволочный» алтын 1706 г. Есть некоторое основание предполагать в нем низшую степень награды за сражение при Калише, поскольку существует комплекс золотых офицерских медалей 1706 г. с разным весом в норме 14, 6, 3 и 1 червонца.¹⁵² Для награждения участников сражения при Лесной 1708 г. предназначалась

¹⁴⁷ ПСЗ, III, № 1565, 20 января 1697 г. Ср. там же № 1556 (23 ноября 1696 г. — «придачи давать ... по указным статьям против прежнего 197 (т. е. 1689 — И. С.) года, против Крымских походов») и № 1574 от 25 февраля 1697 г., где, несмотря на запрет, при награждении за службу под Азовом, как ни в чем не бывало, ссылаются на 197 год и «Крымские походы».

¹⁴⁸ Происходит из коллекции в. кн. Георгия Михайловича, ук. соч., № 19, табл. I, № 19. Раньше принадлежала к коллекции Э. Гуттен-Чапского, маленькое клеймо которого выбито на одной из сторон. В Эрмитаж поступила после 1946 г.

¹⁴⁹ Серебряные копейки и в этот период продолжали чеканить порознь с именем каждого государя в отдельности.

¹⁵⁰ И. Г. Спасский. Алтын в русской денежной системе. КСИИМК, 1956, № 66, стр. 20.

¹⁵¹ Н. Устрялов. Ук. соч., т. II, стр. 303.

¹⁵² Ю. Иверсен. Медали на деяния императора Петра Великого и т. д. СПб., 1872.

большая серия золотых медалей; сохранились экземпляры, равные по весу 13, 6, 5, 3, 2 и 1 червонцу. Эта развитая система наград несомненно должна была дополняться и какими-то солдатскими, более скромными наградами; возможно, и здесь ограниченно служили для этой цели алтыны, хотя с этой датой они до нас и не дошли. Но время алтынов кончалось так же, как кончалось время серебряной копейки в монетном обращении, и низшие награды за походы и баталии 1701—1708 гг., полное отсутствие которых кажется таким странным, несомненно нужно искать среди новой серебряной монеты правильной чеканки, производство которой началось в 1701 г. на Московском военно-морском монетном дворе.¹⁵³ Было вполне логичным поставить ее и в наградном деле на место старых копеек и алтынов.

Старшие в серии серебряных монет 1701—1703 гг. полтина и полуполтинник имели на себе изображение царя и вполне могли служить новыми солдатскими «золотыми». Лишь соображения экономии могли в течение какого-то времени частично сохранять роль наград за некрасивыми, но маленькими старыми алтынами. До чрезвычайности близки к серебряным монетам 1701—1703 гг. своим композиционным строем и настоящие золотые этого же времени — сохранившиеся в небольшом числе золотые, так называемые «крестильные рубли», «полтины» и «полуполтины» (табл. VI, 1—4) 1702 г. Собирагельское название «рубль» в этом случае вызывает особенные возражения, так как в 1702 г. серебряный рубль еще не существовал вообще. Их назвали так только по сходству с позже появившимися монетами, тогда как на деле они были ни чем иным, как золотыми высших достоинств. «Полтины» и «полуполтины» точно соответствуют размеру названных монет. «Рубль» и «полтина» и «полуполтина» полностью повторяют тип серебряной полтины первых выпусков 1701—1703 гг. и отличаются лишь тем, что на оборотной стороне вместо обозначения номинала находится на «рублях» надпись: «1702 году марта первого числа», на «полтинах» стоят другие числа: «генваря десятого» и «февраля первого». Последняя надпись повторена и на полуполтине. В данном случае золотые «золотые» применяются к виду серебряных. Три подлинные «полтины» в Эрмитаже имеют вес, соответствующий 10 червонцам (одна) и 8 (две).¹⁵⁴

По словам И. А. Желябужского, за Эрестферское сражение 28 декабря 1701 г. в начале 1702 г. к Б. П. Шереметеву были посланы с «милостивым словом» золотые, причем драгунам и солдатам «всякому человеку дано по рублю».¹⁵⁵ Вернее всего, что писавший много лет спустя И. А. Желябужский запомнил и смешал какие-то новые большие серебряные монеты с рублями, которых в 1702 г. еще не было; но нет никаких оснований брать под сомнение сообщение И. И. Голикова о том, что при раздаче золотых за взятие Дерпта в 1704 г. все солдаты получили «по серебряному рублю»,¹⁵⁶ т. е. не просто деньги, а именно монеты.

Узнать, какие из дошедших до нас ранних петровских полтин и рублевиков служили солдатскими наградами, невозможно, хотя проколотая петровская монета встречается нередко. Награжденные, получавшие свои «манеты» даже без ушка, нередко должны были бороться с соблазном разменять свою награду... Жалованный рублевик должен был получить какие-то отличия от рублевика-монеты, т. е. превратиться в медаль.

Памятником Полтавской битвы 1709 г. являются солдатские и «урядничьи», т. е. унтер-офицерские наградные медали размера рублевика, с «рублевым» портретом царя на одной стороне, но с изображением батальной сцены и с соответствующей надписью и датой на другой (табл. VI, 5 и 6). Традиция была так сильна, что наградные медали 1709 г., как и многие последовавшие за ними офицерские и солдатские медали, в течение десятков лет чеканились без ушка, и награжденному предоставлялось право самому позаботиться о нем.

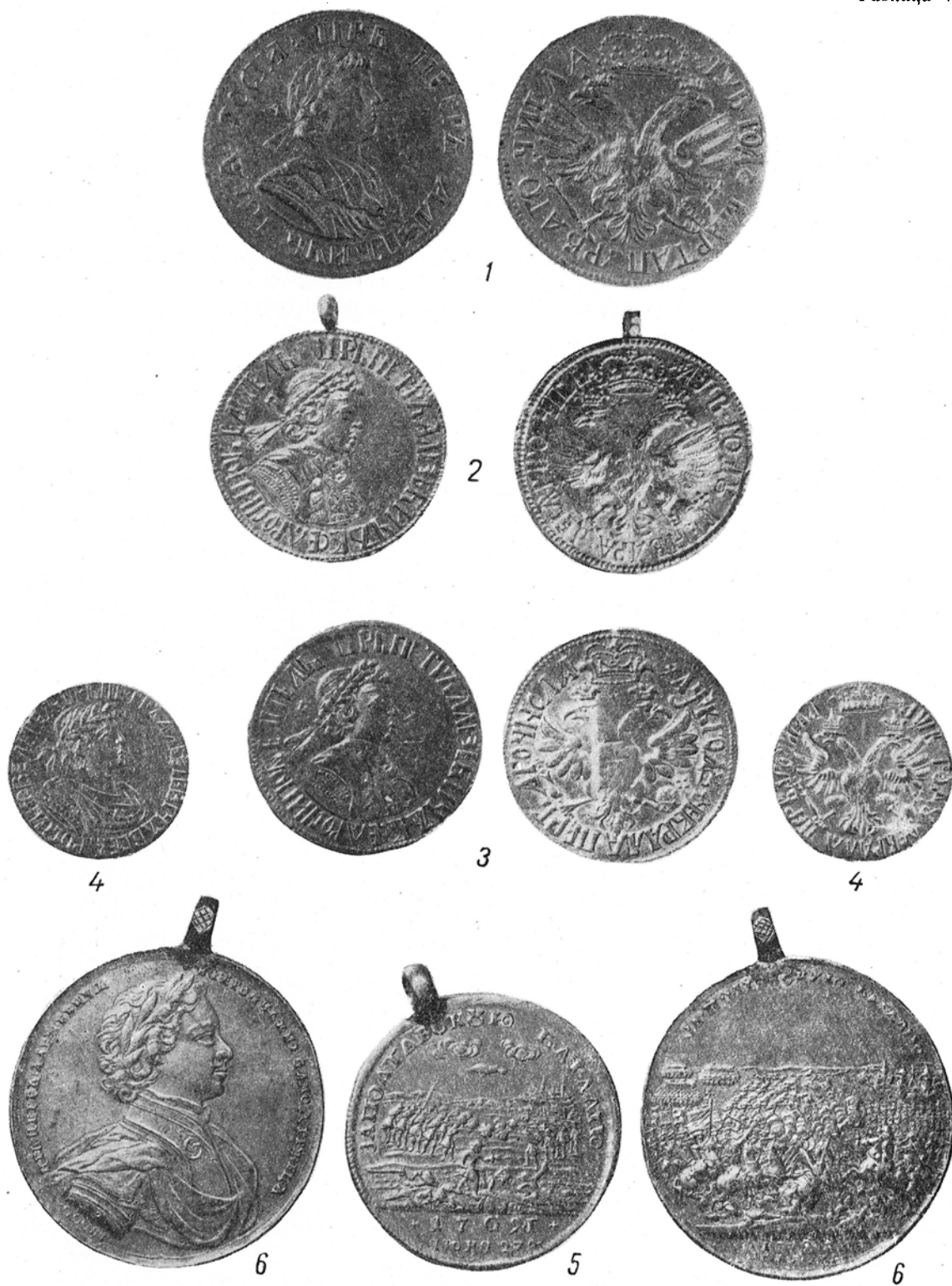
Систематические массовые награждения в созданной Петром регулярной армии при всей кажущейся новизне этого начинания всеми корнями уходят в вековые воинские традиции допетровской Руси. Точно так же, как и прежде, золотые разного веса получали начальники и дворянское войско — гвардия, а знаки высших достоинств выдавались с золо-

¹⁵³ И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. М., 1957, стр. 71, сл.

¹⁵⁴ «Рубли» (два экз.) и «полуполтина» отчеканены подлинными штемпелями, но по всей вероятности, в последнее время. Поэтому их вес (50,54, 34,47 и 10,12 г) всерьез принимать нельзя.

¹⁵⁵ Записки И. А. Ж е л я б у ж с к о г о. СПб., 1840, стр. 181—182.

¹⁵⁶ И. И. Г о л и к о в. Дополнения, ч. VI, стр. 134.

ПЕТР I. 1 — Так называемый «Крестильный рубль» 1702 г. Позднейшая чеканка старыми штемпелями, предназначавшимися для чеканки золотых в 20—15 червонцев; 2 — португал 1702 г. (так называемая «Крестильная полтина»); 3 — золотой 1702 г. в 6 червонцев (так называемая «Крестильная полтина»); 4 — так называемый «Крестильный четвертак». Позднейшая чеканка старыми штемпелями, служившими для чеканки золотых в 3—2 червонца; 5 — солдатская наградная медаль за Полтавскую баталию; 6 — урядничья (унтер-офицерская) медаль за Полтавскую баталию.

тыми цепями; точно так же, как прежде, простые воины награждались серебряными знаками. Если не считать окончательный отказ от золочения солдатских медалей, то различие между наградами допетровской Руси и введенной Петром системой наград не больше, чем различие между монетами допетровскими и новыми.¹⁵⁷

Наиболее поздний по дате петровский проволочный алтын в собрании Эрмитажа датирован 1716 г. По всей вероятности, и он принадлежит к какому-то награждению (может быть, для иррегулярных войск), в котором древняя традиция русского войска в последний раз выступает в своих старинных формах.

На открывшейся в 1955 г. в Эрмитаже выставке орденов и знаков русские жалованные золотые, по старой традиции нумизматов рассматривавшиеся и экспонировавшиеся прежде вместе с монетами, впервые показываются вместе с русскими воинскими медалями XVIII—XIX вв., которые генетически связаны с ними самыми тесными узами.

¹⁵⁷ См. ниже статью Л. С. Пискуновой (стр. 135—140).

НАГРАЖДЕНИЕ МЕДАЛЯМИ ЗА ГАНГУТСКИЙ БОЙ 27 ИЮЛЯ 1714 г.

Среди ранних русских медалей начала XVIII в. значительное место принадлежит воинским наградным медалям. В созданной Петром I национальной регулярной армии наградная медаль сразу заняла определенное место в системе воспитательных начинаний, отличавших русскую армию от современных ей европейских.

Петровская наградная воинская медаль выглядит как нечто совершенно новое в русском военному быту, тем более, что невозможно найти что-либо сходное в практике любой другой армии Европы того времени. Чтобы уяснить особенности этого чисто русского военного обычая, полезно проследить каким образом производились награждения, кто награждался, каковы были знаки отличия и т. д. Это тем удобнее, что в начале XVIII в. воинская медаль была знаком участия в конкретном сражении. Предметом настоящей статьи являются награды за Гангутский бой, порядок их раздачи, а также время и место изготовления медалей.

В честь Гангутской победы были устроены торжественные празднества, одним из главных моментов которых был триумфальный ввод захваченных шведских судов в Неву у Петербурга. Участники боя получили разнообразные награды: «штаб и обер-офицеры за ту службу награждены медалями, каждый по пропорции своего чина, а рядовые серебряными медалями и деньгами».¹

В Государственном Эрмитаже хранятся четыре золотых наградных медали за Гангутский бой и несколько серебряных. На лицевых сторонах всех их помещен портрет Петра I, а на оборотных — изображение морского боя и надпись: «*Прилежание и верность превосходит силно июля 27 дня 1714*» (рис. 1, а, б и 2, а, б). Вес золотых медалей и их диаметр различны, серебряные же все соответствуют по диаметру и весу рублевикам того времени (рис. 2, а, б).

Первоначально было изготовлено для раздачи 193 золотых и 1000 серебряных медалей. Последние, как явствует из документов, были все одного веса, а золотые по ценности распределялись следующим образом: три весом в 100 червонных, четыре в 70, восемь в 45, двадцать одна в 30, пятьдесят в 11, семьдесят в 7 червонцев. К некоторым из них полагались цепи: три в 50 червонцев, пять в 30, одиннадцать в 25, двадцать одна в 20 и сорок в 15 червонцев.² (Вес червонца того времени составляет в среднем 3,5 г).

Уже через четыре месяца после победы, в ноябре 1714 г., были розданы: три «бригадирские» медали весом в 45 червонцев и цепи к ним в 50 червонцев каждая (Волкову, Змаевичу и Лефорту), одна «полковничья» медаль в 30, с цепью в 30 же червонцев (Ягужинскому), четыре «подполковничьих» (они же «майорские») в 15, с цепями в 30 червонцев, две «капитанские» в 11 и цепи к ним в 25 червонцев (гвардейским офицерам и офицерам галерного

¹ Журнал или поденная записка... Петра Великого. СПб., б/г., ч. I, стр. 452.

² Архив Военно-морского флота (далее — Архив ВМФ), фонд Канцелярии гр. Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., лл. 9, 107.

Рис. 1. Офицерские золотые медали для награждений за Гангутский бой.
а — медаль для майоров (15 червонцев); б — медаль для поручиков (7 червонцев).

батальона) и девять медалей в семь червонцев, без цепей (гвардейским унтер-офицерам и младшим офицерам армейских полков); тогда же было роздано 226 серебряных медалей «Преображенского полку капралам и гренадером и салдатом и другим чинам». ³ Награждение было произведено из Кабинета (личной канцелярии) Петра.

По указу царя от 2 декабря 1714 г. генерал-адмиралу Апраксину предписывалось принять в его походную канцелярию оставшиеся в Кабинете 174 золотые медали и семьдесят золотых цепей, а также 774 серебряные медали для дальнейшей раздачи участникам боя. ⁴ За декабрь 1714 г. было роздано 12 золотых медалей с цепями и без цепей и 72 серебряных; ⁵ в первую очередь получали их те офицеры и солдаты, которые находились в Петербурге. ⁶

Первоначально принятый вес золотых медалей и цепей для разных чинов при раздаче не соблюдался, и в ходе награждения установился новый принцип весовых различий. Самыми высокими наградами, таким образом, явились бригадирские медали в 45 червонцев. Заготовленные ранее три медали в 100 червонцев, четыре в 70, а также оставшиеся неиспользованными еще пять бригадирских в 45 червонцев оказались излишними. Кроме того,

³ Архив ВМФ, фонд Канцелярии гр. Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., л. 9.

⁴ Там же, л. 167.

⁵ Там же, лл. 82—83.

⁶ В представленном в Канцелярию генерал-адмирала именном списке «морским служителем, нижеписанных чинов, обретающихся в Санкт-Петербурге и в армии, которые в батальи штурмовали швецкие суда» — указано 57 человек, находившихся в Петербурге, и 136 человек — при армии. Из Канцелярии Апраксина 12 декабря 1714 г. были выданы 57 медалей, которые капитан-командор Змаевич вручил «морского флота боцманматам, пушкарям, матрозам и батальонным галерного батальона урядником и солдатом» (Архив ВМФ, фонд Канцелярии гр. Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., л. 41).

Рис. 2.

а, б — солдатские и матросские серебряные медали для награждений за Гангутский бой.

представляемые полками списки офицеров, участвовавших в бою, указывали на значительно большее число, чем, по-видимому, ранее предполагалось, младших офицеров и приравненных к ним гвардейских унтер-офицеров, которые должны были получить самые малые по ценности золотые медали. Изменен был также вес цепей в сторону его увеличения по сравнению с заготовленными ранее.

В связи с этим 16 декабря 1714 г. из канцелярии Апраксина были пересланы в Москву на Денежный монетный двор ⁷ для переделки 45 медалей (в число которых вошли указанные медали в 100, 70 и 45 червонцев) и 66 цепей, общим весом в 2560 червонцев. ⁸ В письме к адмиралтейскому комиссару Беляеву, руководившему Московским монетным двором, Апраксин требовал: «сколько возможно скорее по присланной при сем ведомости вели сделать чеши и медали добрым мастерством и прислать нам». ⁹ Из посланного золота изготовили 30 ме-

⁷ Так называли в начале XVIII в. Кадашевский Монетный двор в Замоскворечье, устроенный в 1701 г. в помещениях прежнего Хамовного (ткацкого) двора; в 1710-х годах он находился в непосредственном подчинении Военно-морского ведомства. На этом Монетном дворе начали чеканку новых золотых и серебряных монет, а также медалей в память побед русской армии и флота. Он же назывался Адмиралтейским, Хамовным, Новым и Военно-морским (И. Г. С п а с к и й. Петербургский Монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949, стр. 6).

⁸ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., лл. 167 об. — 168.

⁹ Там же, дело № 252, 1714 г., л. 139.

далее в семь червонцев и 72 цепи — три в 75, десять в 60, двадцать две в 30 и тридцать три в 22 червонца.¹⁰

В конце марта 1715 г. новые медали и цепи были доставлены в Петербург, и в апреле начался обмен «преждеданных» цепей на вновь изготовленные, а также возобновилась задача медалей. Были заменены цепи к «бригадирским» медалям новыми в 75 червонцев; обменивались также цепи в 25 червонцев, которые заменялись цепями в 30 червонцев к «майорским» медалям и в 22 червонца к «капитанским».¹¹

С этого времени можно считать установленным следующее соотношение веса медалей и цепей к соответствующим рангам воинских чинов при раздаче наград за Гангутский бой.

«Бригадирские» медали в 45 червонцев и цепи к ним в 75 червонцев для бригадиров и капитан-командора. «Полковничьи» — в 30 и цепи к ним в 60 червонцев — для полковников армейских полков. «Подполковничьи и маеорские» — в 15 червонцев с цепями в 30 червонцев для морских капитанов, капитанов гвардии, подполковников и майоров армейских полков. «Капитанские» медали в 11 и цепи к ним в 22 червонца для морских капитан-поручиков и поручиков, гвардейских подпоручиков и прапорщиков, адъютантов адмирала и капитанов армейских полков. «Порутчиьи» медали — в 7 червонцев — давались без цепей; их получали начальники галерных команд, поручики и подпоручики галерного батальона и армейских полков и гвардейские унтер-офицеры.¹²

Золотые медали собрания Государственного Эрмитажа относятся к трем последним группам офицерских наград: две «маеорских» медали в 15 червонцев (рис. 1а), «капитанская» и «порутчиья» в 7 червонцев (диаметром в 23 мм; рис. 1б). Майорская и капитанская медали (диаметром в 41 мм) чеканены одними штемпелями; разница в весе обусловливается толщиной кружка.

Награждение офицеров медалями производилось в течение двух лет, с декабря 1714 г. по декабрь 1716 г., а урядников (унтер-офицеров) и солдат затянулось на еще более долгий срок. Общее число солдат и урядников, принимавших участие в бою, доходило до 3500 человек,¹³ первоначально же было заготовлено лишь 1000 медалей. Первыми получили награды, как уже указывалось, в 1714 г. солдаты Преображенского полка, матросы и солдаты морского флота и галерного батальона и в начале 1715 г. — солдаты Семеновского, Лефортовского и частично Ингерманландского полков. В течение 1715 года в Москве было отчеканено еще 1000 медалей.¹⁴ Из этого числа в 1716 г. выдано было еще 500 медалей для Ингерманландского полка, в котором общее число участников боя составляло 739 человек.¹⁵ Однако и этого было все еще недостаточно, и 10 октября 1716 г. генерал-майор Дюпре обратился к Апраксину с просьбой о выдаче на Ингерманландский полк еще 122 медалей на «наличных урядников и солдат», подлежащих награждению. В то же время в канцелярию генерал-адмирала стали поступать засвидетельствованные командирами частей личные ходатайства от матросов и солдат галерного батальона о том, что они «во время взятия шведского фрегата и галер на приступе были, а медалей не получили». По поступившим проше-

¹⁰ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., л. 168. За работу по изготовлению цепей, которые были переделаны «особым маниром» (ибо прежний был «весьма неспособен крепостью, зане на едином конце спаено было»), уплатили «мастеру иноземцу Ивану Фанколину по 2 рубля 8 алтын 2 деньги с аршина, всего за 139 аршин 312 рублей 25 алтын». (Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 104, 1715 г., л. 34, и дело № 244, 1711—1718 гг., л. 28 об.)

¹¹ Там же, лл. 83—85 об.

¹² Подробные сведения, с поименным указанием лиц, которым были розданы золотые медали и цепи, находятся в ведомости прихода и расхода медалей и цепей за время с 1714 по 1717 г. (Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина; дело № 244, 1711—1718 гг., лл. 168 об. — 174 об.)

¹³ См. А. З. Мышляевский. Петр Великий. Война в Финляндии 1712—1714 г. СПб., 1896, стр. 409. Из указанного числа 434 человека были в бою убитыми и ранеными (там же, стр. 411).

¹⁴ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., л. 176.

¹⁵ Из «доношения» Дюпре выясняется, что за два с лишним года, с июля 1714 г. по октябрь 1716 г. из 739 участников боя 117 человек были за смертью. Просимые им медали были выданы 15 октября 1716 г. (там же, лл. 92, 104—105).

ниям была составлена сводная ведомость и всем, бывшим налицо при частях, роздано 75 «жалованных серебряных монет»¹⁶.

Многочисленные просьбы матросов и солдат особенно интересны. Они показывают, насколько прочно коренилось в сознании простых участников сражения представление о их праве на почетную награду и как принцип массовых награждений способствовал воспитанию в подразделениях флота и армии спланивавшего их духа воинского товарищества. Приводим одно из таких прошений. Солдат галерного батальона Дементий Игнатъев, имя которого в списках по недосмотру было написано неправильно, просил:

«Державнейший Царь Государь Милостивейший, служу я, раб твой, тебе великому Государю в морском флоте в галерной батальоне в солдатах и в прошлом, Государь, 1714-м году был я нижепоименованный при взятии неприятельского фрегата и шести галер на баталии с русским подкомитом Андреем Плотниковым на галере, которой убит на той баталии, а которые моя братья баталионные солдаты также и матрозы были на той баталии и те получили твои государевы манеты, а я раб твой не получил, понеже... по списку, Государь, написано по которому манеты даваны, Дементий Лукьянов, а имя мое Дементий Игнатъев... Всемилоуший Государь, прошу Вашего Величества, да повелит державство ваше мне рабу твоему за вышеописанную баталию против моей братьи Свой Государев манет выдать и о том свой Государев милостивейший указ учинить...»¹⁷

В армейских полках оставалось еще много ненагражденных солдат и урядников, число которых доходило до 2000 человек. Наградить всех не представлялось возможным из-за недостатка медалей; наличных могло хватить только для унтер-офицеров, которым и были вручены 92 медали, посланные в ноябре 1716 г., по приказу генерал-адмирала, из его походной канцелярии в Або к генерал-майору Голицыну¹⁸. В декабре 1716 г. Апраксин опять писал в Москву на Монетный двор о необходимости срочного изготовления и присылки медалей для награждения солдат, которых оставалось еще «число немалое».¹⁹ По этому, последнему, заказу в феврале 1717 г. было отчеканено 1500 медалей. Из них 1490 были розданы «на наличных и отлучных». Оставшиеся после всех раздач 357 медалей были возвращены как неиспользованные в походную канцелярию генерал-адмирала.²⁰ Последним годом вручения наград за Гангутский бой был 1717 г.

Всего было награждено золотыми медалями 144 человека, причем к медалям было выдано 55 цепей; 3125 солдат и унтер-офицеров (последние только армейских полков) получили серебряные медали. Более всего награжденных участников боя было в Ингерманландском полку — 622 человека. По остальным полкам число награжденных составляло: в Лефортовском полку — 311 человек, в Преображенском 252, в 1-м Гренадерском 233, во 2-м Гренадерском 211, в Новгородском и Великолуцком по 196 человек, в Галерном батальоне и Галицком полку по 183 человека, в Семеновском полку 174 человека, в Копорском 114, в Московском 92, в Шлиссельбургском 88, в Вологодском 71 и Воронежском 53 человека. Две медали были выданы денщикам Петра I, двенадцать — гребцам шлюпки генерал-адмирала, четыре — гребцам шлюпки генерала Вейде.²¹

Разные размеры медалей и большое число их, особенно серебряных, потребовали изготовления нескольких пар штемпелей. Имена мастеров-медальеров установить не удалось; в просмотренных документах нет никаких упоминаний об этом; на сохранившихся экземплярах медалей, так же как и на большинстве русских медалей того времени, имена или моно-

¹⁶ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., лл. 104—105.

¹⁷ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 244, 1711—1718 гг., л. 126. В этом же деле (л. 137) имеется список лиц, дополнительно получивших медали, и в нем против имени Дементий Игнатъев значится: «монету серебряную взял, а вместо его расписался писарь Яков Панамарев».

¹⁸ Медали были розданы сержантам, каптенармусам, фурыерам, ротным писарям и одному подпрапорщику.

¹⁹ Архив ВМФ, фонд Канцелярии Апраксина, дело № 254, 1716 г., л. 250 и об.

²⁰ Там же, дело № 244, 1711—1718 гг. л. 149.

²¹ Именные списки награжденных солдат и чинов морского флота, см. там же, дело № 244, 1711—1718 гг., лл. 41—44, 47, 58, 133—135, 147—148, 151—166 об.

Рис. 3. Схема расположения судов в решающий момент Гангутского боя. Гравюра из „Книги Марсовой“ (деталь).

граммы мастеров отсутствуют, за исключением двух офицерских медалей (рис. 1, б), на которых стоит имя медальера С. Гуэна, работавшего в Москве в первой четверти XVIII в.

Все штемпели резались без учета ушков для ношения, которые припаивались к уже готовой медали, захватывая ее края и закрывая отдельные буквы надписи. При чеканке медалей не всегда соблюдалось обязательное при чеканке новых монет расположение штемпелей по одной оси, от чего получалось неправильное, при наличии ушка, положение изображения на оборотной стороне.

Художественное значение медалей за Гангутский бой не очень велико, хотя портреты Петра I разных типов исполнены довольно тщательно и не повторяются на других нумизматических памятниках эпохи. На оборотной стороне всех медалей дано одинаковое схематическое изображение боевого построения русских галер и шведских парусных судов в решающий момент боя. Резчики штемпелей руководствовались при этом той же схемой, которая легла и в основу гравированного плана, приложенного к реляции о победе и напечатанного в «Книге Марсовой»²² (рис. 3).

Известную схематичность и небрежность исполнения можно объяснить, с одной стороны, новизной сюжета и трудностью помещения на маленьком кружке медали точной копии схемы морского боя, а с другой — крайней спешкой, с которой производилось изготовление штемпелей. Последнее обстоятельство несомненно сказалось и на характере надписей; как и на многих других медалях того времени, они исполнены без точного расчета отводимого для них места и набраны из букв разного размера — очевидно, для работы пользовались теми пунсонами, которые были под руками.

Право на получение наградной медали за Гангут обеспечивалось участием в бою, засвидетельствованным начальниками. Медали получали все, кто входил в состав авангарда галерной эскадры, независимо от личных боевых подвигов. Даже те, кто отличались более других, не выделялись особо при награждении медалями. Такая система награждения, при всей кажущейся новизне воинских наградных медалей петровского времени, а в особенности солдатских, самым непосредственным образом связывается с военным бытом допетровской Руси. Известно, что на протяжении XVI—XVII вв. существовала твердо установившаяся традиция жаловать за ратные подвиги золотыми и вызолоченными серебряными монетами, причем постоянно наблюдаются, с одной стороны, случаи массового награждения, а с другой — разделение степеней наград по чинам награждаемых. Таким образом, Петр лишь умело использовал, в обновленной форме, русские воинские традиции прошлого. Установленный им порядок награждения медалями всех участников сражений сохранялся в течение всего XVIII в. (медали за победу при Франкфурте на Одере, за храбрость на водах Очаковских, за Кинбурн, за взятие Измаила и др.).

²² Полное название: «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых батальей учиненных над войсками его королевского величества швейцарского» (экземпляр Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, Петровские издания, № 44).

SUMMARY

PREFACE

The present volume is a continuum of a series of the «Trudy Otdela Numismatiki Gosudarstvennogo Ermitagia» („Transactions of the State Hermitage Department of Numismatics“) the first volume of which, prepared for publication at the very beginning of 1941, was issued only after the World War II, bearing the names of the majority of the authors crêpe-framed.

In the course of last years a number of young specialists brought up under the guidance of few representatives of the older generation started their work in the Department of Numismatics of the Hermitage. Once again the research work of the Department could be resumed and a diversity of themes embracing various groups of numismatic material could be involved. Taking into consideration the differentiation of scientific trends and interests both of scholars and readers, the decision was adopted to dispense with the publication of Collected articles dealing with various subjects and to dedicate each newly issued volume to some definite range of problems.

The volume presented to the attention of readers contains articles dealing with the ample problem on the history of Russian currency. The volume is dedicated to several memorial dates as follows: 100th birthday of two former chiefs of the Department: professor A. K. Markov (1858—1920) and corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR A. A. Ilyin (1858—1942), 75th birthday of the former curator of the oriental coins professor R. R. Vasmer (1888—1938).

In the next numismatic volume of the „Transactions“ there will be published articles on numismatics and the history of currency in the Antiquity, the Orient, and the Western Europe.

I. Sokolova

BYZANTINE COINS FROM THE VELLA HOARD

The hoard containing mediaeval West European, Byzantine and oriental coins known through several brief announcements published at different time was found in 1903 on the territory of the Vella farm-estate (the Baltic coast). The majority of the coins preserved gradually entered the Hermitage collection. The considerable amount of Byzantine coins (about 140 specimens) unusual for the Russian hoards of the XI century is of a particular interest.

The author presents a detailed list of the Byzantine coins from this treasure-trove preserved in the Hermitage with special reference to the miliarissii of Basil II and Constantine VIII which, judging from a series of epigraphic and technical details, may be clearly classified into two groups.

However the classification has no bearing of the variance in time of their coining or on their being issued in various centers. The established difference in the weight of the coins of both groups is but a peculiar metrological phenomenon of official nature.

U. M. Potin

DEGTIANY HOARD OF THE MIDDLE OF THE XI CENTURY

In June of 1957 in the village of Degtiany (Kopylsk district, Minsk region) a hoard consisting of silver objects and coins was found. A part of the find was lost getting into private hands and only about 20 fragments of adornments and 261 coins were preserved, among them 84 unimpaired Czech coins and 10 fragments thereof, two Hungarian coins, 146 German intact coins and 10 fragments thereof, one intact and 2 fragments of English coins and imitations thereof, 4 specimens of completely effaced West-European coins and 2 fragments of cufic ones. Coins bearing names of Otto and Adelheid, „Wenden“ pennies, coins of Rhineland and Franconia issued mostly under Otto II, Otto III and Heinrich II predominate among German denarii. The major part of Czech denarii is assigned to the time of Bretislav I (1034—1055) and represented by 8 various types of coins suggesting that the treasure was hidden about 1050. The location of the hoard is accounted for by the proximity of transit from the river Bug to the river Pripiat connecting the ancient Russia with Poland.

A. A. Bykov

ORIENTAL COINS OF THE DEGTIANY HOARD

The author describes two dirhams discovered in the hoard of West European denaries of the XIth century found on the territory of the BSSR and published in the present volume.

In spite of their being imperfectly preserved both coins were rather precisely determined. The first is a dirham of the Abbasid caliph al-Muktadir (the mint-name is obliterated) issued in 319 (931). The other is a dirham of the 'Okailid emirs Husan ad-Daula and Djannah ad-Daula, struck in al-Mausil in 387 (997). The description of this coin is supplemented with a detailed palaeographic analysis of its legends revealing the designing, characteristic for the script on the 'Okailid coins. According to the author the revealing of characteristic features of the script of any group of coins may be useful for the study of the history of cufic script on the coins, as well as for the determination of cufic coins imperfectly preserved: the palaeographic data are very often the only clarifying characteristics.

The study of the routes and the time of the above-described dirhams penetration into the territory of the BSSR permitted the author to assume that by the moment of hiding the hoard (the middle of the XIth century) both coins were but remnants of the currency of the antecedent period. Abbasid and 'Okailid dirhams and fragments thereof are met with in cufic hoards of the X—XIth centuries not only in the Eastern but as well in the Northern and Middle Europe.

Therefore the provenance of both specimens, as well as of the other dirhams and fragments from the finds similar to the studied one on the territory of the Eastern Europe might be assigned not from the East, but the West, wherefrom they could come with the flow of the Western Europe denaries.

*T. Minasian***THE HOARD OF QUARTNIKS OF EARLY XVTH CENTURY**

Among the hoards of Polish coins preserved in the Hermitage the earliest is that of quartniks of the beginning of the XVth century found in the Belostok region at Sokulki. It comprises 134 small and large quartniks of Vladislav Yaguello (1386—1434). Of an exceptional interest, due to its rarity, is a quartnik of Zemovid IV (1379—1426) Prince Mazovetzky who illegally struck in Plotzk quartniks, which being equal as to their weight to those of Vladislav Yaguello differed from the latter by their external features. Both small and large quartniks are systemized after the scheme of professor M. Gumovsky according to the mintmasters' initials the majority of the coins is marked with 60 specimens out of 123 have no initials; the rest are marked as follows: 37 bear the character „n“; 4-, „n-p“ and 21-, „M-P“. One quartnik is considerably effaced and the characters it bears are indistinct. 7 large quartniks bear the initial „P“ and 3 — the initial „n“. The above-described hoard is unique among the registered over 800 finds comprising Polish coins and discovered on the territory of the USSR.

*A. A. Markova***MOGULEV HOARD OF DUCATS OF THE XVI-XVII CENTURIES**

A newspaper cutting preserved in the archives of A. A. Ilyin and dated „1936“ facilitated identifying the group of gold coins, transferred to the Hermitage by the Ministry of Finance of the USSR in 1940, as a treasure-trove found in Mogulev during the laying out of the water pipe system. The composition of the hoard, the number of coins, traces of earth on the coins, and some other characteristics permitted to establish the treasure being the find mentioned in the newspaper cutting and composed mainly of dutch tchervonetzts. The total number of coins is 466, among them 303 specimens of Netherlandish ducats from the provinces: Gueldres, Holland, Zeeland (including 4 double ducats dated 1649—1659), Friesland, Western Friesland, Utrecht, Overijssel dated from 1587 to 1717; 67 ducats of the imperial cities Zwolle, Campen and Daventer; a Brabant double ducat of Albertus and Elisabeth not dated; 2 ducats from Denmark, 5 from Danzig, 2 from Thorn, 2 from Breslau, 1 from Altenburg (Saxony) and one of Albertus line (double ducat, 1639); ducats of the cities Stralsund, Brunswick, Rostok, Hamburg are presented by one specimen each; Lübek — 3, Nuremberg — 3, Frankfurt — 4, Archbishopric of Mayence — 3, Cologne — 1, Ulm — 1, Bishopric of Salzburg — 4 (including a double ducat of 1593); Linz (the Upper Austria) — 1, Vienna (the Low Austria) — 3, Tyrol — 1, Prague (Bogemia) — 7, Carinthia — 6, Kremnitz (Hungary) — 13, Transylvania — 8, Chur (Switzerland) — 1, Modena — 2, Savoy — 2, Venitian zechins of doges Giovanni Mocenigo, Pietro Loredan Alvise Mocenigo, Nicolo da Ponte, Giovanni Corner, Francesco Erizzo, Paolo Renier, Lodovico Manin are presented in number of 15.

Some doubts arise as to the belonging to the hoard of 6 coins which might be dated either too early (zecchino of G. Mocenigo) or too late (zecchino of P. Renier, L. Manin and Zeeland ducat 1717) for the given hoard. The origin of the rest of the coins is unquestionable. The earliest of them is the Pensylvanian ducat 1539, the latest is the Hungarian one 1692.

The comparing of the hoard with that from the Kievo—Petchyorsky Monastery containing 6 thousand coins reveal a feature characteristic of the hoards of the XVIIth century, i. e. the predominance in both finds of Dutch ducats which were widely spread in Russia of the XVIIth century, being the main form of gold imported to the country. The notes on finds of separate gold coins and hoards thereof in the Byelorussia and Ukraine have repeatedly appeared in the literature.

*M. P. Sotnikova***EPIGRAPHICS OF PAY SILVER BARS IN NOVGOROD THE GREAT OF XII-XV CENTURIES**

The author has studied the inscriptions-graffiti on Russian rod-shaped silver bars of the XII—XVth centuries having 10—12 cm. length and above 200 gr. in weight. They are known in literature as Novgorod bars after the name of the site where the first find was discovered. The bars from the largest collections preserved both in the Hermitage and Moscow Historical Museum served as a main material for the present investigation.

The summary catalogue commented and compiled by the author includes over 100 inscriptions — the half of which is being published for the first time — and 100 separate characters and tokens. With an exception of 2—3 short sentences all the inscriptions are male and female names or nicknames or adjectives derived thereof in various inflection cases.

The inscriptions on these ingots represented a kind of working marks made by smelters. The great variety of names shows that the inscriptions served to discriminate the ingots manufactured for different customers — owners of the silver. The necessity in such inscriptions is accounted for by the manner the ancient Russian mints operated. Possessing no silver stocks of their own they functioned not the whole year through, but only from time to time on receiving orders.

The peculiarity of spelling and palaeographic similarity of the inscriptions under study to those on the Novgorod birch-barked «gramotas» (manuscripts) as well as dialectal forms ascertain the Novgorod origin of all rod-shaped ingots of XII—XVth centuries and the latter in its turn testifies to the peculiar „monopoly” of Novgorod in supplying all Russian feudal states with the West-European silver.

The present article reveals the fact of wide application of the arithmetics in the industrial practice of smelters. The rows of scraps (from 2 to 17 in number) conditionally called „incisions”, are present nearly on the half of all known ingots. The correlation of the number of such incisions with metrologic and technical data suggests that such incisions were used for denoting the loss in weight caused by the melting of silver. This loss was calculated by means of comparing the ingot weight with that of the silver in crucible. Having established that the waste equalled to 1/7, 1/9, 1/15 of its weight, etc., the smelters cut the corresponding number of incisions (7, 9, 15, etc.) „closing” them by a cross.

*I. G. Spassky***GOLD MILITARY REWARDS IN RUSSIA BEFORE PETER I**

The present investigation is dedicated to the scarcely studied problem on Russian gold coining of the VX—XVIIth centuries, and is based on the invaluable Hermitage collection, as well as on historical documents enlightening the practical application of gold coins in Russia. The Hermitage possesses over 250 gold coins from the time of Ivan III (1462—1505) to the time of Peter I inclusive.

The gold coining in Russia of the XV—XVIIth centuries depended on the inflow of gold in the form of West-European gold coins. Metrologic influence of the latter was told on the assignment of foreign denominations to Russian coins when they were struck in weight standards of European gold coins (or restruck of them). The overwhelming mass of gold was imported to Russia as ducats. The name „ugorsky” (i. e. Hungarian) sprang up in the XVth century when the Hungarian ducat played a notable role in the general European currency and was maintained till the beginning of the XVIIIth century, though already in the middle of the XVIth century this role had passed to the dutch ducat. Any gold coin of the ducat's weight was called „ugorsky”, and in the documents of this time, the name „Russian (or «Moscow») ugorsky” — is encountered.

In the XVth and early XVIth centuries there were very popular in Russia shiffsnobles („korabelnics” in Russian, derived from the word „korabl” — ship). Perhaps the demand was, to a certain degree, associated with the striking of imitations of shiffsnobles on the Continent. The data on the Russian coinage in the weight of korabelnics are not available. From the middle of the XVIth century the shiffsnobles were replaced by „portugals”; this name entered the Russian language as denomination of any coins weighing 5 and 10 ducats (portugal and double portugal). The fact of coining portugals in Russia is established. The metrology of the ducat extended on the Russian coins in $\frac{1}{2}$ and $\frac{1}{4}$ of the «ugorsky».

Since the end of the XVth century, simultaneously with striking coins in the weight standards of the ducat, the gold coining in Russia was executed by stamps and in the weight of the Russian silver coins. The discs for this purpose were also prepared by a similar method (flattening of cuts of wire verified in weight). Until the beginning of the XVIth century there was struck a gold „denga” and since 1533 gold „kopeck” or „novgorodka”. For the currency needs the gold denga and kopeck were struck only from 1610 to 1612. However during the whole period under survey the gold coins of all kinds were used as rewards of honour for military merits.

A peculiar feature of the Russian tradition was the rewarding „en masse” of all participants of a battle or campaign, the weight or value of the coins being never correlated with the actual merits of the person recommended for decoration, depending exclusively upon his official position. The commander — „boyarin” — received a portugal while «the ordinary warrior — nobleman — a gold denga. The general specific name „zolotoy” (gold) extended as well on the Russian gilded silver coins which served for rewarding lower ranks of the army.

The archeaval documents enlighten the problems of coining the „portugals”, „ugorskys” and other Russian gold coins. Data on the state system of rewarding during some periods of the XVIIth century are available; the number of persons recommended for rewards attained several thousands a year. A real mass rewarding took place in the army of Bogdan Khmelnitzky in 1654 when over 60 thousand „zoltoys” ($\frac{1}{4}$ of ugorsky) were distributed.

The monetary reform of Peter I carried out in 1700 created some technical basis for substituting the former „zoltoys” by gold medals of various weight for the army officers and by silver medals for soldiers and seargents; however the traditional features of rewarding were retained.

I. Piskunova

REWARDING WITH MEDALS FOR GANGUT BATTLE (27TH JULY, 1714)

On the basis of the preserved archeaval documents the author has studied the system of rewarding the army and navy officers, soldiers and sailors participating in the battle at Tve-remünde near Gangö-Ude under the leadership of Peter I, when the Russians captured six galleys, a frigate and several smaller ships of the Swedish fleet.

In a spirit of the old Russian tradition all direct participants in the battle — from the officers of high rank down to soldiers-oarsmen were rewarded. The officers (including non-commissioned officers of the guard) were decorated with gold medals of various weight (of 45, 30, 15, 11, 7 ducats) in accordance with their official position irrespective of personal military merits. Medals of four senior classes were provided with gold chains in the weight of 75, 60, 30 and 22 tchervonetz. Small medals (7 tchervonetz) as well as soldier silver medals were designated for wearing on the ribbon in the buttonholes. Altogether 144 gold medals were delivered, 55 of them with chains. In the course of rewarding the initially elaborated system of rewarding underwent alterations and some substitutions took place.

Silver medals having the size of a rouble coin were presented to 3125 soldiers, sailors and army subofficers. The distribution of rewards continued up to 1717. Among the archeaval documents there are preserved petitions of many soldiers, who owing to wound or some other reasons, could not receive the reward in time. For their rewards supplementary lists were prepared. The Hermitage collection contains several soldier silver medals as well as gold medals (in the weight of 7, 11 and 15 tchervonetz) without chains.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник.
 АИ — Акты исторические.
 АИЗ — Археологические известия и заметки Московского Археологического общества.
 АИМК — Академия истории материальной культуры.
 АМГ — Акты Московского государства, изданные имп. Академией наук.
 АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.
 Бауер — Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI вв. (Известия Гос. Академии истории материальной культуры, т. V, Л., 1927).
 ВИ — Вопросы истории.
 Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей.
 ГИМ, ИМ — Государственный исторический музей.
 Г—Ч — Э. К. Гуттен-Чапский. Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. СПб., 1875.
 ГЭ, Э — Государственный Эрмитаж.
 ДАК — Дела Археологической комиссии.
 ДРВ — Древняя российская вивлиофика, изд. 2-е.
 ЗНОРАО — Записки нумизматического отделения русского Археологического общества.
 ЗАО — Записки Археологического общества.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИАНОРЯС — Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности.
 ИЗ — Исторические записки.
 Ильин, Топография — А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X и XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924.
 Ильин, Топография(слитки) — А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. П., 1921.
 Карамзин — Н. М. Карамзин. История государства Российского.
 КПОНГЭ — Книга поступлений Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
 Марков — А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
 МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
 Н. — В. М. Неключдов. О русских денежных слитках. ТОНГЭ, т. 1, Л., 1945.
 О. — А. В. Орешников. Описание серебряным монетным слиткам из собр. имп. Российского Исторического музея. ТМНО, т. II, М., 1901.
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
 ПСЗ — Полное собрание законов, изд. 1832 г.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 Р. — Б. А. Рыбаков. К библиографии русских надписей XI—XV вв. ИЗ., № 4, 1938.
 РИБ — Русская историческая библиотека.

- Ряз. муз. — Рязанский музей.
 СА — Советская археология.
 СГГД — Собрание Государственных грамот и договоров.
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
 СИО — Сборник имп. Русского Исторического общества.
 ТМНО — Труды Московского нумизматического общества.
 ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
 Ч. — А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древнимкладам. ТМНО, т. II. М., 1901.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей при Московском университете.
 Э, Инв. № — Ссылка на монеты, поступившие в собрание Эрмитажа после опубликования «Инвентарного каталога ...» А. К. Маркова и четырех дополнений к нему.
 Вауег, NZ — N. Вауег. Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters (Numismatische Zeitschrift, Wien, B. 62, 1929; B. 64, 1931).
 Вауег, ZfN, XXXIX — N. Вауег. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts (Zeitschrift für Numismatik, Berlin, B. 39, 1930; B. 42, 1935).
 BMC — W. Wroth. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British Museum, т I—II. London, 1908.
 Dbg — H. Dänneberg. Die deutsche Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit, тт. I—III. Berlin, 1876, 1894, 1898.
 Fiala — E. Fiala. Ceske denary. Praha, 1896.
 Jammerr — V. Jammerr. Die Anfänge der Münzprägung im Herzogtum Sachsen. Numismatische Studien, H. 3-4. Hamburg, 1952.
 NNM — Numismatic Notes and Monographs.
 NZ — Numismatische Zeitschrift, Wien.
 RN — Revue numismatique.
 SbGEG — Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft.
 Vasmer — R. Vasmer. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. Stockholm, 1929.
 ZfN — Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>От редакции</i>	5
И. В. Соколова. Византийские монеты клада Велла	10
В. М. Потин. Дегтянский клад денариев середины XI в.	23
А. А. Быков. Восточные монеты Дегтянского клада	30
Т. Н. Минасян. Клад квартников начала XV в.	36
А. А. Маркова. Могилевский клад дукатов XVI—XVII вв.	39
М. П. Сотникова. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв.	44
И. Г. Спасский. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси	92
Л. С. Пискунова. Награждение медалями за Гангутский бой 27 июля 1714 г.	135
Summary	141
<i>Список сокращений</i>	146

Труды Государственного Эрмитажа
Том IV

НУМИЗМАТИКА. 2

Редактор Г. А. Терентьев
Художник И. С. Серов
Художественный редактор Ю. С. Фрейдлин
Технический редактор Л. Л. Рахмилевич
Корректор Л. М. Мелковская

М-22303. Подписано к печати 27/III 1961 г. Изд. № 83. Формат бумаги 84×103¹/₁₆. Печ. л. 9¹/₄. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 13,9. Тираж 2000. Заказ 158. Цена 1 р. 30 к.

Издательство Государственного Эрмитажа. Ленинград, Дворцовая наб., 34.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 „Печатный Двор“ имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
Стр. 30	8 сверху	1037 – 1055	1034 – 1055
» 54	(Табл. III)	рис. 41 перевернут	
» 76	8 сверху	на обрубке	на обрубке
» 129	2 снизу	алтыны 1698, 1693	алтыны 1697, 1698
» 142	4 сверху	U. M. Potin	V. M. Potin
» 142	1 и 21 снизу	denaries	denarii
» 142	17 снизу	Husan ad-Daula and Djannah	Husam ad-Daula and Djanah
» 144	23 сверху	ignots	ingots
» 144	20 снизу	ignot	ingot
» 144	11 »	the time	the first time